

Серия
«АЗИАТИКА»

Акиф Фарзалиев, Рена Мамедова

СЕФЕВИДЫ И ВЕЛИКИЕ МОГОЛЫ В МУСУЛЬМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИКЕ

Санкт-Петербург
Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2004

Печатается по постановлению Ученого совета Восточного факультета СПбГУ

Рецензенты:

докт. ист. наук, проф., зав. кафедрой Центральной Азии и Кавказа
Восточного ф-та СПбГУ *Т. И. Султанов*;

канд. ист. наук, доцент кафедры Истории стран Ближнего и Среднего Востока
Восточного ф-та СПбГУ *С. Е. Григорьев*

Научный редактор

акад. *В. М. Массон*

Фарзалиев А. М., Мамедова Р. М.

Ф24 Сефевиды и Великие Моголы в мусульманской дипломатике. —
СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. — 228 с. — (Азия-
тика).

ISBN 5-8465-0234-2

В монографии освещаются некоторые проблемы взаимоотношений между Сефевидским государством и империей Великих Моголов в XVI–XVII веках. Для исследования данной темы авторами изучены и впервые введены в научный оборот источники, собранные в сборнике писем под названием «Мунша' ат-и Салатин» («Переписка между султанами») из собрания Института рукописей НАН Азербайджана. Исследуемые материалы дают возможность получить ценную информацию, которая отсутствует в хрониках, жизнеописаниях правителей, региональных историях и прочих трактатах.

Для преподавателей, аспирантов и студентов восточных и исторических факультетов, факультетов международных отношений, а также всех, интересующихся средневековой историей Азербайджана, Ирана, Индии и Афганистана.

ББК 63.3(54)

3 H 128478

© А. М. Фарзалиев, Р. М. Мамедова, 2004

© Филологический факультет СПбГУ, 2004

© С. В. Лебединский, оформление, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Как Иран при Сефевидах, так и Индия в годы правления Великих Моголов достаточно полно изучены и у нас в стране, и за рубежом. Однако в истории этих двух государств существуют вопросы, которые проработаны мало и нуждаются в дальнейшем исследовании. Одним из них является проблема отношений Сефевидов и Великих Моголов в XVI — первой четверти XVII в.

Как известно из источников, дружеские отношения правящих династий этих стран зародились еще в XV в. между предками основателей Сефевидского государства и Могольской империи Хваджа Султаном Али и Тимуром¹. Взаимоотношения между правителями этих государств в рассматриваемый период не всегда носили ровный характер: одни факторы благоприятствовали дружбе и сотрудничеству, другие — приводили к ухудшению отношений между ними. Но, в общем, можно сказать, что дипломатические отношения между Сефевидским государством и Могольской империей были дружественными и добрососедскими.

Известно, что в течение всего XVI в. Сефевиды вели войны с Османской империей и узбеками не только за раздел территорий, но и на почве религиозной розни. Но, несмотря на это, в случае с Моголами различия в религии не мешали Сефевидам, которые являлись шиитами, стремиться к поддержанию дружественных отношений с Моголами-суннитами. По-видимому, их объединяли, особенно на начальном этапе, вражда с узбеками и перспектива создания союза против них. Кроме того, их связывала и общая культура, так как иранская цивилизация простиралась гораздо дальше реальных границ страны. В Могольской империи насчитывалось большое количество выходцев из Ирана, занятых во всех сферах жизни страны. Поток талантливых людей из Сефевидского государства в Индию устремился с конца правления императора Бабура. Среди них были поэты, художники, врачи, чиновники, торговцы, зодчие, математики и др. Итальянский путешественник Никколо Мануччи, побывавший в Индии, писал, что «иранцы прославились тем, что поднимают престиж своей нации в Могольской

¹ *Искендер бек Туркман*. Тарих-и Алам арай-и Аббаси. Тегеран, 1314 (далее — Тарих-и Алам арай-и Аббаси). С. 12.

империи, и их [здесь] большое количество; [все они] — благородные люди»². Эти люди также способствовали поддержанию дружественных отношений между этими странами.

Однако между Сефевидами и Моголами нередко возникали и разногласия, основной причиной которых была борьба за владение Кандахаром, важным стратегическим пунктом, лежащим на пересечении торговых путей. Для Сефевидов он был важным бастионом для защиты своих земель, так как обладание им означало отступление узбеков от границ Ирана. Как отмечает Искандер Мунши, кроме всего прочего, для Сефевидов владение крепостью являлось и делом престижа³. Кандахар имел важное стратегическое и экономическое значение и для Моголов, так как владение им облегчало последним контроль над белуджскими и афганскими племенами.

Другим фактором, влияющим на взаимоотношения этих стран, являлся Деккан. Так как декканские правители, как и Сефевиды, исповедовали шиизм, между ними установились прочные дипломатические отношения, постоянно происходил обмен посольствами⁴. Кроме того, кызылбаши в Деккане принимались на высшие государственные посты. И, естественно, эти обстоятельства не могли не тревожить Моголов. Но, несмотря на эти разногласия, ни Моголы, ни Сефевиды, согласно источникам, не намеревались всерьез вторгнуться во владения друг друга, хотя в некоторых материалах встречаются упоминания о планах Акбара по захвату сефевидских земель, в основном Систана⁵. О претензиях кызылбашей на могольские провинции Синд и Мултан и намечаемых ими вторжениях в эти области мы находим неоднократные упоминания в документах Ост-Индской компании⁶. Однако информация, извлеченная из исследованных нами документальных и нарративных источников, этих фактов не подтверждает.

Предметом данного исследования явились изучение и научный анализ дипломатической корреспонденции, собранной в таких ценных документах, как «мунша'ат», «мактубат», «инша'», «тарассул», а также других источниках по истории Сефевидского государства и Могольской Индии.

² *Manucci N. Storia do Mogor / Transl. by W. Irvine. I. London, 1907. P. 177.*

³ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 684.

⁴ *Ahmad Nasir. Adilshahi Diplomatic Missions to the court of Shah Abbas // Islamic Culture. Vol. 43. 1969. № 2. P. 143.*

⁵ Абуль Фазл Мубарак Аллами. Мукатабат-и Аллами (Фермаи Акбара Раджи Али хану хандеша) // Рук. Института рукописей (далее — ИР) НАН Азербайджана. Ш. С-64 (далее — Мукатабат-и Аллами). Л. 326–366.

⁶ *Letters Received by the East India Company from Its Servants in the East (1602–1613) / Ed. by F. C. Danvers. Vol. I. London, 1896. P. 278, 281.*

При разработке темы особый интерес для нас представляла неизвестная в научном мире и не изученная ранее дипломатическая переписка, содержащаяся в рукописи «Мунша'ат-и Салатин»⁷ из фонда Института рукописей НАН Азербайджана.

Важная особенность этого памятника заключается в том, что содержащаяся в нем официальная переписка дает возможность получить ценную информацию, которая отсутствует в хрониках, жизнеописаниях правителей, региональных историях и географиях.

В официальных посланиях из сборников типа «мунша'ат» основное внимание уделялось не только интересующим нас дипломатическим отношениям, их установлению и развитию, обмену посольствами, но также и решениям конфликтных ситуаций и путям их урегулирования, различным просьбам, в том числе и личным, а также военной и экономической помощи. Здесь имеются ценные сведения об общем положении в обеих странах, их социально-экономической жизни, состоянии городов, торговли, а также об отношениях с другими государствами.

Главную задачу нашего исследования составляет введение в научный оборот и критический анализ почти не известных нашей науке материалов, собранных в коллекциях типа «мунша'ат», их сравнительно-сопоставительное описание наряду с другими историческими памятниками, а также оценка значимости этих трудов по истории Сефевидского государства, Могольской империи и их взаимоотношений во второй половине XVI — первой четверти XVII в.

Информация, полученная нами из собранного материала, дала возможность более полно и обоснованно рассмотреть различные проблемы, связанные с дипломатическими отношениями между Сефевидским государством и Могольской Индией.

Благодаря богатству библиотек Баку, Санкт-Петербурга, Москвы, Ташкента и Тбилиси нам удалось собрать достаточное количество документальных источников, относящихся к изучаемой нами теме.

Источниками данного исследования, кроме писем из вышеуказанного сборника «Мунша'ат-и Салатин», являются и другие коллекции дипломатической корреспонденции, а также хроники, мемуары, авторы которых были современниками описываемых событий в рассматриваемый период.

Автор выражает особую благодарность за помощь в подготовке книги проф. С. Г. Кляшторному и канд. филол. наук Месиага Мухаммеди.

⁷ Мунша'ат-и Салатин // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. Б-2103.

Глава I

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Помимо основного источника нашего исследования — сборника дипломатической переписки «Мунша'ат-и Салатин», описанию и палеографическим особенностям которого посвящен отдельный параграф второй главы, нами изучены также другие коллекции дипломатической корреспонденции под различными названиями: «мунша'ат», «инша'», «мактубат», «тарассул» и др. Имеющиеся в них официальные послания содержат большое количество конкретного материала по социально-экономической и политической истории сефевидского Азербайджана и сопредельных стран, который не встречается в нарративных сочинениях и существенным образом их дополняет. Но надо отметить, что исследование исторических писем значительно затрудняется вычурным стилем, затемняющим смысл написанного, а также однобоким подходом их автора к освещению политических и других явлений.

В средние века копии отправляемых и получаемых шахских писем содержались в хранилище отчетов, куда имели доступ лишь официальные летописцы и другие лица. Так как шахские письма составлялись выдающимися мастерами и знатоками высокого литературного стиля, то письма эти тщательно изучались и служили образцами для всех последующих поколений катибов и мунши. Кроме того, интересовавшиеся искусством литературного «инша'» коллекционировали эти письма и хранили в личных собраниях.

Одной из наиболее ценных работ, микрофильм которой был любезно предоставлен нам Институтом рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузии, является переписанный в 1242/1626 г. список «Нусха-и джами'а-и мурасалат-и улул-албаб»⁸, составленный Хайдар беком бен Абуль-Касим

⁸ *Абуль Касим Хайдар бек Эвоглу. Нусха-и джами'а-и мурасалат-и улул-албаб* // ИР им. К. С. Кекелидзе АН Грузии. Ш. РК 21/55. См. оп.: Каталог арабских, тюркских и пер-

беком Эвоглу, который служил дарбаном (привратником) шахского гарема в Исфахане. В 1046/1636–1637 г. шах Сафи назначил его на должность эшик-агасибаша, которую до этого при шахе Аббасе I и в первые годы царствования шаха Сафи занимал его отец. В 1075/1664–1665 гг. Хайдар бек был казнен шахом Аббасом II⁹.

Труд Хайдара Эвоглу, посвященный шаху Сафи, был закончен при шахе Аббасе II (1052–1077/1642–1666) и представляет собой коллекцию писем, посланных правителям и правителями Ирана и соседних с ним стран, царских дипломов и других документов со времен Алп-Арслана до царствования шаха Аббаса II. Сборник разделен на два «джуза»: 1) досефевидские документы, 2) документы времен первых Сефевидов в семи «фаслах» и «хатима» (письма известных своей изысканностью авторов и избранные хронограммы).

В работе была использована также рукопись Гияс ад-дина бен Гумам ад-дина Хондемира (1475–1536) «Наме-и Нами» из фонда Института рукописей Азербайджана¹⁰. Ее автор отправился в Индию, был представлен Бабуру в Агре в 935/1628 г. и сопровождал его во время походов в Бенгал в 1529 г. Он также сопровождал Хумайуна в его походе в Гуджарат и умер, по-видимому, про возвращении из него, вероятно, в 942/1535–1536 г., хотя обычно указывается 941/1534–1535 г.¹¹

сидских рукописей ИР им. К. С. Кекелидзе (коллекция К) / Сост. Ц. А. Абуладзе, Р. В. Гварамия, М. Г. Мамапашвили; Предисл. Г. В. Церетели. Тбилиси, 1969. С. 69. — В разных коллекциях название работы дается по-разному: «Маджма' аль-ниша», «Маджма' а-и мурасалат». См. также: *Rieu C. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum*. Vol. I. London, 1879 (далее — *Rieu. Catalogue*). P. 389; *Eiße H. Catalogue of the Persian Manuscripts in the Library of the India Office*. Oxford, 1903. № 2067; *Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library*. Pt. III. Additional Persian Manuscripts / Ed. by A. F. L. Beeston. Oxford, 1954. № 2771. — В Бодлеанском списке «Маджма' аль-ниша» отсутствуют начало и конец, имеются лакуны. Однако Бистон ошибается в своем описании данной рукописи, указывая дату переписки 1600 г. Известно, что эта работа посвящена шаху Сафи (1629–1642) и закончена при шахе Аббасе II (1642–1666).

⁹ См.: *Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор* / Перераб. и доп. Ю. Э. Брегель. II. М., 1972 (далее — *Стори. Персидская литература*). С. 892–893; см. также: *Фалсафи Н. Чанд макала-и тарихи ва адаби*. Тегеран, 1342. С. 415–416, 416–425, 427–428, 429. Однако И. П. Петрушевский ошибочно указывает, что Хайдар бек Эвоглу (у него Хейдер-бек Ивоглу) был «церемониймейстером (эшикагасы)» двора шаха Аббаса I, и в хранилищах СССР рукописей этого сборника нет. По-видимому, он не знал о существовании тбилисского списка. См.: *Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века*. Л., 1958 (далее — *Пигулевская и др. История Ирана*). С. 269; см. также: *Онуллахи С. М. XIII–XVII әсрлердә Тебриз шеһеринин тарихи*. Баку, 1982. С. 216.

¹⁰ *Гияс ад-дин бен Гумам ад-дин Хондемир. Наме-и Нами* // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. М-209.

¹¹ *Стори. Персидская литература*. I. С. 379.

В рукописи «Наме-и Нами» собраны копии писем и ферманов того времени. Список полный, состоит из введения (унван), 9 глав (сатр) и заключения (татмим).

Во введении автор рассказывает об истории написания писем, их формах и структуре, подробно излагает историю создания первых арабских и персидских писем, а также сообщает о классовом составе населения. Первые четыре главы включают в себя переписку разных слоев населения, в V главе собраны письма, которыми обменивались родственники, в VI — поздравительные письма, в VIII — письма разного характера, IX глава посвящена правилам написания ферманов. В заключении в виде прозы описываются исторические события в хронологическом порядке. В конце большинства ферманов отмечена дата 932 г. х. (1525–1526 гг.).

Бумага восточная, кремового цвета, слегка лощеная, XVI в. Чернила черные, заглавия выделены красными чернилами. Пагинация — современная постраничная и полистовая. Кустоды последовательные. Переплет заменяет современная картонная обложка. Почерк — насталик.

На л. 3а имеется заметка о том, что в 1062/1651 г. эта книга принадлежала библиотеке Мухаммеда Шафи из г. Исфахана. Переписчик — Аль-Акбар Идами. Рукопись переписана через 32 года после смерти Хондемира, в 1568 г. Место переписки — село Бурдуй Джамского вилайета¹².

Одним из важных источников по истории отношений Сефевидов и Великих Моголов является «Мукатабат-и Аллами»¹³ — труд одного из близких соратников Великого Могола Акбара (1556–1605) Абуль Фазла Аллами бен Шейх Мубарака (1554–1602), известного государственно-го, религиозного деятеля, историка и литератора XVI в. Рукопись представляет собой сборник писем и ферманов Акбара и состоит из трех частей (дафтар): 1) письма, написанные по приказу Акбара правителям соседних государств (л. 36); 2) письма, написанные автором Акбару, правителям, шейхам, друзьям, а также их ответные послания (л. 456); 3) образцы начала и конца прозаических и поэтических произведений инша' (л. 1366).

Так как бакинский список не имеет описания, пользуясь случаем, ниже кратко описываем его. Текст написан на плотной лощеной бумаге кремового цвета, восточного производства, каллиграфическим «насталиком». Названия частей (дафтар), собственные имена адресатов, а также биномы написаны кинноварью. На л. 16 имеются оттиски пяти квадратных и

¹² О бакинском списке «Наме-и Нами» см. также: *Онуллахи С. М.* «Наме-и Нами» эсэрини Баки нусхəsi. Əлјазмалар хəзинəsiндə // *Азəрб. ССР ЕА РƏФ Нəшри.* IV Чилд. Баки, 1976. С. 61–69.

¹³ Мукатабат-и Аллами.

одной овальной печати с неразборчиво написанными легендами. Кустоды соблюдаются. Пагинация — современная полистовая (карандашом).

Дефекты: некоторые листы падают с корешка, поля листов изъедены книжным червем, поля л. 2–3 реставрированы другой бумагой.

Переплет восточный, неплотный картон, обтянутый коричневой кожей с тремя цветочными ромбовидными медальонами.

Переписчик — Мухаммед-Касим бен Мухаммед-Салих аль-Харам аль-Хусайни.

Место написания — Шах-Джаханabad. Дата — 26 шавваля 1065 / 29 августа 1656 г. Размер листа — 26,5 × 14, объем — 207 л.¹⁴

Несколько писем, исследованных нами, взяты из рукописи «Мактубат» (В-2501), хранящейся в библиотеке Санкт-Петербургского филиала ИВ РАН и содержащей дипломатическую переписку шаха Аббаса I с правителями других стран, в том числе и с могольскими императорами Акбаром и Джахангиром.

Многие письма, относящиеся к нашему исследованию, встречаются также в книгах, содержащих дипломатическую корреспонденцию правителей Сефевидского государства с другими странами и изданных в Иране персидскими учеными. К ним относятся работы Н. Фалсафи¹⁵, З. Сабатийан¹⁶, Абд уль-Хусейна Наваи¹⁷. Здесь надо отметить и интересную монографию пакистанского историка Рийазул Ислама¹⁸. Благодаря представленным в их работах официальным посланиям нам удалось устранить пробелы в собранном материале.

При написании теоретической части данной работы большую помощь нам оказало известное сочинение азербайджанского ученого Мухаммеда

¹⁴ О других списках этой рукописи см.: Собрание восточных рукописей Академии Наук Узбекской ССР / Под ред. А. А. Семенова. Ташкент, 1952. Т. 1. С. 155; Каталог восточных рукописей Академии Наук Таджикской ССР / Под ред. А. М. Мирзоева, А. Н. Болдырева. Сталинабад, 1960. Т. 1. С. 253; Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. Исторические сочинения. М., 1971. С. 562; Rieu C. 1) Catalogue. P. 396; 2) Supplement to the Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. London, 1888. P. 118; Ага Бозорг Тегерани Зари'а. Аз зари'а ила тасаниф аш-ши'а. XXII. Тегеран, 1392 (далее — Аз зари'а ила тасаниф аш-ши'а). С. 129; Ёлжамалары каталогу. I чилд. Тарих, чография, эдэбијат назэријэси, тэзкирэлэр, бэдин эдэбијат ва мүншэат' / Ёи сөз, тэсвирлэр ва көстэриг илэр. М. Султановундур. Бақы, 1963. С. 435.

¹⁵ Фалсафи Н. Зендегани-и Аббас-и Аввал. Т. I–IV. Тегеран, 1334–1341.

¹⁶ Сабатийан З. Асиад ва намеха-и тарихи: доура-и Сафавийа. Тегеран, 1343.

¹⁷ Абд уль-Хусейн Наваи. 1) Шах Исмаил Сафави. Асиад ва мукатибат-и тарихи хамрах ба йаддаштха-и тафсили. Тегеран, 1347 (далее — Шах Исмаил Сафави); 2) Шах Тахмасиб Сефеви. Асиад ва мукатибат-и тарихи хамрах ба йаддаштха-и тафсили. Тегеран, 1350 (далее — Шах Тахмасиб Сефеви).

¹⁸ Riazul Islam. Calendar of Documents on Indo-Persian Relations. Vol. I–II. Karachi, 1971.

ибн Хиндушаха Нахчивани «Дастур аль-катиб фи та'йин аль-маратиб»¹⁹, написанное в 1360 г.

Другим ценным источником по теории составления средневекового письма является «Маназир уль-инша'», труд Хваджа Джахана Имам ад-дина Махмуда Гавана Гульпайгани, известного как Хваджа Махмуд Джавад или Хваджи Джахан (дата смерти, указанная в книге «Хиайат аль-арифин», — 886 г. х.). Автор был везирем Султан Мухаммеда шаха аль-Бахмани аль-Хинди. Сочинение состоит из предисловия (о сущности инша', ее тематике и задаче), состоящего из 8 глав (фасл). Далее следуют две статьи (макала): 1) о классификации писем по системе инша', разработанной специалистами (состоит из 4 частей); 2) изложение основных принципов инша' (состоит из 5 частей). В заключении (хатима) говорится о сущности письма и правилах инша' (7 правил). Книга была издана в Стамбуле в XIX в. без указания года. Первый список хранится в Тегеранском университете (дата переписки — 980 г.), а второй — в Национальной библиотеке в Тебризе (998 г.)²⁰. Катиб Челеби в «Кешф аль-зунун» писал, что «Маназир уль-инша» является «одной из полезных книг, и ее автор является одним из знаменитых людей мира, он владеет богатством знаний, и его благодеяния распространились от индусов до ученых-европейцев и был почитаем их учеными»²¹. Мы пользовались списком этого сочинения, хранящимся в Библиотеке восточного факультета СПбГУ (Ш. № 443)²².

Из современных работ, касающихся теории составления сочинений эпистолярного «инша'», надо отметить научную монографию М. Момина²³ и книгу, изданную Ю. Хусейном²⁴. К сожалению, этими авторами исследованы исключительно письма, составленные могольскими мунши, и почти ничего не говорится о сефевидской школе составления писем, оказавшей большое влияние на могольских катибов.

¹⁹ Мухаммед ибн Хиндушах Нахчивани. Дастур аль-катиб фи та'йин аль-маратиб / Критический текст, предисл. и указатель А. А. Али-заде. Т. I. Ч. 1, 2. М., 1964–1971; Т. II. М., 1976 (далее — Дастур аль-Катиб). О Мухаммеде Нахчивани более подробно см.: Али-заде А. А. Общность взглядов ученых Ирана и Азербайджана XI–XVI вв. по вопросам социально-экономического характера (Низам аль-Мульк, Рашид ад-Дин и Мухаммед Нахчивани). Ст. 1 // Изв. АН Азерб. ССР. Сер. ИФП. 1968. № I. С. 47–55; Ст. 2 // Там же. 1969. № I. С. 31–50.

²⁰ Аз зари'а ила тасаниф аш-ши'а. XXII. С. 273–279.

²¹ *Katib Çelebi*. *Keşf el-Zunun*. С. II. Istanbul, 1943. S. 1833.

²² *Salemann C., Rosen V.* Indices alphabetici codicum manuscriptorum persicorum, turcicorum, atabicorum, qui in bibliotheca Imperialis literarum universitatis Petropolitanae. Adservantur. Petropoli, 1888. С. 19.

²³ *Momin M.* The Chancellery and Persian Epistolography under the Mughals from Babur to Shah Jahan (1526–1658). Calcutta, 1971.

²⁴ *Diplomatic Correspondence between Mir Nizam Ali Khan and the East India Company (1780–1789)* / Ed. by Y. Husein. Hyderabad; Dekkan, 1958.

Также широко нами были использованы и нарративные источники. Среди них можно назвать мемуары основателя Могольской империи Бабура «Бабур-наме». (Мы воспользовались списком «Бабур-наме» из фонда ИР НАН Азербайджана²⁵, а также лондонским²⁶ и ташкентским²⁷ изданиями.)

Среди использованных нами хроник «Хумайун-наме» Гюльбадан-бегум занимает особое место. Дочь Бабура Гюльбадан-бегум получила хорошее образование, была знакома с видными учеными, выходцами из Мавераннах-ра и Хорасана и, в отличие от других придворных историков, пользовалась большим влиянием при дворе не из-за своего высокого положения, а благодаря своему уму, способностям и таланту. Как Хумайун, так и Акбар относились к ней с большим уважением, прислушиваясь к ее мнению при решении важных государственных вопросов. Известный исследователь жизни и деятельности Бабура С. А. Азимджанова пишет, что «привилегированное положение Гюльбадан-бегум и определило довольно независимый тон ее сочинения... Она со свойственной ей пытливостью обратила внимание на факты, которые остались вне поля зрения официальных историков эпохи Моголов»²⁸. Кроме того, Гюльбадан-бегум много путешествовала, встречалась с известными людьми, получала ценные сведения от непосредственных участников тех или иных событий. Что касается глав ее книги о дипломатических отношениях Хумайуна с шахом Тахмасибом во время его бегства в Иран, то она их получила от жены Хумайуна Хамиды Бану-бегум, сопровождавшей последнего в Иран. Кроме жизнеописания Хумайуна, в своей работе Гюльбадан-бегум дает много ценных сведений о правлении Бабура. Она была единственной женщиной средневекового Востока, написавшей исторический труд, и в ее работе впервые поднимается вопрос о роли и месте женщины в управлении государством. Интересен тот факт, что это единственная работа, где отдельные отрывки используемого источника (зд. «Бабур-наме») даются на языке оригинала. С этой точки зрения, Гюльбадан-бегум впервые применила новый метод в написании хроник и тем самым дала толчок развитию истории писаний. Рукопись «Хумайун-наме» Гюльбадан-бегум хранится в Британском музее, она переведена на английский язык известным британским ученым А. С. Беверидж и издана в 1902 г. в Лондоне²⁹. «Хумайун-наме»

²⁵ Захираддин Бабур. Бабур-наме // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. С-391.

²⁶ *Zahiruddin Babur. Babur-nama* / Tr. by A. S. Beveridge. London, 1912–1921.

²⁷ Бабур-наме. Записки Бабура / Пер. М. Салье. Ташкент, 1958.

²⁸ Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и Индии. М., 1977. С. 22–23. О жизни и деятельности Гюльбадан-бегум см. подробнее: *Beveridge H. Gülbâden Begum. İslam Ansiklopedisi*. C. IV. İstanbul, 1948. S. 834.

²⁹ *Gülbâdan Begum. Humaun-nama* / Persian text, with transl. by A. S. Beveridge. London, 1902 (далее — Хумайун-наме).

Гюльбадан-бегум была использована как опорный материал для книги Абуль Фазла Аллами «Акбар-наме»³⁰.

Нами был использован бакинский список рукописи «Акбар-наме» под шифром С-638. Однако он охватывает лишь 1 и 2 части тома. Недостающую часть I тома и II и III томов мы исследовали, пользуясь английским переводом Г. Беверидж, а также персидским текстом, изданным в 1877–78 гг. в Калькутте³¹.

Текст рукописи написан на плотной лощеной бумаге кремового цвета среднеазиатского производства каллиграфическим «насталиком». Заголовки, биномы выведены киноварью. На некоторых листах имеются оттиски печатей с легендой. На листах соблюдаются кустоды. На фронтисписе вместо басмалы имеется унван со словами «тарих-и Акбари» — («история Акбара»).

Переплет — плотный картон с темно-коричневой кожаной облицовкой с тремя тисненными овальными цветочными орнаментами светло-зеленого цвета.

Эта книга переписана в 1655 г., через 54 года после смерти автора, Мухаммедом Бафки Джалалом. Объем — 318 листов, размер — 30 × 18,5 см.

В Институте рукописей имеется еще один список «Акбар-наме» под шифром Д-120, переписанный в XVIII в., идентичный предыдущему.

В отличие от рассмотренных могольских хроник, в «Акбар-наме» большое внимание уделяется внешней политике Акбара, в частности, подробно описываются дипломатические отношения между Моголами и Сефевидами. Большой интерес в качестве источника для изучения истории взаимоотношений между Индией при Великих Моголах и Сефевидским государством представляет работа «Тузук-т Джахангири», вышедшая из-под пера самого императора Джахангира. В мемуарах он не скрывает гордости за свою дружбу с шахом Аббасом и много страниц своего труда посвящает последнему. Он подробно описывает прибытия сефевидских посольств, приводит тексты писем, которыми он обменивался с шахом, а также подробно описывает события, связанные с захватом Кандахара шахом Аббасом I. Сочинение о первых 17 годах правления (до стр. 352) написаны лично Джахангиром, описание же двух

³⁰ *Abul Fadz Allami ben Shaikh Mubarak. Akbar-nama / Transl. by H. Beveridge. Calcutta, 1897–1921.*

³¹ *Абуль Фазл Мубарак Аллами. Акбар-наме. Калькутта, 1877–1878 (далее — Акбар-наме). Об «Акбар-наме» и его списках см.: Rieu C. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. I. P. 247–248; Аз Зари'а ила тасаниф аш ши'а. II. С. 276; Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. С. 359–361; Каталог восточных рукописей Академии Наук Таджикской ССР. I. С. 156–157; Собрание восточных рукописей Академии Наук Узбекской ССР. I. С. 100.*

последующих лет составлено Му'тамад Ханом под руководством Джахангира (стр. 352–380). В годы правления шаха Джахана в «Тузук-и Джахангири» текст о недостающем времени царствования Джахангира был добавлен Мирзой Хади.

Мы пользовались также текстом мемуаров Джахангира, изданным в Алигархе в 1864 г.³², и переводом, сделанным А. Роджерсом и Г. Беверидж и изданным в Лондоне в 1909–1914 гг.³³

Второе сочинение известного историка конца XV — начала XVI вв. Хондемира под названием «Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад аль-башар» («Друг жизнеописаний в известиях о выдающихся представителях рода человеческого») также дало много ценного и полезного материала при изучении данной темы. Хотя эта работа издана³⁴ и доступна нам, мы пользовались также и рукописью этого сочинения, хранящейся в ИР НАН Азербайджана. Здесь имеется 10 списков этой работы, переписанных в разное время. Так как эти списки не имеют научного описания, мы вкратце даем его ниже.

Под шифром М-344 содержится I том сочинения, который охватывает 4 части. По прекрасному оформлению и изготовлению видно, что этот список был подготовлен по заказу высокопоставленного лица. Он состоит из 466 листов и был переписан в 1703 г. неким Абдаллахом. Другой список (Ш. С-901) представляет тот же том. Переписан в 1589 г., состоит из 417 листов и также красиво оформлен.

II том хранится под шифром Д-76, охватывает 437 листов и, по палеографическим данным, переписан в XVIII в.

III том представлен 7 списками, переписанными в разное время (Д-136 — май 1620 г.; Д-68 — январь 1658 г.; М-139 — 1791 г.; Д-319 — 1848 г.; Б-2564 — 1568 г.; С-219 — 1604 г.; Д-226 — 1620 г.).

Как известно, первые два тома представляют собой сокращенное изложение труда Мирхонда (1433–1498), деда Хондемира, «Раузат ас-сафа» («Сад чистоты»)³⁵. III том, охватывающий события после смерти Мирхонда до конца правления шаха Исмаила I и написанный Хондемиром, представляет для нас особый интерес.

По словам И. П. Петрушевского, одним из важнейших источников по истории отношений Сефевидов и Великих Моголов в XVI в. является труд по всеобщей истории Хасан бека Румлу, «знатного эмира из азербайджанского

³² *Джахангир*. Тузук-и Джахангири. Алигарх, 1864 (далее — Тузук-и Джахангири).

³³ *Memoris of Jahangir* / Transl. by A. Rogers and H. Beveridge. Vol. I–II. London, 1909–1914.

³⁴ *Хондемир*. 1) Хабиб ас-сийар. I–II. Тегеран, 1271/1854; 2) Хабиб ас-сийар. Бомбей, 1273/1856–1857 (далее — Хабиб ас-сийар).

³⁵ Подробно о Мирхонде и его труде см.: *Крымский А. Е.* История Персии, ее литературы и дервиншской теософии. III. М., 1917. № 1.

кызылбапского кочевого племени румлу»³⁶, под названием «Ахсан ат-таварих» («Лучшая из летописей»), составленный из 12 больших томов, из которых до нас дошли только XI и XII тома, содержащие описания событий 1406–1493 гг. и 1494–1578 гг. «да и те в небольшом числе рукописей»³⁷. Однако азербайджанский ученый Ш. Ф. Фарзалиев в своей статье доказал, что сочинение «Ахсан ат-таварих» было десяти томным, и мы располагаем IX и X томами³⁸. Им же написана интересная работа «Азербайджан в XV–XVI вв. по материалам “Ахсан ат-таварих” Хасан бека Румлу»³⁹.

Впервые извлечения из «Ахсан ат-таварих» были изданы Б. Дорном в Санкт-Петербурге в 1858 г.⁴⁰

Последний том труда Хасана Румлу впервые был издан в Индии в 1931 г. К. Н. Седдоном. Его же английский сокращенный перевод XII тома с комментариями вышел там же в 1934 г.⁴¹

В Советском Союзе был издан русский сокращенный перевод А. К. Арендса и пересказ извлечений (по рукописи Dorn-287) в 1938 г.⁴²

Сведения о Грузии изучены известными грузинскими учеными-востоковедами В. С. Путуридзе и Р. К. Кикнадзе и изданы в Тбилиси⁴³. Интересующие нас материалы «Ахсан ат-таварих» мы почерпнули из рукописи, хранящейся в ИР НАН Азербайджана под шифром Б-1695, переписанной, по палеографическим данным, в XVII в. и состоящей из 265 листов. Так как бакинский список является незавершенным, изложение событий обрывается на 1574 г., оставшийся период мы изучали по вышеуказанным работам.

Одним из наиболее изученных источников по истории Азербайджана, Ирана и сопредельных стран является труд известного азербайджанского

³⁶ Лигулевская Н. В. и др. История Ирана. С. 249.

³⁷ Там же.

³⁸ Фарзалиев Ш. Ф. Относительно томов «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу // Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Серия востоковедения. 1972. № 1.

³⁹ Фарзалиев Ш. Ф. Азербайжан XV–XVI эслэрдэ (хасан бəј Румлунуи «Әһсан әт-таварих» эсəри үзрə). Баки, 1983.

⁴⁰ Dorn B. Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küsten händer des Kaspischen Meeres. Teil IV. St. Petersburg, 1858. (Далее — Dorn. Muhammedanische Quellen). S. 375–431.

⁴¹ A Cronicle of the Early Safavids Being the Ahsan at-Tawarikh of Hasan-i Rumlu. Vol. I / Pers. text, ed. by S. N. Seddon. Baroda, 1931; Vol. II / Engl. transl. by S. N. Seddon. Baroda, 1934.

⁴² Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II: XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича, П. П. Иванова // Труды Института востоковедения. VIII. Источники по истории народов СССР. М.; Л., 1938. С. 52–64.

⁴³ Сведения Хасана Румлу о Грузии / Перс. текст с груз. пер., введ. В. С. Путуридзе, примеч. Р. К. Кикнадзе. Тбилиси, 1966.

историка XVI–XVII вв. Искендер бека Мунши (1561–1634) «Тарих-и алам арай-и Аббаси» («Мироукрашающая Аббасова история»). Что касается отношений Сефевидов и Великих Моголов, то это сочинение мало привлекалось современными исследователями. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» охватывает период рождения, царствования, походов, сражений и заканчивается смертью шаха Аббаса I и воцарением на престол шаха Сафи I (1629–1642).

Искандер бек Туркман начал свою деятельность финансовым чиновником, принимал участие в сражениях и дослужился до главного мунши (сочинителя) дивана шаха Аббаса I. Поэтому при написании своего труда он смог использовать все интересующие его документы, протоколы переговоров Сефевидов и Моголов и свои личные наблюдения.

Эта работа была несколько раз издана в Иране⁴⁴. Были опубликованы извлечения с переводом на русский⁴⁵, немецкий⁴⁶ языки, имеется также турецкий перевод, сделанный по приказу великого визиря Дамада Ибрахим-паши (1718–1730) мударрисом Мехмет-Наби-Эфенди⁴⁷. Этот труд был исследован азербайджанскими⁴⁸, русскими⁴⁹ и французскими⁵⁰ учеными.

В Институте рукописей НАН Азербайджана хранятся 5 списков (шифры: С-129, С-297, Д-386, С-633, Д-120), переписанных, кроме С-633 (XIX в.), в XVIII веке.

Кроме вышеназванных могольских нарративных источников, нами также использована работа Мухаммеда Хайдара Дуглата (1493–1551), двоюродного брата Бабура, «Тарих-и Рашиди», которая имеет большое значение для изучения истории Индии, сефевидского Ирана и соседних стран в первой половине XVI в. Эта работа ценна тем, что дает возможность устранить «белые пятна» в мемуарах Бабура. В отличие от других могольских исторических сочинений, здесь четко прослеживается анти-шиитская направленность автора. Хотя эта работа представляет собой

⁴⁴ Тарих-и Алам арай-и Аббаси, та'алиф-и Искендер бек Туркман. Т. I–IV. 1313/1896–1314/1897. 2-е изд. с предисл., доп. в 3-х т. издал Ирадж Афшар. Исфахан, 1334/1906.

⁴⁵ Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2 // Труды Восточного отделения императорского русского археологического общества. Ч. 10. СПб., 1864. С. 65–102; Акимовский О. Ф. Искендер Мунши. О каллиграфиях времени шаха Тахмасипа I // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. 39. Иранский сборник. М., 1963. С. 20–32.

⁴⁶ Dorn. Muhammedanische Quellen. Teil IV. S. 238–421, 510–514.

⁴⁷ Karatay F. E. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi // Türkçe yazmalar katalogu. C. I. Din, tarih bilimler. Istanbul, 1961. S. 329. № 193.

⁴⁸ Рахмани А. А. «Тарих-и Алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960.

⁴⁹ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949. С. 32–36.

⁵⁰ Bellan L. L. Shah Abbas I, sa vie, son histoire. Paris, 1932.

один из важных источников того периода, от современных исследований требуется особая осторожность при оценке того или иного факта из сообщений Мухаммеда Хайдара⁵¹.

Среди источников, важных для осмысления вопросов, связанных с дипломатическими отношениями сефевидских шахов и могольских императоров, особое место занимает труд «Мунтахаб ат-таварих» Абдул Кадира Бадауни⁵². Несмотря на его особое значение, некоторые детали работы требуют особого уточнения. Бадауни в своем сочинении все происходящие события рассматривает через призму религиозных мотивов.

Объемное сочинение «Ма'асир-и Рахими», написанное Абдул Баги Нихавенди, дает нам некоторые полезные сведения, касающиеся визита Хумайуна в Иран, а также влияния персидской культуры на Индию⁵³. В работе автор в высокопарном стиле восхваляет Байрам хана (друг Хумайуна, воспитатель Акбара), несколько преувеличивая его роль в сближении Моголов и Сефевидов. Так, он восхваляет своего покровителя Абдур-Рахима хан ханана, сына Байрам хана, говоря о нем как о «великом человеке, превратившем Индию в Иран»⁵⁴. Работу над этим трудом он закончил в 1616 г.⁵⁵

Кроме вышеназванных источников, нами также просмотрены и сопоставлены другие сефевидские и могольские сочинения, из которых мы смогли извлечь недостающие факты при изучении данной темы. Среди них работы Джаухара Афтабчи⁵⁶, Баязида Баята⁵⁷, Низамаддина Ахмеда Бахши⁵⁸, Мухаммеда Касима Хиндушаха Фиришта⁵⁹.

Мы пользовались переводом сочинения Джаухара, которое в 1932 г. было переведено на английский язык Ч. Стюартом. К сожалению, пере-

⁵¹ О Мухаммеде Хайдаре Дуглате подробно см.: Barthold W. Duglat. Islam Ansiklopedisi. C. III. Istanbul, 1945. S. 652. См. также: Validi A.-Z. Ein türkisches Werk von Haidar Mirza Dughlat // BSOS. VIII. 4 (1937). S. 985–989.

⁵² Abdul Qadir Muluk Shah Badayuni. Muntakhabat-Tawarikh // Bib. Indika. I–III. Calcutta, 1865–1868 (далее — Мунтахаб ат-таварих).

⁵³ Abdul Bagh Nihawandi. Ma'athir-i Rahimi. Calcutta, 1924–1931 (далее — Маасир-и Рахими).

⁵⁴ Riazul Islam. Indo-Persian Relations. Tehran, 1970. P. 243.

⁵⁵ Там же. — Одиак К. А. Антонова указывает, что «Ма'асир-и Рахими» было закончено в 1637 г. (Антонова К. А. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556–1605). М., 1952. С. 15).

⁵⁶ Jauhar Aftabchi. Tadhkiratul wagi'at / Engl. transl. by Major Ch., Stewart. London, 1832 (далее — Тазкират уль-ваки).

⁵⁷ Bayazid Bayat. Tadhkira-i Humaun wa Akbar. Calcutta, 1941 (далее — Тазкира-и Хумайун ва Акбар).

⁵⁸ Nizamuddin Ahmad Bakshi. Tabakat-i Akbari. Calcutta, 1931 (далее — Табакат-и Акбари).

⁵⁹ Muhammad Qasim Hindu Shah Firishtha. Gulshan-i Ibrahim or Tarikh-i Firishtha. Bombay, 1832 (далее — Тарих-и Фиришта).

водчиком допущено множество неточностей при переводе и, как писал В. Эрскин, «перевод майора Стюарта абсолютно не является переводом. В нем много ошибок... Он произвольно прибавляет, убирает текст и не заслуживает доверия»⁶⁰. Хотя мы не можем согласиться с такой категоричной оценкой В. Эрскина, надо отметить, что использование перевода Ч. Стюарта требует от исследователя большой осторожности.

К сожалению, рукопись этой работы недоступна нам, так же как и изданный в Пакистане перевод на урду⁶¹.

Что касается труда Баязида из племени байат, перешедшего на службу к Хумайуну, а затем к Акбару, то эта работа — современная тому периоду. Эта книга была издана в Калькутте в серии «Библиотека Индика».

Период правления Акбара в описании Низамаддина Ахмеда Бахши «Табакат-и Акбари» также представляет интерес для историко-сопоставительного анализа.

Сочинение «Тарих-и Фиришта» было написано в Биджапуре и завершено в 1606 г. Позже Фиришта добавил к своему труду описание событий до 1615 г. Автор использовал много источников, некоторые из которых не дошли до нас. По сравнению с другими сочинениями этого периода данный труд вызывает гораздо большее доверие, однако и в нем встречается немало искаженных фактов. Индийский историк С. Х. Ходивала отмечает, что «он [Фиришта] добавляет, переделывает, отбрасывает или искажает факты как ему угодно, и потому необычайно опасно давать его аргументы или ссылаться на его авторитет»⁶².

Отношения Сефевидов и Моголов, как указывалось выше, не нашли своего отражения в работе отечественных исследователей. Но, несмотря на это, в некоторых монографиях, статьях, посвященных истории Индии Сефевидского государства, затрагиваются вопросы внешней политики этих стран. Здесь же можно встретить исследования по истории дипломатии, могольских и сефевидских посольствах и т. п. Среди современных работ особо надо отметить книгу К. А. Антоновой «Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара». В ней автор на основе источников и документов всесторонне исследует период правления Акбара. Это сочинение фактически является первым монографическим исследованием в России по истории Могольской империи.

В работе С. А. Азимджановой «Государство Бабура в Кабуле и Индии» исследуется история образования государства Захираддина Бабура, положившего начало Империи Великих Моголов. Там же рассматривает-

⁶⁰ Rieu. Catalogue. P. 264.

⁶¹ Jauhar Aftabchi. Tadkiratul wafiat / Urdu transl. by Dr. Moinul Hag. Karachi, 1955.

⁶² Hodivala S. H. Studies in Indo-Muslim History. Bombay, 1939. P. 184, 291, 594–595.

ся экономическая и социальная политика Бабура, большое внимание уделяется изучению его мемуаров. Автором собраны и изучены все списки и издания «Бабур-наме». Благодаря собранным ею документам мы смогли ознакомиться с этими важными источниками и использовать некоторые из них, недоступные нам, в своей работе.

В коллективной работе петербургских ученых «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века» надо особо выделить главы, написанные проф. И. П. Петрушевским, касающиеся истории Сефевидского государства. Эта работа является первым опытом подведения известных итогов по изучению истории Ирана в средние века, достигнутых российской иранистикой. Здесь значительное место уделяется развитию производительных сил страны и состоянию ее экономики в данный период истории, а также содержатся краткие сведения о политических, экономических и культурных связях Ирана и Индии.

Монография историка О. Эфендиева также помогла нам в оценке некоторых событий, связанных с историей Азербайджанского государства Сефевидов в XVI в. Эта работа является первой попыткой всестороннего исследования, систематического изложения и обобщения сведений восточных и европейских источников по истории Сефевидского государства в XVI в. с учетом достижений российской, азербайджанской и зарубежной историографии, освещения основных моментов политической и социальной жизни Азербайджана указанного периода.

Нами также использованы работы таких ученых-востоковедов, как А. А. Рахмани, С. М. Онуллахи, Ш. Ф. Фарзалиев, А. М. Фарзалиев и др., которые в той или иной степени помогли нам осмыслить некоторые вопросы истории Сефевидского государства.

Для исследования теоретической части работы можно отметить работы С. М. Каштанова⁶³, В. В. Фарсоби́на⁶⁴, О. М. Медушевской⁶⁵, Г. Г. Аласания⁶⁶.

Что касается зарубежных источников, то отношениям Сефевидов и Моголов посвящено несколько работ известного исследователя официальных писем Риязула Ислама. Им написана монография «Индо-персидские отношения», в которой использованы многочисленные официальные письма и другие ценнейшие документы из многих фондов и библиотек мира. Однако в его сочинение не попали использованные нами материалы из «Мунша'ат-и Салатин». Одним из главных недостатков этой рабо-

⁶³ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии. М., 1970.

⁶⁴ Фарсоби́н В. В. Источниковедение и его метод. М., 1983.

⁶⁵ Медушевская О. О классификации исторических источников // Проблемы научного управления социалистического общества. IV. Рига, 1977.

⁶⁶ Аласания Г. Г. Классификация грузинских письменных исторических источников. Тбилиси, 1986.

ты является то, что автор придерживается промогольской позиции и оправдывает их действия в спорных вопросах, чаще критикуя сефевидскую сторону. Такого же мнения он придерживается при классификации источников, больше доверяя могольским хроникам и документальным источникам и сомнительно относясь к сефевидским.

Эти же недостатки можно отнести к работам таких индийских и пакистанских историков, как М. П. Шривастава⁶⁷, М. Л. Рой Чоудхори⁶⁸, М. А. Ишвари Прасад⁶⁹, М. А. Сукумар Рэй⁷⁰, Масум Реза Казими⁷¹, И. Х. Куреши⁷². Такой же позиции придерживается в своей работе К. К. Эдвардс⁷³.

Надо отметить и тенденциозность современных иранских ученых, таких как Н. Фалсафи, З. Сабатийан. В своих исследованиях они, в отличие от вышеуказанных ученых, опирались в основном на иранские источники сефевидского периода и отвели второстепенную роль могольским источникам. Нами были изучены также и работы европейских исследователей В. Эрскина⁷⁴ и Р. Сейвори⁷⁵. Главным недостатком последних вышеперечисленных работ является то, что в них неполно использованы могольские и сефевидские документальные источники, в том числе и официальные письма.

Всестороннее исследование истории дипломатических отношений государства Сефевидов и Империи Великих Моголов на основе изученных нами источников и опыта российских и зарубежных ученых дает возможность заполнить пробелы в изучении истории взаимоотношений двух соседних народов.

⁶⁷ *Srivastava M. P. Policies of the Great Mughals. Allahabad, 1978.*

⁶⁸ *Roy Choudhury M. L. The State and Religion in the Mughal India. Calcutta, 1951.*

⁶⁹ *Ishwari Prasad M. A. The Mughal Empire. Allahabad, 1974.*

⁷⁰ *Sukumar Ray M. A. 1) Humayn in Persia. Calcutta, 1948; 2) Indo-Persian Contacts during the Age of Akbar // Indo-Islamica. 1951. Vol. IV. № 4. P. 17–22.*

⁷¹ *Kazimi M. R. Humayn in Iran // Islamic Culture. 1969. Vol. XLIII. № 1. P. 5–11.*

⁷² *Qureshi I. H. The Administration of the Mughal Empire. Karachi, 1966.*

⁷³ *Edwards K. K. Relations of Shah Abbas the Great with Moghul Emperors Akbar and Jahangir // Journal of the American Oriental Society. 1958. P. 247–268.*

⁷⁴ *Erskine W. History of India under the Two First Sovereigns of the House of Taimur, Baber and Humayun. Vol. I–II. London, 1854.*

⁷⁵ *Savory R. Iran under the Safavids. Cambridge, 1980.*

Глава II

«МУНША'АТ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

При изучении истории средних веков Ирана и Индии ученые довольно широко пользуются письменными историческими памятниками на персидском языке, отдавая при этом предпочтение повествовательным источникам. В деле их издания, перевода и истолкования трудных для понимания мест очень многое сделано российскими исследователями. Но надо отметить, что по сравнению с документальными источниками нарративные страдают значительными недостатками, заключающимися в том, что и официальные хроники, и жизнеописания правителей отличаются не только своей тенденциозностью, но и односторонним подходом авторов, которые могли и прибавить от себя, и исказить факты, тогда как документальные источники, содержащие подлинные документы и созданные «в процессе общественных взаимоотношений, служат их упорядочению и выполняют юридические функции»⁷⁶. Примером сказанному могут послужить сборники официальной переписки «мунша'ат», в которых содержатся ценные исторические письма, указы правителей, государственных и религиозных деятелей. В нашей научной литературе эти документы использованы недостаточно полно; между тем они представляют интерес во многих отношениях.

В средние века сборники официальных документов «мунша'ат» были широко распространены в виде рукописных книг. Переписывали эти официальные письма, хранящиеся в государственной канцелярии, катибы (мунши), благодаря усилиям которых до наших дней важны исторические документы.

Как известно, в средние века при установлении межгосударственных связей и контактов важную роль играла переписка. Поэтому наука «илм

⁷⁶ Аласания Г. Г. Классификация грузинских письменных исторических источников. Тбилиси, 1986. С. 42–43.

уль-инша'» на Востоке была возведена в ранг искусства и имела давние традиции. Самыми ранними памятниками литературы, которые положили начало новому направлению в персидской прозе — искусству «инша'», по мнению персидского исследователя К. Туйсеркани, являются указы, письма и образцы грамот, составленные Мунтаджаб ад-дином Бади и Рашид ад-дином Ватватом⁷⁷. После этого появляется практика составления отдельных сборников из писем и документов именитых катибов, которая продолжалась вплоть до XX в.⁷⁸ Одним из ранних пособий по составлению арабских писем является недавно обнаруженное в Институте рукописей НАН Азербайджана сочинение Салах ад-дина ас-Сафади (1296–1363) «Ар-рисалат», написанное в XIV в.⁷⁹

Составлению писем начинают придавать государственное значение — открываются специальные школы для катибов, которые после овладения профессией и мастерством мунши поступали на службу в государственную канцелярию. Известно также, что одним из первых катибов, добившихся официального признания, был Абдулхамид бен Яхья, служивший при дворе Мирвана II, последнего правителя из арабской династии Омейядов. На Востоке прославились и такие мунши, как ал-Кашкашанди ибн Фазлуллах, ибн Муаййад ал-Багдади, Мухаммед Нахчивани, Абуль Фазл и др.⁸⁰

О важности изучения образцовых формуляров «инша'» еще в XIX в. писал В. Р. Розен: «Систематическое изучение сохранившихся таких сборников со временем обещает дать богатые результаты для более глубокого понимания разных сторон быта мусульманских народностей, равно как и для истории данного языка»⁸¹.

В фондах и библиотеках России и других стран мира хранится большое количество рукописных сборников типа «мунша'ат». Институт рукописей НАН Азербайджана также имеет обширную и ценную коллекцию работ «инша'» на персидском, турецком, азербайджанском языках, которые нуждаются в тщательном исследовании. Здесь хранятся сотни сборников писем, которые идут под разными наименованиями: «мунша'ат»,

⁷⁷ *Касем Туйсеркани*. Намеха-и Рашид ад-дин Ватват ба муга, ддаме-н дар баре-и шарх-и хал ва нагд-и асар-и Рашид ад-дин ва хатиме-и дар та'арофе риджали ке нам-и ишван дар асар Рашид амаде аст. Тегеран, 1338. С. 78, 79.

⁷⁸ *Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни*. Ступени совершенствования катибов (Атабад ал-катаба) / Пер. с перс., введ. и коммент. Г. М. Курпалидиса. М., 1985. С. 8.

⁷⁹ *Салах ад-дин ас-Сафади*. Ар-рисалат // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. М-119.

⁸⁰ *Фэрэзлиев А. М.* «Муншэ» атлар гімэтлі тарихи мәнбэ кими // Орта эср элјазмалары вэ Азэрбајчан мэдэнијјэти тарихи проблемлэри. Елми-нэзэри конфрансын материаллары. Бақы, 1989. С. 86.

⁸¹ *Розен В. Р.* Образчик персидского канцелярского слога 6-го века хиджры // ЗВОРАО. Т. VIII. СПб., 1894. С. 154.

«тарассул», «мактуб», «инша'» и др. Мы поставили перед собой задачу по мере возможности исследовать не изученные ранее и не освещенные в научной литературе вышеназванные рукописи Института. При работе над собранным материалом был обнаружен необычайно интересный и ценный сборник официальной переписки «Мунша' ат-и Салатин» (Ш. Б-2103), переписанный в XVII в. В эту коллекцию вошли дипломатическая корреспонденция сефевидских правителей и османских султанов, узбекских ханов и могольских императоров, письма, написанные государственными и религиозными деятелями того времени.

По своему содержанию эти письма являются важными историческими источниками, имеющими большое значение для правильного понимания событий политической истории, установления точных дат и т. п. Научная значимость писем определяется и тем, что в них излагается точка зрения шаха-адресанта на происшедшие события, и, таким образом, они удачно противопоставляются длинным красочным рассказам средневековых историков.

Несомненный интерес представляют и тексты писем с точки зрения языка. Здесь отметим, что наряду с письмами, написанными простым языком, встречаются и составленные в напыщенном стиле с избытком арабской лексики. Кроме этого, письма являются ценными источниками по сефевидской дипломатике — проблеме, совершенно не исследованной российскими учеными.

Перед тем как перейти к подробному разбору этих посланий, мы попытаемся по мере возможности охарактеризовать, классифицировать и провести научный анализ произведений «илм уль-инша'».

§ 1. «ИНША'» И ЕГО ФОРМЫ

По своей сущности «инша'»⁸² является искусством литературной композиции, имеющим две основные формы. Автор известного сочинения XV в. «Маназир уль-инша'» Махмуд Гилани называет первую форму «инша'» термином «хутаб»⁸³, т. е. литературными проповедями⁸⁴. Но в свое время термин этот не утвердился и не получил широкого применения. Он

⁸² IV порода от м. — создание, производство, составление; сочинение, писание; стиль, слог; конструкция; литература (см.: Штенгесс Ф. Полный персидско-русский словарь / Пер. и доп. И. Д. Ягелло. Ташкент, 1910 (далее — Персидско-русский словарь И. Д. Ягелло). С. 158.

⁸³ Маназир уль-инша. Л. 5а.

⁸⁴ Рис. со с. 32 оригинала. Ми. ч. от Рис. со с. 32 оригинала. — проповеди, поучения (см.: Персидско-русский словарь И. Д. Ягелло. С. 584).

может быть переведен как «литературное инша'», или беллетристика. Вторая форма была названа «тарассул»⁸⁵, что можно перевести как «эпистолярное инша'». Другой известный историк и исследователь «инша'» — Мухаммед Нахчивани, автор «Пособия для писца...», не признавал форму «хутаб» и трактовал «тарассул» как собственно «инша'», считая его единственной формой литературной композиции⁸⁶.

Важно отметить, что в средние века обязательной частью «инша'» являлась бухгалтерия, известная под названиями «невисандеги» (здесь: «счетоведение») или «сийак» (здесь: «ведение счетных книг»). Нахчивани называет эту часть «илм-и истифа'-и мал», т. е. «искусство приобретения и описания дохода»⁸⁷. По предмету счетоведения как в Иране, так и в Могольской империи было написано огромное количество книг, и большинство из них носило название «дастур аль-амал»⁸⁸. Знание бухгалтерии было необходимым и обязательным требованием для карьеры писца-катиба, неосведомленность в этой области делала его некомпетентным в профессии и мешала продвижению по служебной лестнице⁸⁹.

Свидетельством того, что счетоведение было частью «тарассула» и его обязательным разделом, является то, что почти во всех сборниках типа «мунша'ат», просмотренных нами, имеются учебные разделы по счетоведению и примеры бухгалтерских расчетов, хотя, по нашему мнению, бухгалтерия является предметом, совершенно отличным от художественной литературы.

Обе формы, указанные выше — «тарассул» и «хутаб», — неразрывно связаны друг с другом, и ни одна из них не может рассматриваться отдельно, потому что обе несут одинаковую нагрузку — изложение сути какого-либо события или предмета в изящной форме. Общими для них также являются и многие темы. Первоначально многие письма составлялись путем присоединения эпистолярных фраз к началу или концу отрывков из литературных произведений, тем самым им придавалась форма письма. И поэтому для того, чтобы стать профессионалом в искусстве «тарассула», катиб должен был обязательно овладеть мастерством в «хутабе», или литературном «инша'».

«Хутабом» могут считаться все изящно написанные литературные отрывки, которые обязательно должны были быть лаконичными по форме.

⁸⁵ V порода от — осторожность в письме, записная книга (см.: там же. С. 164).

⁸⁶ Дастур аль-катиб. I. С. 164.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ См. подробнее: *Rieu. Catalogue. II. P. 804. Add. 6641*; *Ethe H. Catalogue of the Persian Manuscripts in the India Office. II. № 2125. P. 1167*.

⁸⁹ *Calendar of Documents. P. 1.*

Поэтому каждый из них вполне может считаться литературной миниатюрой. Темами для них могли служить самые различные предметы, события, явления, включая даже самые незначительные и необычные.

Самой излюбленной и распространенной темой не только восточной поэзии и прозы, но и литературного «инша» являлись весна и связанный с ней расцвет природы⁹⁰. Эта тема часто поднимается и в официальных посланиях, написанных для правителей, и в частной переписке, и она была идеальной для демонстрации мастерства и способностей катиба.

Стиль «хутаба», как правило, был витиеватым, напыщенным и изобилдовал метафорами. Здесь писец мог использовать все виды литературных приемов и ухищрений, наиболее популярной из которых была так называемая «талазума», т. е. растянутая метафора, широко распространенная как в персидском, так и в могольском «инша»⁹¹.

Однако в дальнейшем с развитием эпистолярного жанра большее значение стали придавать сути писем, составляя их более простым и понятным языком. При этом мунши не отказывались от использования различных приемов и ухищрений.

§ 2. КЛАССИФИКАЦИЯ «ТАРАССУЛА»

В средние века специалисты «инша» классифицировали письма по положению и статусу адресанта относительно положения и статуса адресата, а также по тематике посланий. Но здесь необходимо отметить, что изучение «инша» в Иране и Индии сильно пострадало от неопределенности и отсутствия четкости в терминологии. В заголовках писем из различных коллекций можно встретить такие наименования, как «наме», «китабат», «рук'а», а также многие другие названия, беспорядочно использованные для обозначения писем одного и того же класса, и это, безусловно, затрудняет их классификацию. Примером этому может послужить арз-дашт шаха Тахира Дакина, написанный на имя шаха Тахмасиба, в котором автор дает разные названия одному и тому же посланию, написанному ему шахом Тахмасибом: «ферман», «нишан», «мисал», «амр», «парванче»⁹². Подобные примеры можно найти и в других письмах из коллекций Института рукописей НАН Азербайджана. Однако надо отме-

⁹⁰ Мухаммед Али Джамалзаде. Бахар-и Иран ва бахарийа дар ше'р-и фарси. Тегеран, 1346. С. 289.

⁹¹ См. подробнее: Мухаммед бен Исра'ил. Маджма' уль-инша' // Навал Кишор Пресс. 1887. С. 209–211.

⁹² Полный текст арз-дашта шаха Тахира Дакина шаху Тахмасибу см.: Шах Тахмасиб Сафави. С. 69–79.

тить, что бывали и такие случаи, когда авторы при употреблении выше-названных наименований четко определяли значения большинства из этих терминов, различая каждый из них.

При разборе писем из фонда Института нас удивило, что для обозначения официальных шахских посланий ни в сефевидском, ни в могольском «инша'» нет определенного термина. Этим отличается османское «инша'», где в названиях писем, написанных одним султаном другому, используется определенный термин — «наме-и хумайун», т. е. «высочайшее письмо». Среди просмотренных нами рукописей по «инша'» лишь в немногих встречаются материалы, опираясь на которые удастся систематизировать и верно классифицировать различные виды «тарассула».

Начиная с XIV в. катибы составляют формуляры образцов писем, опираясь на которые мунши могли составлять официальные послания. Но подобных работ для изучения терминологии и правил «инша'», по-видимому, было недостаточно, так как почти все виды писем определялись одним и тем же термином.

Одним из наиболее полезных трудов было сочинение Мухаммеда Нахчивани «Пособие для писца...», где дается тщательно разработанный формуляр писем на персидском языке. Но Нахчивани также почти полностью воздерживается от использования какой-либо терминологии для различных видов писем. Другой автор работы по «инша'» — Амир Хосров в «Раса'ил аль-иджаз» упоминает о различных видах писем, но не пытается их систематизировать⁹³. Среди них он выделяет «амсала» (повеления), «парвана», «мактубат-и газа ва машаик ва садат» (письма, написанные кази, мистиками-сайидами), «мактубат-и асхаб-и манасиб-и диван ва кутаба ва дигар асхаб-и ашгал» (письма, написанные чиновниками дивана, катибами и др.), любовные письма, корреспонденцию между родителями и детьми, «рук'ат ва китабха-и мутафаррику» (послания и прочая корреспонденция)⁹⁴.

Полезной работой по правилам и принципам «инша'», на наш взгляд, является сочинение Махмуда Гилани «Маназир уль-инша'», в котором дается хорошая, но не совсем полная и всесторонняя классификация различных форм тарассула.

Итак, опираясь на изученный нами материал, можно разделить «тарассул» на две части: официальные послания — «тауки'ат» и неофициальные письма — «мухаварат». Первая часть состоит из: 1) «фарамин-и султани» (шахские указы); 2) «ахкам-и дивани», включая «парванче»; 3) «нишан» (указы принцев, а также сыновей принцев); 4) «хукм»,

⁹³ *Amir Khusrau. I'jaz-i Khusrawi. Luckhnow, 1876. III. P. 3.*

⁹⁴ *Ibid.*

т. е. указы, изданные супругой шаха или матерью последнего. К неофициальным посланиям относятся: 1) «мукатабат» (общий термин, подразумевающий корреспонденцию); 2) «муфавадат», т. е. переписка высокопоставленных лиц. В «мукатабат» входят: 1) «рук'ат», т. е. письма от высшего класса к низшему; 2) «макатиб» или «мурасалат» (корреспонденция между равными); 3) «мурафа'ат» (письма представителей низшего класса к вышестоящим).

В свою очередь, некоторые вышеназванные термины включают в себя несколько видов писем. Так, например, в «фарамин-и султани» входят: 1) «ферман»⁹⁵; 2) «ферман-и байази»⁹⁶; 3) «фатх-наме» (победная реляция); 4) «гоул-наме»; 5) «ахд-наме» (договоры и соглашения); 6) «ахкам»; 7) «разм»; 8) «ишара»; 9) «калима»; 10) «маншур».

В работах по «инша'» можно встретить и следующие виды «муфавадат»: 1) «шукка»; 2) «ракам»; 3) «ахкама» (письма религиозных деятелей); 4) «хитаб»; 5) «китаб» (два последних термина относятся к переписке между шахами); 6) «мухатаба» (три последних термина относятся к письмам привилегированных классов); 7) «мулатафа» (дружеская переписка высокопоставленных лиц); 8) «муфавада»; 9) «сазифа» (письма от уважаемых лиц, например родителей, учителя и др.); 10) «мушрафа»; 11) «щарифа» (два последних термина относятся к письмам дворян); 12) «му'атафа» (дружеская переписка высокопоставленных лиц).

Следующий термин «мурасалат», или «макатиб» подразделяется на: 1) «мурасала» — шахское письмо; 2) «рисала» — письмо с неуверенной просьбой; 3) «ракима» — письмо, написанное равными одного класса; 4) «намика»; 5) «аника» (два последних вида представляют собой письма между равными); 6) «китабати» — письма между друзьями, шахами; 7) «матайя» — письмо с поручением; 8) «мутабайя» — письмо, написанное в шутовском тоне; 9) «мактуб»; 10) «наме»; 11) «хатт» (три последних вида — письма широкого назначения; 12) «да'вати» — дружеская переписка между равными одного класса.

На несколько видов разделяется и «мурафа'ат»: 1) «арз-дашт»; 2) «ариза» и 3) «арзи» — обозначают послания, написанные подчиненным вышестоящему лицу, т. е. дворянину; 4) «ваджиб аль-арз».

Список терминов, перечисленных выше, показывает, какое огромное количество терминов существовало в средневековом персидском «инша'». Наиболее распространенными и часто употребляемыми являлись терми-

⁹⁵ Ферман — какой-либо шахский указ или послание, изданные шахом или канцелярией под шахской печатью; провозглашение общих законов.

⁹⁶ Ферман-и байази — указ, изданный самим шахом без тщательной процедуры дафтаров для крайне важных и необходимых вопросов.

ны «китаб», «хитаб», «ферман», «фатх-наме», «ахд-наме», «нишан», «шук-ка», «арз-дашт», «хазб уль-хукм», «тахнийат-наме», «та'зийат-наме». А такие термины, как «наме», «рук'а», «шарифа», «ахкам», «маншур», «ракима», «хатт», «мактуб», не имеют определенного употребления, т. е. часто одно и то же понятие обозначается различными терминами или же одним и тем же термином называют различные виды писем. Однако такие термины, как «маншур» и «ракам», имели довольно определенное значение и использовались в работах известных мастеров.

Как следует из фактов, большинство указанных терминов просто обозначает слово «письмо», из чего можно заключить, что в терминологии «инша'» наблюдается слабая упорядоченность, когда одним и тем же термином обозначаются разные понятия, одному и тому же понятию присваиваются разные названия, а необходимые термины в то же время отсутствуют. Такая хаотичность требует дальнейшей работы в упорядочении терминов и понятий, которую трудно решить в рамках данного исследования.

§ 3. СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШАХСКИХ ПИСЕМ

Изучая структуру писем, входящих в «тарассул», мы остановились только на шахских письмах из изучаемой нами рукописи «Мунша'ат-и Салатин», которая содержит официальные документы, являющиеся ценным материалом по изучению дипломатических отношений между Сефевидами и Моголами, и представляет определенный интерес для построения истории восточной дипломатики.

Как показало исследование собранного материала, в персоязычном «инша'» шахское письмо не имеет своего точного названия. Как указывалось выше, в сефевидском и могольском «инша'» шахские письма имели такие названия, как «хитаб», «китаб», «наме», «мактуб» и даже «рук'а». Однако очевидно, что эти термины с одинаковым успехом могут быть использованы для любых видов писем. Интересно, что Махмуд Гилани в работе «Маназир уль-инша'» не трактует шахское письмо как отдельный класс, исходя из того, что вся корреспонденция, исходящая от шаха, адресуется только подчиненным. По его схеме шахское письмо классифицируется как «мактуб», означающее корреспонденцию между равными⁹⁷. Индийский ученый М. Момин различает четыре термина, относящихся к

⁹⁷ Маназир уль-инша. Л. 606.

шахским письмам, — «хитаб», «китаб», «мурасала» и «китабати»⁹⁸. Однако, по нашему мнению, ни одно из этих наименований не может быть термином.

Исходя из изученного многочисленного материала, можно прийти к выводу, что не каждое письмо, написанное одним шахом другому, может классифицироваться как шахское письмо (идентично «наме-и хумайун» в османском «инша»). Мы считаем, что шахским письмом может считаться лишь письмо государственного значения, т. е. это должно быть законченное письмо с полным шахским протоколом и, главное, посланное через официальное лицо, т. е. собственного посла или отъезжающего посланника шаха-адресата. Короткое, частное письмо, написанное одним шахом другому в неофициальном дружеском тоне, не может считаться шахским письмом. По нашему мнению, оно может быть обозначено как шахское «рук'а» («рук'а-и падишах») или шахское письмо в стиле «рук'а»⁹⁹.

Шахские письма можно классифицировать по их тематике по нескольким категориям: шахское письмо обычное, написанное по поводу важного события или с целью установления, возобновления отношений или достижения взаимного понимания; поздравительное шахское письмо, шахское письмо с выражением соболезнований. Темы поздравления и соболезнования иногда могли не только сочетаться в одном письме, но и каждая из них или обе они могли сочетаться с другими вопросами. Конечно, встречаются письма, написанные исключительно на случай поздравления и соболезнования.

Из всех работ, рассматривающих правила «инша» и образцы писем различных видов, можно извлечь что-то полезное о классе шахских писем. Наиболее интересной из всех работ, просмотренных нами, является «Дастур аль-катиб» Мухаммеда Нахчивани, в которой детально даются протоколы и формуляры различных видов писем. Автор дает 6 форм каждого из начальных протоколов («алкаб» или титулы адресата), благословения («ад'ийа») и упоминания о себе («зикр-и катиб») ¹⁰⁰. Нахчивани дает и 20 форм различных тем шахской корреспонденции, т. е. «зикр-и ахвал» (повествования) ¹⁰¹:

- поздравление со вступлением на престол;
- совещание, совет («насихат»). Эта часть включает в себя 17 форм писем первой инстанции («хитаб») и 17 форм ответа («джаваб»);

⁹⁸ Momin. The Chancellery and Persian Epistolography. P. 148–150.

⁹⁹ Муиша'ат-и Салатин (письмо, написанное Джahanгиром шаху Аббасу). С. 195.

¹⁰⁰ Дастур аль-катиб. I. С. 125–133.

¹⁰¹ Там же. С. 29–30.

- завоевание и открытие маршрута паломничества;
- победа армии и поражение врага;
- возглавление военного похода;
- поиск помощи;
- утешение потерпевшего поражение;
- поиск дружбы и сотрудничества;
- поиск супружеского союза и отклик на него;
- поздравление с женитьбой;
- осуждение или недовольство;
- поздравление с рождением сына;
- принесение извинения, поиск прощения;
- просьба о милости или мире и предоставление их;
- договоры и пакты;
- заключение договоров;
- рекомендации;
- соболезнование;
- просьба о протекции торговцам и караванам;
- поиск шахской аудиенции и услуги.

Изучение структуры текста рассматриваемых писем показывает, что они содержат целый ряд индивидуальных особенностей и формул, которые образуют саму основу построения определенной группы документов, т. е. их условный формуляр. Условные формуляры этой разновидности дипломатических документов на персидском языке еще не изучены с такой тщательностью, как это сделано в российской дипломатике применительно к средневековым актовым материалам¹⁰².

В работе над структурным анализом шахских писем большую помощь нам оказал труд «Маназир уль-инша'» Махмуда Гилани¹⁰³. Опираясь на него, можно выделить 14 «клаузул»¹⁰⁴, в восточном «инша'» называемых «рукнами»¹⁰⁵ и составляющих полное шахское письмо. Подобная структура писем была присуща большинству шахских писем и в сефевидском, и в могольском «инша'» на протяжении длительного времени, включая XVI и XVII вв.

Ниже приводятся компоненты «рукны» условного формуляра, т. е. общая схема построения текстов шахских писем по принципу выделения логически законченных по мысли выражений:

¹⁰² Каштанов. Очерки русской дипломатии. Гл. II.

¹⁰³ Маназир уль-инша'. Л. 72а.

¹⁰⁴ Клаузула — отдельная мысль изучаемого текста, категория изучения его формы наряду с конечным и начальным протоколом (см.: Фарсбин. Источниковедение и его метод. С. 222).

¹⁰⁵ Рукн — здесь: основа базис; главный, основной элемент.

- начальное слово, названное Махмудом Гилани «мифтах»¹⁰⁶;
- хвала («сана») адресата;
- благословление («ду'а») адресата;
- имя адресата;
- упоминание о себе («зикр-и катиб»);
- приветствие («салам-и тахнийат»);
- выражение приветствия и добрых пожеланий («иблаг-и салам»);
- тоска по адресату («иштиyak»);
- поиск встречи с адресатом («талаб-и мулагат»);
- дата написания;
- рассказ о своих делах («и'лам-и ахвал»);
- ожидание и мольба, т. е. демонстрация адресату ожидания автора и просьба, обращенная к нему («тавакку ва илтимас»);
- начало и конец («мукадцам-и ихтимам»);
- вывод с благословением («ду'а»).

Как показывает опыт, девятый «рукн», т. е. поиск встречи с адресатом, в шахских посланиях имеет угрожающее значение, а именно подражает возможности вторжения. Примером сказанному может послужить переписка шаха Аббаса I с Абдул-Мумин ханом¹⁰⁷.

Согласно Махмуду Гилани, допустимо пропустить несколько «рукнов» или поменять их местами. По его словам, первый и второй «рукны», т. е. начальное слово и хвала адресата, могут быть опущены, и письмо может начинаться с «ду'а». Восьмой и девятый «рукны» — тоска по адресату и поиск встречи с адресатом — также могут быть опущены. Махмуд Гилани считает, что можно опустить и «рукн», где указывается дата написания письма. Обязательными являются лишь 5 «рукнов»:

- «ду'а»;
- «салам-и тахнийат» (приветствие);
- формула «иблаг» (выражение приветствия и добрых пожеланий);
- «и'лам» (рассказ о своих делах);
- вывод с «ду'а»¹⁰⁸.

Структурные компоненты, так называемые «рукны», взятые нами из сочинения Махмуда Гилани, обеспечивают верное направление в изучении формуляра и анализа писем сефевидского и могольского «инша'». Здесь надо сказать, что многие государственные письма того времени неизменно начинаются со слов об Аллахе, Святом Пророке и его потомках.

¹⁰⁶ Маназир уль-инша'. Л. 79б.

¹⁰⁷ Текст писем см.: *Фалсафи*. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. Т. IV. С. 311–314.

¹⁰⁸ Маназир уль-инша'. Л. 81а.

Тщательный разбор шахских писем из коллекции Института рукописей НАН Азербайджана и других собранных материалов подтверждает правильность структурной системы, приведенной нами выше, с незначительными видоизменениями некоторых клаузул и дает возможность добавить несколько «рукнов», которые отсутствуют у Махмуда Гилани:

- хвала Аллаху, Святому Пророку и его потомкам;
- упоминание послов;
- желание узнать о благополучии адресата;
- просьба о продолжении переписки.

Письмо, которое пишется в ответ, имеет дополнительные «рукны» к полному письму первой инстанции и включает в себя 16 или 17 «рукнов», т. е. прибавляется еще 3¹⁰⁹:

- хвала письма, на которое пишется ответ;
- упоминание о получении письма, на которое пишется ответ;
- хвала времени, когда письмо, на которое пишется ответ, было получено.

В качестве иллюстрации вышесказанного был произведен структурный анализ нескольких писем из официальной переписки сефевидских шахов и могольских императоров, который и приводится ниже. Первое из них — письмо с полным шахским протоколом, написанное Джахангиром шаху Аббасу I¹¹⁰:

- «шарита»;
- упоминание адресата с титулами;
- благословение «ду'а»;
- рассказ о своих делах;
- хвала времени;
- хвала письма, на которое был написан ответ;
- упоминание посла адресата с титулами и рекомендациями;
- упоминание письма, на которое был написан ответ;
- выражение благословения;
- выражение тоски;
- пожелание узнать о благополучии адресата;
- просьба о продолжении переписки;
- упоминание о собственном после;
- благословение «ду'а».

Далее нами приводится структурный анализ письма, написанного шахом Аббасом I в ответ на письмо Джахангира¹¹¹:

¹⁰⁹ Там же. Л. 736.

¹¹⁰ *Фалсафи*. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. Т. IV. С. 297–299.

¹¹¹ Там же. С. 300–301.

- упоминание письма, на которое был написан ответ;
- упоминание адресата;
- хвала времени получения письма, на которое был написан ответ;
- упоминание о получении письма, на которое был написан ответ;
- упоминание о себе;
- упоминание посла адресата с похвалами;
- хвала письма, на которое был написан ответ;
- рассказ о себе;
- хвалебное упоминание о собственном после;
- выражение ожидания;
- «ду'а».

Ниже дан структурный анализ сокращенных вариантов двух писем. Первое из них — письмо, написанное шахом Аббасом I Джахангиру¹¹²:

- благословение и хвала адресата;
- рассказ о себе;
- упоминание о себе;
- продолжение рассказа;
- ожидание и просьба;
- вывод с «ду'а».

Ответ Джахангира, написанный на письмо шаха Аббаса I¹¹³:

- хвала Аллаха с упоминаниями о святости договоров и значении соглашений между правителями;
- рассказ о себе;
- упоминание адресата;
- упоминание о получении письма, на которое был написан ответ;
- продолжение рассказа;
- «ду'а».

Ниже для иллюстрации вышесказанного о структурном анализе приводится текст полного шахского письма из «Мунша'ат-и Салатин», написанного Акбаром шаху Аббасу I¹¹⁴, которое включает в себя все компоненты условного формуляра, характерного для официальных посланий рассматриваемого нами периода.

¹¹² Там же. С. 103–105.

¹¹³ Там же. С. 105–107.

¹¹⁴ Мунша'ат-и Салатин. С. 53–60.

خصوصیت قدیمی بوده رجوع هرگز به مهم و مرام را از لوازم دوستداری شمرند و با نیازات و خدمات علیه
 مسرور و نادان سازند و اگر گستاخی واقع شده باشد معبایل غفور و رحمت مجلی سازند تا با و از بین
 اطاعت باعث ترک ادب و بد عاقل گم کردن اولی و استحقاق سبحانه و تعالی ان ظلال به دست را
 از عرض زوال اشتغال مصون و نور ظهور جلالت از اجتناب جلالت تحقیقات بطون و
 کون مامون و در دربار العباد سواد مکتوب جلال الدین اکبر پادشاه بحضرت میران علی شاه میفرستد که
 آغاز تحریک خاندانه طراز و فتوح استیلا تحریز نامه مکتبه پرور نام آن بی آغازی سر است که وجود نام
 خیر و جود او را انجامی و آغازی نیستی در سر انجام مهم انفسی و لغاتی او را در بزمی و شیرای و انبار عده
 عدم بنوارا که در نهانخانه نبستی و انزوا خفیده بود و بر ورقه مان استیلا برک وجود به سالن مشهور و
 و معالم عالم پیروین را کفایت و در حرف کن پیش از پرسش کاف بنون این بمده اعتبار است و شوق
 از جواهر مجروده و مادی بقول و نفوس نوریه و ظلماتیه که اکاب و افلاک و اقسام الوان و عناصری بود
 قلمون از محدب فلک الافلاک تا مرکز خاک از زانی و نهشت و از زمره جمیع مکونات نوع انسان که همه
 جامع ملک ملکوت و مجموع متون مضموعه از جبروت و لاموت منظور نظر عنایت شریفه موجوده^۱
 کا بیش متوج بنجاح اغراض خلقا الا نشان فی حسن توهم نماید و کایش شرف شرف ختصاص
 و لغز که بتانجامی آدم میفرماید و بعد از آن از جمله تمام افراد آن نوع متفاح صلاح و نجاح شامش و معاد
 انسان را بر دوز انصاف یا به صاف بیانی و همای مصروف عطا و الطاف به محالی در قیض اقدار
 و پنجه خستیار انبیا و سبل که را نامان طریق و مهابت فرمایان سبیل اند نهاد و تا بنور ارمی بنشین
 از شعاع وحی ایشان گشت کمان پدای ضلالت و طغیان و تابان مغاور جهلالت و خذلان در

§ 4. СТИЛЬ СЕФЕВИДСКИХ И МОГОЛЬСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Несмотря на то, что нами не ставилась задача изучения литературного стиля сефевидского и могольского «инша», мы не можем обойти молчанием этот вопрос. В данном параграфе мы постараемся поделиться основными наблюдениями, которые были сделаны нами в ходе обработки собранного материала.

Как известно, в средние века на Востоке большое значение придавалось стилю официальных посланий, которыми обменивались правители разных стран. Искусство мунши, которому поручалось составлять дипломатические послания, заключалось в том, чтобы он мог отразить любой вопрос, поднятый катибом правителя-адресанта, и достойно выйти из трудного положения. Каждый именитый мунши имел свой, характерный ему стиль, так что можно было безошибочно определить, кто составлял даинный документ.

Известно, что огромное влияние на могольское «инша» оказало персидское, имевшее более глубокие и давние традиции. Здесь мы не согласны с индийским ученым М. Момином, который в своей монографии говорит о влиянии Средней Азии на могольское «инша», ни слова не сказав о персидском влиянии как на сам язык, так и на стиль в могольский период¹¹⁵. Известны факты, когда могольские императоры приглашали на службу к своему двору прославленных мунши из Сефевидского государства¹¹⁶. Тем не менее, труд М. Момина представляет определенный интерес, так как он не только прослеживает происхождение риторических приукрашиваний и помпезности стиля в произведениях могольских «инша», начиная с сельджукского и хорезмского периодов, но также останавливается на наследии знатока могольского «инша» Амира Хосрова Дехлеви и рассматривает лингвистические, общественные и политические обстоятельства, которые способствовали эволюции появившегося в могольский период особому, «истинно индийского по духу», стиля «сабк-и хинди»¹¹⁷.

С точки зрения стиля чрезвычайно интересным является первое письмо, написанное Хумайуном шаху Тахмасибу, где он просит убежища в Иране¹¹⁸. Это послание не только краткое, простое и прямое, но, несмотря на то, что Хумайун выступает в нем в роли просителя, оно, хоть и

¹¹⁵ Momin. The Chancellery and Persian Epistolography. P. 21–28, 152–160.

¹¹⁶ Riazul Islam. Calendar of Documents. I. P. 34.

¹¹⁷ Momin. The Chancellery and Persian Epistolography. P. 28.

¹¹⁸ Мунша'ат-и Салатин. С. 132.

почтительно по тону, не лишено в то же время чувства собственного достоинства. Вероятнее всего, это письмо было написано Байрам беком, который и уговорил своего хозяина отправиться в Иран. В отличие от этого послания, письма шаха Тахмасиба Хумайуну отличаются некоторой помпезностью и тяжеловесностью¹¹⁹.

Своего расцвета сефевидское и могольское «инша'» достигли во время правления Акбара и шаха Аббаса I. Придворный историк шаха Аббаса I был выдающимся мунши. Сходство стиля в определенных местах «Тарих-и алам арай-и Аббаси» и некоторых письмах шаха Аббаса I говорит о том, что эти письма были написаны Искендер беком Мунши, хотя «мунши аль-мамалик» («главный мунши страны») в то время являлся Абд уль-Хусейн аль-Насири аль-Туси. Стиль дипломатических писем шаха Аббаса I отражает его величественность, сознание неограниченной власти, порожденные его успехами на всех фронтах, а также уверенность, характеризующая его отношения с соседями, враждующими с ним на востоке и западе. Однако дружеские «рук'а», которые были написаны им Джахангиру¹²⁰, сильно отличаются от его официальных писем — они отмечены приветливостью и добродушием.

В письмах шаха Сафи стиль вновь становится нудным и тяжелым¹²¹. Его «мунши аль-мамалик» все еще являлся Абд уль-Хусейн аль-Насири аль-Туси.

Сефевидская дипломатическая корреспонденция достигла своей высшей точки развития в «инша'» Мухаммед Тахир Вахида Казвини. Послания, написанные им для шаха Аббаса II, Таги Сару и Хасан Хана Шамлу, являются шедеврами дипломатического эпистолярного жанра¹²². Сравнение писем, которыми обменивались сефевидские и могольские высокопоставленные чиновники в годы несовершеннолетия шаха Аббаса II, почти всегда говорит в пользу Сефевидов. Это происходило благодаря мастерству Тахир Вахида, писавшего ответы на могольские письма. Стиль его письма отмечен достоинством, силой и полностью лишен хвастовства и напыщенности. Он умел приводить сильные доводы против каждого вопроса, поднятого могольской стороной¹²³.

Непревзойденной славы в Индии и Иране в литературном и эпистолярном «инша'» сумел добиться Абуль Фазл Аллами, визирь императора Акбара. Послания, написанные им, считались образцом стиля дипломатической переписки и хранятся во многих рукописных коллекциях в Ин-

¹¹⁹ Там же. С. 28–29.

¹²⁰ *Фалсафи*. Зеидегани-и Шах Аббас-и Аввал. Т. IV. С. 93.

¹²¹ *Riazul Islam*. Calendar of Documents. I. P. 252, 256.

¹²² Текст письма см.: *Сабатийан*. Аснад ва нашеха-и тарихи: доура-и Сафавийа. С. 347–352.

¹²³ *Riazul Islam*. Calendar of Documents. I. P. 34.

дии, Средней Азии, Афганистане, Иране, Турции и других мусульманских странах. Они написаны пышным слогом, некоторые места — рифмованной прозой и стихами, часто рассыпаны колкие намеки в адрес противников¹²⁴. Кроме того, для его стиля была характерна величественность выражений, и особенно бросается в глаза то, что он отдавал предпочтение употреблению родных персидских слов арабским. Нам трудно согласиться с высказыванием о том, что влияние Абуль Фазла оказалось не совсем полезным для могольского «инша'» из-за того, что многие мунши не смогли достичь значительных успехов в языке и стиле потому, что пытались подражать ему, утратив при этом свою индивидуальность и способности. В результате в Могольской империи сложился и получил распространение напыщенный искусственный стиль. В период правления Джахангира его иностранная переписка «пострадала» не так сильно, как во времена Акбара. Сам Джахангир, кстати, продолжая традицию своего деда Хумайуна, писал в простом и грациозном стиле, о чем свидетельствуют его мемуары «Тузук-и Джахангири». Своего расцвета напыщенный стиль подражателей Абуль Фазла достиг в период правления сына Джахангира шаха Джахана и был характерен для всей его дипломатической корреспонденции.

§ 5. ПРАВИЛА И ПРОЦЕСС СОСТАВЛЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

В Сефевидском государстве, в котором отдел корреспонденции был утвержден гораздо раньше, чем у Моголов, была установлена последовательная и устойчивая процедура составления и написания государственных бумаг. Конечно, бывали случаи, когда шах мог поручить составление государственных документов кому-то другому, например, визирю¹²⁵, но большинство персидских официальных посланий готовилось в государственной канцелярии «дар уль-инша'» «мунши аль-мамаликом». Лишь иногда шах мог собственноручно написать короткое письмо¹²⁶. В случаях же особой важности составлялось несколько черновиков, из которых наиболее подходящий отправлялся адресату¹²⁷.

¹²⁴ См.: Антонова К. А. Дипломатическая Индия в средние века. История дипломатии. М., 1959. С. 228.

¹²⁵ Текст письма см.: Фалсафи. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. С. 232–234.

¹²⁶ Текст письма, собственноручно написанного Джахангиром, см.: Муиша'ат-и Салатин. С. 195.

¹²⁷ Три варианта одного и того же письма см.: Там же. С. 195–210.

В качестве интересного примера можно привести факт, о котором упоминает Амин Ахмед Кумми в «Хуласат ат-таварих», о том, что шаху Тахмасибу I для написания письма с поздравлениями и соболезнованиями к турецкому султану Селиму II понадобилось восемь месяцев. Амин Ахмед Кумми и его отец, занимавший пост «мир мунши» у шаха Тахмасиба, переписывали это послание. В его подготовке принимали участие также поэты, ученые, которые приносили свои черновики в стихах и прозе для одобрения их шахом. Когда послание было готово, его текст занимал около 75 страниц¹²⁸.

Несмотря на то, что Моголы еще со времен императора Бабура вели активную дипломатическую переписку с иностранными государствами, в Могольской империи в течение почти столетия не было даже органа, который назывался бы «дар уль-инша», как это было в Сефевидском государстве¹²⁹. Моголы не придавали должного значения корреспонденции, как это делали другие мусульманские династии, правившие в Индии до них. Известно, что в Делийском султанате одним из четырех центральных министерств, т. е. «четырёх столпов, поддерживающих свод государства», являлся «диван-и инша'», или министерство корреспонденции¹³⁰. В Могольской империи имелся только протокольный отдел, где хранились оригиналы и копии важных государственных документов и откуда средневековый историк Баязид Байат раздобыл в 1000/1592 г. копию фермана шаха Тахмасиба¹³¹. Важно отметить, что недостатка в обученных и талантливых катибах в Могольской Индии не было. Здесь высоко ценилась профессия каллиграфа и мунши, и на службу к императорскому двору привлекалось большое количество талантливых людей как из самой империи, так и из-за ее пределов, особенно из Ирана. В Могольском государстве император мог возложить составление официального письма на любого, кого посчитал нужным, независимо от рода службы. Большинство посланий императора Акбара были составлены Абуль Фазлом. Но известен случай, когда несколько вариантов письма Акбара были составлены известным мастером литературного стиля Абуль Фатхом Гиладни¹³². Джахангир в своих мемуарах особо отмечает, что составление писем возлагалось на имперских мунши¹³³, но какого-либо упоминания

¹²⁸ Цит. по: *Сабатийан*. Аснад ва намеха-и тарихи: доура-и Сафавийа. С. 142.

¹²⁹ *Qureshi I. H.* Administration of the Mughal Empire. P. 82.

¹³⁰ *Idem.* Administration of the Sultanat of Dheli. Karachi, 1958. P. 85.

¹³¹ Тазкира-и Хумайун ва Акбар. С. 11. Текст фермана см.: Мунша'ат-и Салатин. С. 28–30.

¹³² Akbar-nama. P. 754–761; см. также: Mukatabat-i Allami. Lucknow, 1863. P. 11–17, 17–26.

¹³³ Тузук-и Джахангир. С. 185.

о существовании «дар уль-инша» не встречается. Как пишет индийский ученый М. Момин, «только со времен шаха Джахана многократно упоминается “дар уль-инша”»¹³⁴.

В предисловии к книге «Дипломатическая корреспонденция между Мир Низам Али-ханом и Ост-Индской Компанией» Ю. Хусейн, говоря об организации отдела корреспонденции «дафтар-и дар уль-инша», дает интересные сведения о процессе написания официальных писем у Низамшахов Деккана. Он пишет: «Процедура, установленная относительно корреспонденции, была тщательно разработана. Был определен специальный час для чтения писем и докладов правителю, который давал словесные инструкции и указывал на вопросы, которые надо подчеркнуть. Мунши по указанию правителя готовили черновики ферманов, писем, которые представлялись ему для одобрения. Символ утверждения ставился и сверху и внизу черновика. Каллиграф делал красивую копию черновика под присмотром «назима дафтар-и дар уль-инша», которая снова представлялась правителю. Для окончательного одобрения правитель в конце письма своей рукой надписывал, после чего письмо скреплялось королевской печатью»¹³⁵.

В средние века большое значение имело и то, как составлялось письмо и для кого оно предназначалось. Почти во всех пособиях по правилам «инша'» этому уделялось большое внимание. Так, например, в «Дастур аль-катиб» Мухаммед Нахчивани дает следующие советы катибу: «Если адресат выше по положению, чем автор письма, размер бумаги должен быть средним, а толщина пера — соразмерной неисписанному пространству бумаги. Если адресат ниже автора по положению, размер бумаги должен быть больше, расстояние между линиями — шире, перо — толще, а неисписанное пространство наверху — больше. После написания письма катиб должен оставить полоску бумаги с правой стороны в конце листа так, чтобы бумага не была квадратной формы. Непозволительно писать ответ на обороте письма, написанного старшим по положению. Это можно делать лишь в том случае, когда письмо, на обороте которого пишется ответ, написано низшим по положению. Это можно делать и с равными, но с извинениями»¹³⁶.

Далее Нахчивани дает практические советы мунши, когда и где нужно сидеть, когда пишешь письмо: не писать, когда тебе очень жарко или холодно, если ты голоден или испытываешь жажду или когда тебя одолева-

¹³⁴ Momin. The Chancellery and Persian Epistolography. P. 35.

¹³⁵ Diplomatic Correspondence between Mir Nizan Ali Khan and the East India Company. P. 1-11.

¹³⁶ Дастур аль-катиб. I. С. 84-85.

ет гнев или страсть. Место работы катиба («макан-и китаб») не должно быть холодным или жарким, тесным или темным. Мунши должен сидеть вдали от толкотни и сквозняка там, где ему никто не мешает. «Писец должен писать в такое время и в таком месте, чтобы он мог работать со спокойным умом», — пишет Нахчивани¹³⁷.

Все требования и правила для мунши, указанные выше, обязательно выполнялись писцами. Мунши являлись одними из самых важных чиновников в государстве, активно участвующими в общественно-политической жизни страны. От их языка, стиля и тона писем, а также профессионализма в какой-то степени зависели дипломатические отношения с другими странами.

§ 6. ДОСТОВЕРНОСТЬ ПИСЕМ, СОБРАННЫХ В «МУНША'АТ-И САЛАТИН»

Важность дипломатической переписки как исторического источника невозможно недооценить. Письма подтверждают, дополняют, а нередко и опровергают описания событий и фактов, данных в хрониках и официальных историях. Так, например, письмо Джахангира к Имам Кули хану¹³⁸, посланное через Мир Барака, и нишан¹³⁹, адресованный Джахангиром самому Мир Бараку, дают совершенно иную картину, чем та, которая представлена летописями царствования могольского императора¹⁴⁰. Другим чрезвычайно интересным примером, когда исследование проливает новый свет на дипломатические отношения Сефевидов и Моголов, являются письма, которыми обменивались могольские чиновники и правители с чиновниками в Иране в последние годы шаха Сафи и в начале царствования шаха Аббаса II¹⁴¹.

Важность каждого конкретного письма зависит от целого ряда показателей: от сущности исторического материала, содержащегося в нем; от того, в какой степени данное письмо раскрывает политику правителя или изменения в ней; от обстоятельств, в которых оно было написано, а также от содержащихся в нем доказательств, подтверждающих или опровергающих сведения, полученные из других источников. Однако в слу-

¹³⁷ Там же. С. 87–88.

¹³⁸ *Riazul Islam. Calendar of Documents. T. I. P. 236–237.*

¹³⁹ *Ibid. P. 234–235.*

¹⁴⁰ *Ibid. P. 86–92.*

¹⁴¹ *Riazul Islam. The Shamlu Letters. A New Source of Iranian Diplomatic Correspondence. Karachi, 1971.*

чае с шахской корреспонденцией каждое из этих писем представляет большой интерес, даже если в них не содержится никакой исторической информации, поскольку они отражают отношение переписывающихся друг к другу. А зачастую бывает, что внешне короткое послание, имеющее не особо емкое содержание, является более важным, чем длинное письмо. Примером этому может служить короткое письмо Джахангира к шаху Аббасу, в котором он поздравлял последнего с завоеванием Багдада. Оно является чрезвычайно важным, так как демонстрирует слабую позицию могольского императора¹⁴².

Одним из самых важных вопросов источниковедения является вопрос о достоверности документов, в данном случае официальных писем, зарегистрированных в различных коллекциях, причем зачастую установление подлинности этих документов является совсем нелегким делом. Как отмечалось выше, известны случаи, когда на один и тот же случай составлялось несколько черновиков, из которых отправлялся лишь один, остальные же оставались в государственной канцелярии. Кроме того, известно, что знаменитые мунши писали образцы разных видов писем в качестве пособий для начинающих. Эти образцы составлялись на разные темы, в том числе и дипломатические. Нередко они изобилуют историческими именами, в них даются такие подробности, которые неискушенный и незнакомый с этими фактами и событиями человек может принять за подлинные. В такие пособия включались также и черновики писем, которые были составлены, но по каким-то причинам не были посланы. Примером такого рода сочинений может послужить «Бада-и уль-инша» Хакима Юсуфи¹⁴³ и др. Как правило, во введении к таким рукописям поясняется, что все письма, дающиеся там, являются образцами. Встречаются также и коллекции, в которых эпистолярная литература, составляющая только раздел, перемежается с письмами, которые являются подлинными. В качестве примера можно привести исследуемый нами «Мунша'ат-и Салатин». К тому же надо учесть, что в нашей рукописи отсутствуют первые страницы введения, что затрудняет исследование этого списка. Именно по этой причине мы не можем назвать имени автора и точного названия рукописи, и поэтому она условно названа нами «Мунша'ат-и Салатин», так как большинство писем, входящих в ее состав, является шахской перепиской Сефевидов с правителями других стран.

Но можно с уверенностью утверждать, что письма Сефевидов и Моголов — настоящие, так как для каждого имеющегося у нас послания есть то или иное подтверждающее доказательство его подлинности: либо оно

¹⁴² О содержании письма см.: *Riazul Islam. Calendar of Documents*. T. I. P. 217.

¹⁴³ См. описание: *Ethe. Catalogue of the Persian Manuscripts in the India Office*.

дается или упоминается в хрониках, либо имеется в других коллекциях. Примером могут служить письма Хумайуна шаху Тахмасибу¹⁴⁴, письмо Джалал ад-дина Акбара к Абдулла хану Узбеку¹⁴⁵ о пограничном урегулировании между Могольской империей и узбекскими владениями, письмо Акбара к шаху Аббасу I¹⁴⁶ и др.

Если о содержании, отправке или получении писем упомянуто в нарративных источниках, то не может быть абсолютной уверенности в том, что они действительно были отправлены или получены. Однако при отсутствии каких-либо доказательств противоположного можно предположить, что письма были посланы и получены, то есть являются подлинными. А так как для одного письма составлялось несколько черновиков, может возникнуть сомнение, какой из нескольких вариантов был послан. В таком случае все черновики являются интересными, но установление подлинности значительно затрудняется.

Что касается вопроса о критической оценке материалов «Мунша'ат-и Салатин», то их историческая достоверность подтверждается не только целым рядом знаменательных дат, приводимых в этих посланиях, подробным описанием исторических событий, упоминанием известных исторических личностей из числа правителей, визирей, военачальников, знаменитых государственных, религиозных и общественных деятелей, ученых и литераторов, но и сообщением о строительстве крупных общественно-исторических объектов, сведения о которых встречаются в различных исторических хрониках, жизнеописаниях правителей и географических сочинениях XVI–XVII вв. Определенная часть конкретной информации, почерпнутой из материалов «Мунша'ат-и Салатин», также перекликается с данными, приводимыми в специальных прозаических и стихотворных трудах известных поэтов и ученых того времени.

§ 7. ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ СПИСКА «МУНША'АТ-И САЛАТИН»

Известно, что владение искусством «инша'» в средние века считалось признаком высокой культуры, и поэтому было много людей, кроме тех, кто специализировался в «инша'», которые занимались им благодаря сво-

¹⁴⁴ Мунша'ат-и Салатин. С. 132.

¹⁴⁵ Mukatabat-i Allami. P. 4–11.

¹⁴⁶ Сабатийан. Аснад ва намеха-и тарихи: доура-и Сафавийа. С. 298–300.

ему образованию или в ходе подготовки к официальной карьере. На подобную литературу в то время был большой спрос. У мунши существовала практика переписывать копии с официальных писем и отрывков из беллетристики. Из этих писем самим автором, его поклонниками, родственниками или учениками составлялись коллекции, которые затем распространялись наряду с литературными и нарративными сочинениями. Не каждое сочинение «инша» имело большой тираж. Но произведения таких прославленных мастеров как Хиндушах Нахчивани, Искендер бек Мунши, Абуль Фазл, Тахир Вахид Казвини, пользовались неизменным спросом.

Исследуемый нами список «Мунша'ат-и Салатин» является одним из ценнейших источников по изучению истории Азербайджана XVI–XVII вв., а также дипломатии ряда стран, в частности Азербайджанского государства Сефевидов, империи Великих Моголов, Османской империи, государства Шейбанидов и др. Уникальность этого списка, в котором собраны копии писем периода Сефевидов и Моголов, состоит в том, что оригиналы этих писем не дошли до наших дней. О том, что оригиналы полученных писем и копии отправленных хранились в государственных архивах Ирана и Индии, свидетельствуют и Баязид Байат, Фазли Исфahan и Абд ул-Хусейн аль-Насири аль-Туси¹⁴⁷. Но, видимо, в результате войн и грабежей, выпавших на долю иранской и индийской столиц в XVII–XIX вв., эти архивы исчезли, хотя некоторые из этих документов, возможно, находятся в частных коллекциях. Однако известно, что как сефевидские, так и могольские шахские письма, посланные к османскому двору, сохранились в турецких архивах¹⁴⁸.

Как отмечалось выше, из-за отсутствия первых двух и последнего листов имя автора «Мунша'ат-и Салатин» осталось неизвестным. И поэтому время переписывания этих писем можно установить исключительно по палеографическим данным этой рукописи. Однако палеографический анализ затруднен тем, что бумага рукописи — восточного производства, без водяных знаков, темного цвета и слабо лощеная. Текст на некоторых листах пострадал как от сырости, так и от плохой реставрации, произведенной, по-видимому, в начале XX в. После тщательного изучения особенностей почерка и сравнения его с почерками других рукописей и бумаги, а также учитывая, что дата переписки самых поздних копий писем относится к середине XVII в., мы пришли к выводу, что список был переписан во второй половине — конце XVII в.

¹⁴⁷ Тазкира-и Хумайуни ва Акбар. С. 11.

¹⁴⁸ *Hikmet Bayur* Y. Osmanlı Padişahı II Süleyman Gürkânî Padişahı I Alamgir (Evrangzeb)-e Mektubu // *Türk Tarih Kurumu. Belleten. Cild. XI. Ankara, 1950. S. 269–287.*

Рукопись написана черными чернилами, заголовки писем, указывающие на то, от кого и кому адресованы эти письма, цитаты из Корана и хадисы выделены красными чернилами. На полях некоторых листов помещено несколько копий писем, приписанных, по-видимому, другой рукой и более темными чернилами. Той же рукой в тексте сделаны небольшие исправления на полях. В некоторых местах имеются не совсем разборчивые печати ее владельцев. Написан список почерком «насталик», пагинация — построчная, восточная и современная, кустоды — последовательны. Размер листа — 24×17 , текста — $16,5 \times 10$ см, объем сборника — 548 страниц. Переплет — современный, картонный, на обложке — кожаная облицовка с тиснением, по-видимому, вырезанная с обложки оригинала и наклеенная при реставрации книги.

Письма, содержащиеся в коллекции, написаны на азербайджанском, персидском и турецком языках. Собранные в рукописи официальные послания можно классифицировать следующим образом:

- документы, относящиеся к сефевидо-могольским отношениям;
- документы по сефевидо-османским отношениям;
- документы по сефевидо-узбекским отношениям;
- переписка тюркской (азербайджанской) племенной знати;
- переписка между государственными и религиозными деятелями.

Кроме того, в список также включены образцы писем средневекового эпистолярного жанра, составленные известными мастерами «инша'».

Среди официальных документов встречаются копии шахских указов (ферманов), верительных и вакуфных грамот, заявлений (арздаштов), победных реляций (фатх-наме) и др. Особый интерес для нас представляет дипломатическая корреспонденция, которая велась между сефевидскими шахами и могольскими императорами. Среди них можно выделить послания Хумайуна, адресованные шаху Тахмасибу; письмо шаха Исмаила II, написанное Мухаммеду Хаким Мирзе, брату Джалал ад-дина Акбара; письма шаха Аббаса I, написанные императору Акбару; послания Акбара к шаху Аббасу I; несколько писем, которыми обменивались шах Аббас I и Джахангир, а также письмо принца Данийала, сына Акбара, написанное шаху Аббасу I.

В собрании есть письма, написанные шахом Тахмасибом Адильшаху, правителю Биджапура, Бахадур ханом — Хумайуну, императором Акбаром — Челеби беку, Джахангиром — Камран беку и др.

Сведения, которые можно почерпнуть из этих писем, помогут пролить свет на многие аспекты политической и социальной жизни средневекового Азербайджана, а также уточнить некоторые моменты дипломатических связей с соседними странами в XVI–XVII вв.

Глава III

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЕФЕВИДОВ И ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ В СЕРЕДИНЕ XVI В.

(по материалам «Мунша'ат-и Салатин»)

В начале XVI в. с образованием Азербайджанского государства Сефевидов началась новая эпоха в истории Ирана. Чтобы поддержать единство ряда стран и областей с разным этническим составом и экономикой, Сефевиды навязали разноплеменному мусульманскому населению своей державы единое государственное вероисповедание — шиизм, а именно толк умеренных шиитов-исламитов. После издания известного указа шахом Исмаилом I в 1501 г. начались гонения на суннитов, а также на «крайних шиитов». «Началось время, — пишет И. П. Петрушевский, — мрачного фанатизма могущественного шиитского духовенства, а также прекращение связей со Средней Азией и другими суннитскими странами»¹⁴⁹. Этим, по-видимому, объясняются многочисленные военные столкновения между Сефевидами и суннитскими государствами: Османской империей — на западе и узбеками — на севере. Именно поэтому шах Исмаил I был очень заинтересован иметь союзника в лице Захираддина Бабура — правителя маленького удела в Кабуле. Несмотря на то, что в «Мунша'ат-и Салатин» и других источниках подобного вида отсутствуют письма, касающиеся взаимоотношений шаха Исмаила I и Захираддина Бабура, опираясь на другие имеющиеся у нас нарративные источники и исследования современных российских и зарубежных историков, попытаемся обобщить эти материалы и дать полную и разностороннюю картину политических событий, связанных с отношениями этих двух молодых государств, которые, как показала история, нуждались в поддержке и помощи друг друга.

¹⁴⁹ Пигулевская и др. История Ирана. С. 255.

Первые контакты между шахом Исмаилом и Бабуrom возникли в 1510 г., т. е. задолго до образования последним империи Великих Моголов. 2 декабря 1510 г. при Мерве шах Исмаил I нанес сокрушительное поражение Шейбани хану Узбеку. Мухаммед Хайдар, современник событий, в труде «Тарих-и Рашиди» писал об этой битве: «История не знала, никто не читал и не слышал о [другом таком] сражении, в котором все военачальники армии были убиты»¹⁵⁰. Воины шаха Исмаила, кроме других трофеев, захватили гарем Шейбани хана и большое количество пленных. В числе последних была сестра Бабура Ханзаде-бегум. Когда о знатной пленнице узнал шах Исмаил, он оказал ей большие почести и в сопровождении специальных проводников отправил ее в Кундуз, ставку Бабура-падишаха»¹⁵¹.

Известие о победе кызылбашей над узбеками застало Бабура в Кабуле через несколько дней¹⁵². Эту новость ему сообщил его двоюродный брат хан Мирза, находившийся в это время в Бадахшане¹⁵³. Бакур, узнав о поражении узбеков и смерти Шейбани хана, немедленно отправился из Кабула в сторону Кундуза и, несмотря на суровость высокогорной зимы, преодолел этот путь к январю 1511 г. В этом походе Бабура сопровождал молодой Мирза Хайдар Дуглат, автор «Тарих-и Рашиди»¹⁵⁴.

Вскоре после того, как Бакур достиг Кундуза, к нему прибыл посланник шаха Исмаила вместе с Ханзаде-бегум, сестрой Бабура. Этот дружественный жест со стороны шаха позволил Бабуру надеяться на возможную поддержку кызылбашей, в которой он так сильно нуждался, тем более что сефевидский посол источал дружелюбие и любезность, рассчитанные на то, чтобы привлечь Бабура к поддержке Сефевидов¹⁵⁵.

В ответ к шаху Исмаилу была направлена дипломатическая миссия во главе с двоюродным братом Бабура ханом Мирзой, правителем Бадахшана. Он был с большим почтением принят шахом, которому пришлось по душе планы Бабура об их совместном походе в Мавераннахр¹⁵⁶, и, как свидетельствуют источники, шах Исмаил вскоре удовлетворил просьбу

¹⁵⁰ Тарих-и Рашиди. С. 235–236; *Хасан Румлу*. Ахсан ат-таварих // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. Б-1696. Л. 686.

¹⁵¹ Цит. по: *Азимджанова*. Государство Бабура. С. 87.

¹⁵² Там же. С. 88. — Однако автор ошибается, указывая, что весть о победе шаха Исмаила Бакур получил в декабре 1511 г., и ссылается при этом на рукопись «Тарих-и Рашиди». По-видимому, это чисто техническая ошибка автора этого списка. *Хасан Румлу*, как и Хондемир, датирует это событие концом 918/1512 г. (см.: *Хасан Румлу*. Ахсан ат-таварих. Л. 716; Хабиб ас-сийар. Ч. 4. С. 67).

¹⁵³ Тарих-и Рашиди. С. 237–238; см. также: *Babur-nama*. P. 350.

¹⁵⁴ Тарих-и Рашиди. С. 239.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ *Азимджанова*. Государство Бабура. С. 90.

Бабура о военной помощи против узбеков¹⁵⁷. По условиям договора, заключенного между ними, любые области за Аму-Дарьей, завоеванные в этой войне, будут принадлежать последнему¹⁵⁸.

Вдохновленный благосклонностью шаха Исмоила, Бабур прошел из Кундуза в Хисар Шадман и захватил его. Это была его вторая, успешно закончившаяся попытка захвата крепости. Успех открыл перед Бабуrom широкие перспективы овладения всем Мавераннахром и возвращения трона предков в Самарканде. Однако эта задача оказалась непосильной из-за отсутствия достаточной военной мощи, и поэтому Бабур снова отправил своих послов к шаху Исмоилу, заверяя его, что если с его помощью ему удастся завоевать Самарканд, то в честь шаха Исмоила будет прочитана хутба и отчеканена монета с его именем¹⁵⁹. Из известных нам летописцев только Хондемир сообщает, что, кроме вышеназванных слов из «Тарих-и Мунтазими Насири», в своем письме Бабур обещал также распространить «шиизм во всех владениях, которые он завоюет»¹⁶⁰. Узнав об этом, шах Исмоил прислал в лагерь Бабура значительное войско во главе с Шахрух беком Афшаром, сыном Ахмеда Суфи¹⁶¹. Бабур сумел привлечь на свою сторону большое количество народа. Одержав ряд побед, он вступил в Самарканд и первым делом щедро наградил своих союзников¹⁶². Сдержав свое обещание, Бабур якобы отчеканил монету с именем шаха Исмоила I и прочитал хутбу в его честь с упоминанием 12 шиитских имамов¹⁶³, а по свидетельству очевидца Мирза Хайдар Дуглата, даже надел кызылбашское платье, включая и тадж¹⁶⁴.

Вопрос о хутбе в честь шаха Исмоила I и чеканке монет с его именем освещен по-разному не только в трудах сефевидских и могольских средневековых историков, но и в современных работах. Как нам кажется, разработка данной проблемы является очень важной, так как этот вопрос оставил глубокий отпечаток на развитии взаимоотношений между двумя династиями на протяжении длительного времени и до сих пор вызывает многочисленные разногласия среди исследователей.

¹⁵⁷ Мухаммед Хасан хан. Тарих-и Мунтазими Насири. Тегеран, 1298–1300 (далее — Тарих-и Мунтазими Насири). С. 93. Однако Рийазул Ислам сомневается, что шах Исмоил удовлетворил просьбу Бабура о военной помощи в данных переговорах (см.: *Riazul Islam. Indo-Persian Relations*. P. 6).

¹⁵⁸ Тарих-и Рашиди. С. 239.

¹⁵⁹ Тарих-и Мунтазими Насири. С. 93; см. также: Хасан Румлу. Ахсан ат-таварих. Л. 716; Азимджанова. Государство Бабура. С. 91.

¹⁶⁰ Хабиб ас-сийар. III. Ч. 4. С. 66.

¹⁶¹ Тарих-и Мунтазими Насири. С. 93; см. также: Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 30; Хасан Румлу. Ахсан ат-таварих. Л. 716.

¹⁶² Тарих-и Рашиди. С. 246; Хасан Румлу. Ахсан ат-таварих. Л. 726.

¹⁶³ Хасан Румлу. Ахсан ат-таварих. Л. 726; Хабиб ас-сийар. III. Ч. 4. С. 67.

¹⁶⁴ Тарих-и Рашиди. С. 246.

А по сообщениям индийских персоязычных источников, монеты с именем шаха Исмаила I были отчеканены, но хутба в его честь вместе с именами 12 шиитских имамов прочитана не была¹⁶⁵. К сожалению, Бабур в своих мемуарах этот вопрос обходит молчанием.

Что касается сефевидских источников того периода, то они также не единодушны в освещении этой проблемы. Например, Искендер бек Мунши сообщает о факте прочтения хутбы в честь шаха Исмаила, но не упоминает о чеканке монет с именем последнего¹⁶⁶. Современники событий Хондемир и Хасан бек Румлу определенно говорят как о прочтении хутбы в честь шаха Исмаила, так и о чеканке монет¹⁶⁷. Мы считаем, что в пользу фактов говорят свидетельства о недовольстве жителей Самарканда, население которого исповедовало ислам суннитского толка. И поэтому эти действия Бабура были восприняты крайне болезненно¹⁶⁸. По свидетельству Мухаммеда Хайдара, в Мавераннахре считали, что союз Бабура с Сефевидами вызван «чрезвычайными обстоятельствами, и как только цель будет достигнута и иго кочевников сброшено, все связи с нечестивцами-шиитами будут сразу же разорваны»¹⁶⁹.

О факте чеканки Бабуrom монет с именем шаха Исмаила I и хутбы в честь 12 шиитских имамов также существует множество свидетельств. Если обратиться к нумизматическим данным, то надо упомянуть об одной золотой монете с шиитской надписью и именем шаха Исмаила I и четырех серебряных — с краткими шиитскими надписями и именем султана Бабура Бахадура, описанных Р. Пулем¹⁷⁰. Но принадлежность данных монет Бабуру ставит под сомнение то, что еще шесть монет, аналогичных четырем, указанным выше, но отличающихся по типу, были найдены Р. Берном, который считает, что они были отчеканены Абуль Касимом Бабуrom из Герата (851–861 г. х.), и непохоже, что Бабур, владевший Самаркандом всего 8 месяцев (с октября 1511 по май 1512 г.), отчеканил пять монет разного типа за столь короткий период¹⁷¹.

Исходя из этого, можно прийти к выводу, что золотая монета, имеющая шиитскую надпись и имя шаха Исмаила I, которую Р. Пуль описал как

¹⁶⁵ Там же. С. 239; см. также: Тарих-и Мунтазими Насири. С. 94.

¹⁶⁶ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 30.

¹⁶⁷ Ахсан ат-таварих. Л. 726; Хабиб ас-сийар. III. Ч. 4. С. 67; *Fuad Köprülü M. Babur. Islam Ansiklopedisi*. С. II. Istanbul, 1970. S. 181.

¹⁶⁸ *Азимджанова*. Государство Бабура. С. 94.

¹⁶⁹ Тарих-и Рашиди. С. 240.

¹⁷⁰ *Lane-Poole S. Catalogue of the Coins of the Shahs of Persia in the British Museum*. London, 1887. P. XXIV–IX, 210–211. — С. Лейн-Пуль также описывает четыре серебряные монеты как монеты, отчеканенные Бабуrom (см.: *Lane-Poole S. Catalogue of the Coins of the Mughal Emperors in the British Museum*. London, 1892. P. 6).

¹⁷¹ Цит. по: *Riazul Islam. Indo-Persian Relations*. P. 193.

похожую по фактуре и оформлению на монеты из Астарабада, Герата и Мерва¹⁷² (т. е. вне территорий, когда-либо контролировавшихся Бабуром), была выпущена на северо-западе владений шаха Исмаила I. Опираясь на высказывания, встречающиеся в различных нарративных источниках, можно заключить, что Бабур действительно чеканил монеты, имевшие имя шаха Исмаила I и шиитские надписи, но то, что ни одна из них до сих пор не была найдена, на наш взгляд, верно объясняется Риазулом Исламом в его работе «Индо-персидские отношения». Он высказывает предположение, что Бабур чеканил эти монеты для того, чтобы доказать свою верность шаху Исмаилу I, а не для обращения в Самарканде, и их полное исчезновение объясняется тем, что отчеканены они были в небольшом количестве для преподнесения шаху Исмаилу I в качестве подарка¹⁷³.

Выше уже указывалось, что Бабур обещал после завоевания Мавераннахра принять шиизм. Этот вопрос также был очень важным для изучения развития дальнейших отношений между Бабуром и шахом Исмаилом I, так как эта тема тоже часто затрагивается в посланиях, которыми в дальнейшем обменивались наследники двух правителей. Поэтому необходимо подробно остановиться на этой проблеме, но следует отметить, что мы не ставили перед собой задачу рассматривать религиозные воззрения Бабура в целом.

Как известно из источников, еще до сближения с шахом Исмаилом I Бабур имел дружеские отношения со многими шиитами. По словам Хондемира, у Бабура была сердечная дружба с известным ученым-астрономом Гияс ад-дином Мансуром¹⁷⁴, в будущем занимавшим пост садра¹⁷⁵ Хорасана. У него также завязалась крепкая дружба с Хондемиром, известным историком-шиитом, которого Бабур, став могольским императором, пригласил на службу к своему двору, и Хондемир, спустя короткое время, принял приглашение Бабура¹⁷⁶. Чуть позже Бабур пригласил Байрам бека из кызылбашского племени «бахарлу», который был шиитом, в качестве воспитателя своего сына Хумайуна¹⁷⁷.

Согласно источникам, Бабур принял шиизм, провозгласил хутбу на шиитский манер и даже надел платье кызылбашей, подвергнув тем самым себя опасности со стороны узбеков-суннитов. В конечном счете это приве-

¹⁷² Lane-Poole S. Catalogue of the Coins of the shahs of Persia. P. XXIV–XXV.

¹⁷³ Riazul Islam. Indo-Persian Relations. P. 193.

¹⁷⁴ Хабиб ас-сийар. III. Ч. 4. С. 98–99.

¹⁷⁵ Садр — глава духовного ведомства, несший ответственность за пресечение и подавление еретических антифеодальных движений, а также повсеместное насаждение и укрепление позиций шиизма (см.: Эфендиев О. А. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Баку, 1981. С. 259).

¹⁷⁶ Хондемир. Наме-и Нами // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. М-209. Л. 17–19.

¹⁷⁷ Ма'асир-и Рахими. I. С. 64–65.

о к тому, что он был вынужден оставить Самарканд. С другой стороны, эти действия Бабура сблизили его с Сефевидами и укрепили их дружеские отношения. Исходя из этого, можно предположить, что он был суннитом, не сковывавшим себя религиозными догмами и не испытывавшим сильной антипатии к шиизму. По-видимому, Бабур разыгрывал шиита из политических соображений, так как когда эта необходимость отпала, он с той же легкостью вернулся к старой вере, с которой ее покинул, что лишний раз подтверждает, что это было лишь ловким маневром с его стороны.

Доказательством этому служит поведение Бабура после завоевания Самарканда. После установления там его господства между кызылбашскими военачальниками и местной феодальной верхушкой и духовенством выявились острые противоречия. Бабур, хотя и соблюдал лояльность по отношению к шаху Исмаилу I, но в какой-то форме выражал и недовольство действиями кызылбашей. Один из кызылбашских военачальников по имени Мухаммед Джан, служивший в армии Бабура, сообщал шаху Исмаилу I, что Бабур после завоевания Самарканда и Бухары стал высокомерным и намеревается разорвать союз с Ираном¹⁷⁸. Получив это известие, Исмаил в начале 1512 г. направил в Мавераннахр сильный отряд во главе с эмиром Наджмом Сани, по-видимому, для того, чтобы принудить Бабура к полному повиновению¹⁷⁹. Но ко времени прибытия Наджма Сани надобность в проведении карательной акции против Бабура отпала, так как узбеки в апреле 1512 г. нанесли ему поражение при Кули-Малике¹⁸⁰.

Здесь необходимо подробнее остановиться на этих событиях в истории отношений Сефевидов и Моголов, так как они не раз находили свое отражение на страницах переписки представителей сефевидской и могольской династий и до сих пор вызывают споры среди ученых.

После поражения Бабура при Кули-Малике узбеки представляли для Сефевидов большую угрозу, чем раньше, и Наджм Сани, не поставив в известность шаха Исмаила I и явно переоценив свои силы, решил направить удар против узбеков. Вместе с 12-тысячным войском он через Джам и Мархаб вынулся в Балх и послал к Бабуру в Хисар Шадман просьбу присоединиться к нему. Бабур пришел на помощь Наджму Сани, и они вместе направились

в Бухару, где находились мощные силы узбеков Джани бека и Убайдулла ана. Прежде чем они успели добраться до Бухары, стало известно о других силах узбеков под предводительством Тимура султана и Абусайд султана, которые двигались из Самарканда с целью укрыться в крепости Гуддуван. Из-за приближавшейся зимы обстановка для союзников была

¹⁷⁸ Хабиб ас-сийар. III. Ч. 4. С. 66–67.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Хасан Румлу. Ахсан ат-таварих. Л. 726.

неблагоприятной. Бабур предлагал отступить, чтобы переждать зиму, а Наджм Сани настаивал на сражении, что, естественно, вызвало недовольство Бабура и его войска. В ноябре 1512 г., когда из Бухары подоспели большие силы узбеков во главе с Джани беком и Убайдулла ханом и гарнизон Гудждувана выступил из крепости, произошло сражение. И Бабур, во время битвы стоявший в резерве, отступил без боя и отрезал путь к Хисару. Тем временем узбеки напали на сефевидское войско, захватили и казнили Наджма Сани. Таким образом, союз между Бабуrom и шахом Исмаилом I перестал существовать¹⁸¹. Надо отметить, что действия Бабура его противники неоднократно ставили в вину Моголам, особенно Хумайуну, во время его бегства в Иран. Об этом не раз упоминалось, когда в дальнейшем возникала конфликтная ситуация между двумя правящими династиями.

Однако шах Исмаил I не терял надежды на восстановление прежних отношений с Тимуридами. Агент Исмаила Мирам был послан в Мавераннахр со специальным поручением перехватывать все письма Бабура, отправлявшиеся в Бухару, а также для того, чтобы войти в доверие к приближенным Бабура. Однако, судя по данным из некоторых источников, Бабур больше не стремился к дружбе с шахом Исмаилом I¹⁸². Здесь необходимо заметить, что хотя военный союз между сефевидским шахом и Бабуrom распался, но его роль в развитии дальнейших взаимоотношений невозможно не оценить. Как показывают дальнейшие события, в это время появляются зачатки дипломатических отношений, которые, несмотря на перерыв, впоследствии возобновляются и развиваются, и ссылки на союз шаха Исмаила I и Бабура становятся традиционными в дипломатической корреспонденции представителей правящих династий этих двух великих государств.

Хотя С. А. Азимджанова пишет, что «возобновление тесных отношений между Тимуридами и Сефевидами наступило при наследнике Бабура Хумайуне, который потерпел поражение в борьбе с Шер-Шахом Суrom и вынужден был бежать в Иран»¹⁸³, позволим себе не согласиться с ней, так как имеющиеся у нас данные из источников говорят об обратном: отношения с Сефевидами, а именно с шахом Тахмасибом¹⁸⁴, возобновились еще при Бабуре вскоре после того, как последний основал империю Великих Моголов¹⁸⁵, и продолжались до конца его жизни.

¹⁸¹ Азимджанова. Государство Бабуров. С. 97.

¹⁸² Там же. С. 97–98.

¹⁸³ Там же. С. 98.

¹⁸⁴ Сын шаха Исмаила I правил в 1524–1576 гг. (см.: Босворт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971. С. 226).

¹⁸⁵ В 1526 г. Бабур после победы над делийским султаном Ибрахимом Лоди при Панипате положил начало Могольской империи в Индии (см.: Синха Н. К., Банерджи Ч. А. История Индии. М., 1954. С. 212).

После смерти шаха Исмаила I в 1524 г. и завоевания Дели и Агры Бабур послал подарки некоторым близким людям в Хорасане и Иране (Западной Персии)¹⁸⁶. Этот жест уважения к своим доброжелателям в Иране отражал его желание оставаться в дружественных отношениях со своим самым могущественным соседом. Неудовлетворенный интерес Бабура к своим наследственным владениям в Мавераннахре также требовал, чтобы он оставался в самых лучших отношениях с Сефевидами.

Спустя некоторое время после наследования Тахмасиба Бабур первый предпринял попытку возобновления дипломатических отношений с Сефевидским государством — он послал своего посла Хаджаги Асада с поздравлениями к Тахмасибу, сменившему на троне шаха Исмаила I¹⁸⁷. Посол вернулся в Индию в декабре 1527 г. вместе с представителем шаха Тахмасиба Сулейманом Ага¹⁸⁸. Впоследствии Сулейман Ага принимал участие в битве при Канве в марте 1527 г. на правом фланге армии Хумайуна мирзы, а Хаджаги Асад — на левом фланге. Спустя два месяца Хаджаги Асад в качестве посла Бабура с подарками вновь был послан к шаху Тахмасибу, и Сулейман Ага сопровождал его¹⁸⁹.

Хотя в источниках не встречается никаких упоминаний о дипломатических отношениях с Персией в последние два года жизни Бабура, но, по сведениям из «Бабур-наме», можно заключить, что он все время старался держаться в курсе дел, происходивших в Иране. Он просил своего сына Камрана мирзу в Кабуле узнать о положении дел шаха Тахмасиба, который находился в состоянии войны с узбеками¹⁹⁰. Бабур получил полный доклад Хумайуна мирзы из Бадахшана о победе шаха Тахмасиба при Джаме в 1528 г. над объединенной армией почти всех узбекских правителей¹⁹¹. Все сведения, появляющиеся в «Бабур-наме», свидетельствуют об активном интересе Бабура к делам Сефевидского государства. Там же упоминается письмо, написанное Бабуром в 1529 г. правителю Кабула и Кандахара Камрану мирзе, в котором он советует Камрану позаботиться о своих взаимоотношениях с Тахмасибом.

В январе 1529 г. от шаха Тахмасиба ко двору Бабура прибыло посольство во главе с Хасаном Челеби¹⁹². Однако о возвращении этого посольства никаких сведений не встречается.

¹⁸⁶ Мунтахаб ат-таварих. С. 337; см. также: Табакат-и Акбари. С. 17; Акбар-наме. С. 99.

¹⁸⁷ *Захираддин Бабур*. Бабур-наме // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. С-391. Л. 374а; см. также: Тарих-и Фиришта. I. С. 385.

¹⁸⁸ *Захираддин Бабур*. Бабур-наме. Л. 374б.

¹⁸⁹ Там же. Л. 389б.

¹⁹⁰ Там же. Л. 394а.

¹⁹¹ Там же. Л. 399а, б.

¹⁹² Там же. Л. 402б.

Бабур умер в 1529 г., но его дружба с шахом Исмаилом I долго служила примером для потомков Сефевидов и Моголов, о чем свидетельствует дипломатическая переписка правителей этих двух династий.

Собранный материал, в том числе и копии подлинных исторических писем из ценной рукописи «Мунша'ат-и Салатин» и других подобных коллекций позволяют нам подробно остановиться на дипломатических отношениях Сефевидов и Моголов, начиная с середины XVI в. Имеющаяся у нас дипломатическая корреспонденция правителей этих государств почти неизвестна и не исследована в России, и поэтому тщательное изучение этих документов позволит устранить пробелы в событиях рассматриваемого периода и пролить свет на некоторые аспекты истории связей, существовавших между этими государствами.

Из сведений, почерпнутых из документальных и повествовательных источников, а также сочинений современных историков, становится очевидным, что между шахом Тахмасибом I и Хумайуном¹⁹³ отсутствовали какие-либо контакты в первые 13 лет правления последнего. Первым шагом в восстановлении связей между двумя династиями было обращение Хумайуна к шаху Тахмасибу с просьбой о предоставлении ему убежища в Иране и оказании военной помощи в борьбе за власть в Могольской империи¹⁹⁴. Хотя просьба Хумайуна была весьма неожиданной для иранской стороны, но тем не менее, как показывают дальнейшие события, она была удовлетворена Тахмасибом.

После сокрушительного поражения при Хардои, нанесенного армией Шер шаха¹⁹⁵ могольскому императору в 1540 г., последний направился в Пенджаб, а затем, тщетно пытаясь привлечь на свою сторону своих братьев Камрана и Аскари, ушел в Синд¹⁹⁶. Его положение было крайне тяжелым: покинутый всеми, он был вынужден бежать во владения Сефевидов в сопровождении жены, ее служанки, 40 воинов и близких людей¹⁹⁷.

По настоянию сопровождавшего его друга Байрам бека Бахарлу Хумайун пишет из Гармсира шаху Тахмасибу письмо¹⁹⁸, текст которого имеется в «Мунша'ат-и Салатин»¹⁹⁹. Так как из его содержания явствует, что

¹⁹³ Сын Бабура правил с 1530 по 1540 г. и с 1555 по 1556 г. (см.: *Босворт*. Мусульманские династии. С. 268).

¹⁹⁴ *Хасан Румлу*. Ахсан ат-таварих. Л. 182а.

¹⁹⁵ Вождь афганцев из племени Сур, правил с 1540 по 1545 г. (см.: *Босворт*. Мусульманские династии. С. 244; см. также: *Всемирная история*. Т. IV. М., 1958. С. 603).

¹⁹⁶ *Синха, Банерджи*. История Индии. С. 216.

¹⁹⁷ *Антонова*. Очерки общественных отношений. С. 40; см. также: *Эфендиев*. Азербайджанское государство Сефевидов. С. 108.

¹⁹⁸ Ма'асир-и Рахими. I. С. 575.

¹⁹⁹ Мунша'ат-и Салатин. С. 132.

письмо написано до того, как он ступил на землю Персии, то можно с уверенностью датировать послание декабрем 1543 — январем 1544 г. По-видимому, император не хотел вступать во владения шаха, не имея на то разрешения последнего. Но преследование людей сводного брата Аскари мирзы заставило его пересечь границу иранской провинции Систан еще до получения ответа от шаха Тахмасиба²⁰⁰. Хотя Абуль Фазл в «Акбар-наме» сообщает, что Хумайун повернул в Персию с целью посещения Мекки²⁰¹, но письмо Хумайуна, а также сведения из «Ахсан ат-таварих» опровергают причину, приведенную Абуль Фазлом²⁰². Для подтверждения подлинности письма мы сравнили его с копией из тбилисского списка Хайдара Эвоглу²⁰³. Анализ показал, что письмо из нашего списка является подлинным, и, следовательно, сведения, дающиеся в нем, достоверны.

В отличие от других шахских писем того времени, данное послание Хумайуна является кратким и лаконичным и написано без соблюдения обязательного протокола, по-видимому, из-за тяжелого положения автора. В то же время оно является редким образцом эпистолярного жанра, отличающимся своей непритязательностью, краткостью и прямотой.

В письме Хумайун без тени лести заявляет о своей искренней любви к шаху Тахмасибу: «Мое сердце, наполненное искренней любовью [к Вам], постоянно тянулось к порогу Его величества, от которого исходят счастье и успехи...» Затем он повествует о превратностях судьбы, заставившей его «покинуть обширные владения великого Хиндустана и прибыть в тесный Синд...». Хотелось бы отметить, что в письме могольский император, не обращаясь открыто, намекает на свое желание найти пристанище в Иране и получить военную помощь от шаха Тахмасиба: «Сейчас в результате больших усилий на горизонте видны крылья птицы счастья и удачи. Надеюсь, что после возвращения власти, которая является источником многих успехов, я смогу изложить Его Величеству все пережитое мною»²⁰⁴. Наши предположения подтверждаются и свидетельствами нарративных источников²⁰⁵. Из них мы также узнаем, что когда Хумайун

²⁰⁰ Акбар-наме. I. С. 203–204.

²⁰¹ Там же. С. 203.

²⁰² Хасан Румлу. Ахсан ат-таварих. Л. 182а.

²⁰³ Абуль Касим Хайдар бек Эвоглу. Нусха-и джами'а-и мурасалат-и улул-албаб // Рук. ИР им. К. С. Кекелидзе АН Грузии Ш. РК 21/55. Л. 976 (далее — Нусха-и джами'а-и мурасалат-и улул-албаб).

²⁰⁴ См. прил. № 1 даниой работы.

²⁰⁵ Акбар-наме. I. С. 191–192; см. также: Хумайун-наме. С. 168; Ма'асир-н Рахими. I. С. 574–575; II. С. 16–17.

в сопровождении небольшой группы верных ему людей пересек границу Ирана и вступил в Систан, он с почетом был принят сефевидским правителем Ахмед Султаном Шамлу²⁰⁶.

Получив письмо от Хумайуна, шах Тахмасиб был очень польщен, что бывший император Индии пришел просить убежища и военной помощи именно у него. Доказательством этого служит тот факт, что после получения письма шах Тахмасиб приказал три дня бить в барабаны²⁰⁷. Он сразу же написал деликатный и вежливый ответ, в котором говорится, что самым его заветным желанием было принять высокого гостя и что из письма падишаха (Хумайуна), которое было получено с уважением и почетом, он узнал о превратностях его тяжелой судьбы. Затем Тахмасиб дает понять Хумайуну, что если он (Хумайун) и в дальнейшем будет продолжать в духе искренней преданности, как и его отец, то добьется союза с его династией, и все его дела будут справедливо оберегаться благосклонностью имамов и его (шаха) поддержкой. Далее шах выражает надежду, что в скором времени встретится с Хумайуном, и с нетерпением ждет его приезда²⁰⁸.

В это же время шах Тахмасиб издает ферман по приему Хумайуна, датированный январем 1544 г. Копии этого фермана были разосланы всем правителям провинций, через которые император должен был проехать к Казвину, персидской столице²⁰⁹, где его ждал шах Тахмасиб. Этот ферман является единственным в своем роде документом во всей корреспонденции между Сефевидами и Моголами из-за своего объема и всевозможных содержащихся в нем подробностей²¹⁰. Он свидетельствует о страстном желании шаха Тахмасиба в полной мере проявить свое гостеприимство и, как он сам говорил, «оставить запись на страницах истории»²¹¹.

Ферман начинается с того, что шах извещает Мухаммед хана Шариф ад-дина Оглу Текелю, беглярбека²¹² Хорасана, и лала²¹³ принца Султан Мухаммеда (сына шаха Тахмасиба) о благосклонности шаха, а также о том, что его (беглярбека) арз-дашт, посланный с Хасан беком Текелю,

²⁰⁶ *Хасан Румлу*. Ахсан ат-таварих. Л. 182а; Тазкира-и Хумайун ва Акбар. С. 9.

²⁰⁷ *Хасан Румлу*. Ахсан ат-таварих. Л. 182а.

²⁰⁸ Полный текст письма см.: *Sukumar Ray*. Humayun in Persia. Calcutta, 1948. P. 67–68.

²⁰⁹ Тазкира-и Хумайун ва Акбар. С. 18; см. также: Акбар-наме. I. С. 208.

²¹⁰ Полный текст фермана см.: Шах Тахмасиб Сефеви. С. 53–61; см. также: Ма'асир-и Рахими. I. С. 577–578; Тазкира-и Хумайун ва Акбар. С. 12–31; Акбар-наме. I. С. 418–431.

²¹¹ Акбар-наме. I. С. 207.

²¹² Беглярбек (бек беков) — шахский наместник в Сефевидском государстве, стоящий во главе области (эйалета, мн. — эйалат) (см.: подробнее: *Эфендиев*. Азербайджанское государство Сефевидов. С. 271).

²¹³ Воспитатель и наставник принца у кызылбашей.

был получен во вторник 5 шавваля 950 г. х. Подробности, которые дает Мухаммед хан относительно прибытия «султан ас-салтанат ва'л-хилафат ва'д-даулат Мухаммед Хумайун Падшах», привлекли внимание шаха и осыпалили его (шаха), и данный ферман был издан в тот же день. Мухаммед хан должен обязательно выполнить все поручения, дающиеся в этом фермане.

В фермане указывается, что когда император Хумайун отправится из Нимруза и Сиджистана (Систана) в Герат, Мухаммед хан должен разослать копии этого фермана к хуккамам²¹⁴ этих областей, чтобы они смогли предпринять все возможное по приему императора. Каждый из них должен подарить императору девять самых лучших скакунов, устроить пир в его честь и преподнести пешкеш²¹⁵. Правителям следует обеспечить императора всем необходимым, когда он будет проезжать через их земли. Эмиры обязаны преподнести ему три пары ковров, каждый размером в двенадцать зар'²¹⁶, девять кусков шелкового бархата (махмал-и абришам) и двенадцать подушек. Правители должны служить императору так же, как они служат ему (Тахмасибу).

Когда император доедет до окраины Герата, Мухаммед хан должен послать ему навстречу своего сына Татар бека с двенадцатью верблюдами, нагруженными халвой и другими сладостями. Татар бека должны сопровождать десять высоких военачальников с девятью лошадьми в богатом убранстве²¹⁷. Один из вузара'и карван²¹⁸ и 500 слуг Мухаммед хана также должны поехать вместе с Татар беком. Следовало составлять дневник («рузнаме-чэ») о путешествии падишаха через Хорасан с подробностями о всех событиях и устройствах его приемов во всех местах. Вышеупомянутый визирь (т. е. «везир-карван») должен сопровождать падишаха прямо до столицы и привези с собой «рузнаме-чэ» для передачи шаху. Кроме всего прочего, в фермане даются детальные указания, какое количество и какие яства, сладкие блюда и щербеты следует подать высокому гостю.

Согласно инструкциям шахского фермана, по пути следования императора в Казвин, где последний должен был предстать перед шахом Тахмасибом, ему везде оказывали роскошный прием²¹⁹. В Герате, бывшей столице

²¹⁴ Правители, официальные лица, офицеры (перс.).

²¹⁵ Подарок (перс.).

²¹⁶ Мера длины, приблизительно равная 104 см.

²¹⁷ Ссылаясь на этот документ, О. А. Эфендиев ошибочно пишет, что Хумайуна встречал сам Мухаммед хан Шереф ад-дин, беглярбек Хорасана (см. подробнее: О. А. Эфендиев. Азербайджанское государство Сефевидов. С. 108).

²¹⁸ Предводители каравана.

²¹⁹ Хасан Румлу. Ахсаи ат-таварих. Л. 182а.

Тимуридов Байкара, который Хумайун жаждал увидеть²²⁰, в марте 1544 г. на официальной церемонии Новруза последний возглавлял торжество как падишах соседней страны, и от всех вельмож и официальных лиц, по словам Абуль Фазла, ему были преподнесены всевозможные дары²²¹.

Перед тем как покинуть Герат, Хумайун пишет еще одно письмо шаху Тахмасибу, которое датируется мартом 1544 г.²²² Стиль этого послания, в отличие от предыдущего письма императора, тяжелый и витиеватый. Оно написано в подражание шаху Тахмасибу, по-видимому, для того, чтобы добиться расположения последнего. Несмотря на это, данное письмо является очень важным, так как в нем Хумайун, потворствуя религиозным воззрениям шаха Тахмасиба, не только упоминает и восхваляет шиитских имамов, но и говорит о своем желании посетить усыпальницу одного из них, находящуюся в Мешхеде²²³. Надо отметить, что это не совсем обычный случай, когда монарх-суннит в угоду монарху-шииту открыто говорит о своих симпатиях к шиизму.

Хумайун начинает письмо с заверений в вечной любви к Всевышнему, священному роду Пророка²²⁴ и святым имамам. Говоря о своей приверженности исламу, он пишет, что пока он имел власть, данную ему Провидением, по мере своих сил и возможностей проявлял усилие и усердие по выполнению всех предписаний веры²²⁵ и осуществлению догм шариата главы посланников²²⁶. Далее он жалуется, что ему «не довелось иметь счастье обойти вокруг могил святых Имамов, особенно Мешхеда²²⁷ Резы, султана ангелов и людей, покровителя обездоленных — Абуль Хасана Али ибн Муса ар-Реза — тысячи ему приветствий и восхвалений!.. Всегда, день и ночь, я беспрерывно молился повелителю миров, чтобы он способствовал достижению такого счастья²²⁸. И вот появились плоды этих молений — благоухающий ветерок милосердия донесся до жителей дома скорби и разлуки, ангел-вестник постучался в дверь с благой вестью и сообщил о возможности посещения гробницы Имама Резы»²²⁹.

²²⁰ Акбар-наме. I. С. 214; см. также: Тазкира-и Хумайун ва Акбар. С. 10, 31.

²²¹ Акбар-наме. I. С. 214.

²²² Мунша'ат-и Салатии. С. 27–28. Текст даниого письма полностью совпадает с письмом Хумайуна шаху Тахмасибу из тбилисского списка (см.: Нуха-и джами'а-и мурасалат-и улул-албаб. Л. 986–99а; см. также: Шах Тахмасиб Сефев. С. 51–52).

²²³ Имеется в виду гробница Имама Резы, восьмого из двенадцати шиитских имамов.

²²⁴ Имеется в виду пророк Мухаммед.

²²⁵ Имеется в виду ислам.

²²⁶ Имеется в виду Мухаммед.

²²⁷ Имеется в виду город Мешхед (букв. «место мученической гибели» — перс.), где находится гробница восьмого шиитского Имама Резы.

²²⁸ Имеется в виду разрешение на посещение гробницы имама Резы.

²²⁹ См. прил. № 2 даниой работы.

В нашем «Мунша'ат» имеется послание шаха Тахмасиба, написанное в ответ на вышеупомянутое письмо Хумайуна²³⁰. Но здесь данное и предыдущее письма идут под одним заголовком, и поэтому их можно принять за один документ. Но, благодаря возможности сверить эти письма с имеющимся в нашем распоряжении микрофильмом тбилисского списка коллекции Хайдара Эвоглу²³¹, нам удалось установить заголовок следующего письма, который отсутствует в нашей рукописи. А так как для заголовка второго письма оставлено пустое место, можно сделать вывод, что переписчик данной рукописи забыл написать это заглавие.

По тону ответа шаха Тахмасиба видно, что он весьма польщен тем, что Хумайун склоняется к шиитским догмам, и отвечает последнему вежливым письмом, которое имеет несколько тяжеловесный стиль и изобилует арабскими цитатами. Шах пишет, что «из содержания этого высочайшего письма (Хумайуна) выяснилось, что источником Вашего внимания и великодушия для начала этого дела²³² является только путь любви и покорности к указывающему правителю дорогу роду Пророка, [и] нет сомнения, что в результате этой веры²³³, о правильности которой свидетельствуют слова Всевышнего (цитата из Корана), удастся добиться таких побед, что все люди мира будут воспевать их... И вести о [наших] победах и поражениях врагов в результате [Вашей] помощи и содействия дойдут до небес, и сад любви к роду Пророка расцветет все пышнее»²³⁴. Далее Тахмасиб выражает надежду, что «после [их] полезной встречи будет столько удач и побед, что о них узнают во всех уголках Хиндустана, Туркестана, Ирана и Турана, [и] их будут вспоминать веками. С помощью Его Величества [Хумайуна] [я] сровню с землей завистников и сеятелей раздора в Индии, огненным мечом разгромлю ту группу негодяев²³⁵, превращу тьму неверия того края в свет истинной веры²³⁶, и все люди земли будут наблюдать за победами и успехами нашего освещающего весь мир меча»²³⁷. Как видно из письма, Тахмасиб подает надежду Хумайуну на получение военной помощи в том случае, если последний примет шиизм.

²³⁰ Мунша'ат-и Салатин. С. 28–30.

²³¹ Нусха-и джами'а-и мурасалат-и улул-албаб. Л. 976–98а.

²³² Речь, по-видимому, идет об оказании военной помощи Хумайуну со стороны шаха Тахмасиба, что впоследствии было сделано.

²³³ Имеется в виду шиизм.

²³⁴ См. прил. № 3 даниной работы.

²³⁵ Имеются в виду Шер шах и его сторонники, вынудившие Хумайуна покинуть свои владения в Индии.

²³⁶ Имеется в виду обращение в шиизм.

²³⁷ См. прил. № 3 даинной работы.

Хумайун отправился в Мешхед к гробнице имама Резы и там получил письмо, в котором Тахмасиб просит его приехать в Казвин повидаться с ним²³⁸. По желанию шаха Хумайун отправляет в Султанйе, летнюю резиденцию Тахмасиба, Байрам бека, с которым шах обсуждает подробности предстоящего приема Хумайуна²³⁹.

Недалеко от шахской стоянки Северлик, близ Султанйе, Хумайун был встречен братьями шаха Бахрамом и Самом, визирем Гази Джаханом, курчибаши Севиндик беком и другими высочайшими чинами государства. Когда Хумайун приблизился к шахскому шатру, шах Тахмасиб вышел из шатра и сделал несколько шагов вперед, и присутствующие стали свидетелями «соединения двух светил»²⁴⁰.

Как отмечает Шараф хан Бидлиси, в числе даров Хумайуна, преподнесенных шаху, был «алмаз весом в 4 мискаля и 4 данга, равного которому не созерцало око судьбы на протяжении веков и столетий, и ухо времени не слышало о подобном»²⁴¹.

Хумайун был тепло принят Тахмасибом, и в честь высокого гостя был дан грандиозный пир. Шах посадил императора справа от своего трона и любезно с ним беседовал. Затем шах Тахмасиб предложил ему надеть тадж, имевший шиитское значение, на что Хумайун с готовностью согласился²⁴². То, что Тахмасиб в первую же встречу заговорил о тадже, свидетельствует о том, какое большое значение он придавал обращению Хумайуна в шиизм. Надо отметить, что самым сильным фактором, влияющим на отношение шаха к Хумайуну, являлись религиозные мотивы. Это подтверждается тем, что когда Хумайун более года был фактически пленником шаха, последний ни разу не предпринял попытки сделать его своим политическим вассалом, зато, как показывают события, не жалел усилий для того, чтобы Хумайун стал шиитом. Современные индийские ученые, в частности Ишвари Прасад, упрекают шаха Тахмасиба в религиозном фанатизме, считая, что он, воспользовавшись неудачами своего гостя, навязал ему шиизм, а Хумайун, находившийся в стесненных обстоятельствах, был вынужден принять внешние признаки вероисповедания²⁴³.

²³⁸ *Riazul Islam. Indo-Persian Relations.* P. 29.

²³⁹ Ма'асир-и Рахими. I. С. 590.

²⁴⁰ Ахсан ат-таварих. Л. 1826; см. также: Эфендиев. Азербайджанское государство Сефевидов. С. 109.

²⁴¹ Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме / Пер., предисл., примеч., прил. Е. И. Васильевой. М., 1976. II. С. 196–197.

²⁴² Акбар-наме. I. С. 216–217.

²⁴³ *Ishwari Prasad. The Mughal Empire.* P. 87–88. — Однако Гюльбадан-бегум рассказывает, что его высочество весело проводил время, и шах разными путями демонстрировал свое хорошее отношение к нему и дарил ценные и редкие подарки (см.: Хумайун-наме. С. 174). Абуль Фазл также подробно и пространно описывает хороший прием, оказанный Хумайуну в Персии (см.: Акбар-наме. I. С. 412, 452).

Но сведения, полученные из вышеуказанного письма Хумайуна к шаху Тахмасибу, опровергают подобные мнения и свидетельствуют о том, что Хумайун первый поднял эту тему, говоря в письме о шиитских имамах и своем желании посетить гробницу имама Резы, тем самым дав Тахмасибу повод надеяться, что он (Хумайун) склоняется к переходу в шиизм. Кроме того, известно, что последний, как и Бабур, придерживался либеральных взглядов на религию: при его дворе служило много шиитов²⁴⁴, в частности его ближайшим другом был Байрам бек Бахарлу. Нет сомнения, что Хумайун, как и его отец, принял шиизм по политическим соображениям. Об этом красноречиво говорит тот факт, что, вернувшись из Ирана, он вновь стал исповедовать суннизм, о чем свидетельствуют монеты, отчеканенные им по возвращении в Индию²⁴⁵. Известно, что шах Тахмасиб продолжал поддерживать дипломатические отношения с Хумайуном даже после того, как последний, при помощи Тахмасиба завоевавший Кандахар, по договоренности должен был передать его Сефевидам, но оставил крепость за собой. Согласимся с точкой зрения историка М. Р. Казими, который считает, что обвинения индийских историков в адрес сефевидского шаха в том, что последний заставил Хумайуна принять шиизм под угрозой смерти, не имеют под собой почвы: «Если бы его [Тахмасиба] единственной целью было обратить Хумайуна в шиизм, то почему же тогда он не отозвал свои войска обратно, когда узнал, что тот отказался от навязанного вероисповедания?»²⁴⁶

По свидетельству многих источников, между шахом Тахмасибом и Хумайуном во время пребывания последнего в Иране на какое-то время возникли прохладные отношения²⁴⁷. Одна из причин разногласий, согласно источникам, заключалась в том, что возвращающиеся из Мекки через Иран вельможи враждебно настроенного брата Хумайуна Камрана Мирзы говорили шаху, что Хумайун не достоин быть падишахом, и если шах даст им войско, то они отвоюют Кандахар и передадут его Сефевидам²⁴⁸. Что вышеупомянутые вельможи действительно повинны в ухудшении отношений между Тахмасибом и Хумайуном, свидетельствует то, что после перемирия двух правителей эти люди были арестованы шахом²⁴⁹. Другая причина неприязни шаха к Хумайуну, по словам очевидца Джаухара Афтабчи, состоит в том, что после завоевания Гуджарата Хумайун заявил, что по силе

²⁴⁴ Тазкира-и Хумайун ва Акбар. С. 64–65; см. также: Акбар-наме. I. С. 292.

²⁴⁵ Lane-Poole. Catalogue of the Coins of the Mughal Emperors. P. 9; см. также: История дипломатии. I. С. 227.

²⁴⁶ Kazimi. Humayn in Iran. P. 9.

²⁴⁷ Тазкират уль-ваки'ат. С. 68–69; см. также: Ishwari Prasad. The Mughal Empire. P. 188.

²⁴⁸ Тазкират уль-ваки'ат. С. 68–69.

²⁴⁹ Riazul Islam. Indo-Persian Relations. P. 35.

и престижу он превосходит сефевидского шаха. На Хумайуна донесли Тахмасибу, и когда последний спросил Хумайуна об этом, тот попытался оправдаться, что подразумевал территориальные пропорции Ирана и Индии. Естественно, что Тахмасибу не понравился такой ответ, и он напомнил Хумайуну, что тот низложен из-за самонадеянности и высокомерия²⁵⁰. Кроме того, шаху Тахмасибу не раз напоминали о поражении сефевидской армии и гибели Наджда Сани при Гудждуване по вине отца Хумайуна Бабура и предупреждали, что Хумайун поступит точно так же²⁵¹.

Чрезвычайно интересным является письмо, проливающее свет на некоторые аспекты отношений Сефевидов и Моголов, написанное шахом Тахмасибом турецкому султану Сулейману Кануни²⁵² о религии. Хотя письмо не было отправлено адресату, о чем говорит его заголовок в одном из списков²⁵³, оно является подлинным, что доказывается его частым появлением в различных сборниках официальных писем²⁵⁴. По всей вероятности, это черновик, который был составлен в шахской канцелярии. Но, несмотря на это, оно представляет большую историческую ценность, так как прекрасно иллюстрирует отношение шаха Тахмасиба к Хумайуну во время пребывания последнего в Иране. Написано оно в напыщенном стиле, тон письма — чрезвычайно надменный. Предлагаем отрывок из письма, касающийся Хумайуна и представляющий, на наш взгляд, большой интерес: «Правители Мавераннахра, которые раньше шли по пути вражды и упрямства, в настоящее время полностью подчиняются нам. И Хумайун — великий падишах и умный правитель Индии, который обладал несметными богатствами и огромными владениями, был справедливым государем и никогда не обижал своих подданных. У него было огромное войско. Только количество его всадников достигало 500 тысяч, и говорят, что помимо этого, он имел в своем распоряжении 12 тысяч боевых слонов. Но в конце концов он попал под влияние проклятого Сатаны: у него появились дурные мысли о своем величии, законы шариата были преданы забвению в его владениях, повсюду укоренились разврат и безнравственность. И дело дошло до того, что он однажды собрал свой совет, в состав которого входили высокопоставленные чиновники и столпы государства, а также брахма-

²⁵⁰ *Riazul Islam*. Indo-Persian Relations. P. 35.

²⁵¹ Мунтахаб ат-таварих. I. С. 444.

²⁵² Османский султан, правил с 1520 по 1566 г. (см.: *Босворт*. Мусульманские династии. С. 185).

²⁵³ *Riazul Islam*. Calendar of Documents. P. 11. Заголовок письма под № OR.3482, 71в, использованного Р. Исламом, гласит: «Ответ, написанный шахом Тахмасибом на наглое письмо султана Сулеймана о религии, но так как султан искал мира, письмо не было отправлено».

²⁵⁴ См. подробнее: Там же; Муиша'ат-и Салатин. С. 60–80; Шах Тахмасиб Сефевид. С. 203–237.

ны и астрологи, и сказал: “Мне приснилось, что Солнце, Луна и некоторые звезды сошли с небес и стоят перед моим престолом”. И потребовал растолковать этот сон. Брахманы тотчас же ответили: “Расположение небесных тел подтверждает правильность Вашего сна, который предвещает Вам грядущее возвышение и успех, а именно то, что правители Рума, Ирана, Турана и всех других стран мира в скором времени полностью попадут под Ваше подчинение и будут стоять перед Вашим престолом в ожидании приказов. И этим будет положен конец их правлениям”. А один чагатайский эмир пошел еще дальше и начал сразу же распределять места для правителей завоеванных стран и указывать, кому где лучше стоять. И Хумайун с большим удовольствием слушал всю эту бессмыслицу.

Но скоро произошло обратное. Несмотря на все огромные богатства и войско, он потерпел поражение от рук правителя Афганистана Шер шаха, который к тому же был его вассалом. Таким образом, ему пришлось испытать Божье наказание. Он отправился в сторону Кандахара, но там его встретил постоянно враждующий с ним брат Камран, который окружил его большим войском. Но он [Хумайун] сумел прорвать осаду и с небольшой группой своей свиты прибыл в Хорасан, где нашел убежище у нашего наместника. Тогда он понял, что пустословие и хвастовство не нравятся Богу и за это приходится нести суровую кару... Хумайун, который в десять и даже в сто раз был сильнее и богаче, выразил покорность нам и нашел спасение... Но мы встретили его достойно, окружили заботой, выделили необходимую помощь, предоставив ему 20 тысяч отборных всадников, и в полном величии отправили в сторону Газни и Индии. И он с помощью наших славных воинов победил своего брата Камрана и выколол ему глаза и затем завоевал Кандахар, Газни, Кабул, Мултан и Афган и отправился в свою сторону. Так бывает, когда один знатный правитель пользуется поддержкой какого-либо могущественного султана...»

Несмотря на то, что между шахом Тахмасибом и Хумайуном во время пребывания последнего в Иране некоторое время отношения были испорчены, тем не менее, когда афганский правитель Шер шах, повсюду разыскивающий бывшего императора, послал человека ко двору Тахмасиба Сефеви с просьбой схватить Хумайуна и отправить его в столицу Индии, что послужило бы укреплению отношений между Индией и Сефевидами», шах Тахмасиб счел это большой дерзостью правителя Индии и приказал отрезать нос и уши индийскому послу. В ответ на это Шер шах приказал изуевчить и изгнать из страны «восемнадцать отрядов кызылбашских дворян, связанных с Хумайуном [или его семьей], живущих в разных частях города или страны»²⁵⁵.

²⁵⁵ Riazul Islam. Indo-Persian Relations. P. 202.

После этого Шер шах намеревался отправить свое посольство в Турцию. Согласно Бадауни, Шер шах говорил: «Если мы пошлем посольство в Турцию и убедим османского правителя начать военные действия против этих безбожников — кызылбашей, то в игру будет введена артиллерия турецких войск, способная сравнять с землей страну кызылбашей. Пусть тогда турецкая армия нападет с севера и запада, а наша — с юга...»²⁵⁶

Ни в одном из источников не нашлось подтверждения тому, что это посольство было отправлено. Однако вполне вероятно, что пока Хумайун находился в Иране, Шер шах обдумывал идею создания антисефевидского союза с Османской империей. Но, по-видимому, смерть Шер шаха в мае 1545 г. помешала претворить в жизнь задуманный им план.

В 1544 г. шах Тахмасиб с большими подарками отпустил Хумайуна и дал ему 12-тысячное войско во главе со своим сыном Султан Мурадом Мирзой, Будаг ханом Каджаром и Шахверди беком Устаджлу²⁵⁷. По договору, заключенному между Тахмасибом и Хумайуном, последний должен был захватить Кандахар, находившийся в руках его братьев Камрана и Аскари, и передать его Сефевидам²⁵⁸. После 6-месячной осады Хумайун с помощью кызылбашских войск взял Кандахар, дающий ежегодно 40 тысяч туманов дохода, и передал его людям шаха Тахмасиба²⁵⁹. В 1545 г. Хумайун захватил Кабул и вскоре, воспользовавшись первым удобным случаем, опять вступил в Кандахар²⁶⁰, мотивируя свое пребывание там отсутствием зимнего пристанища и тем, что кызылбаши отказались предоставить ему это пристанище²⁶¹. На самом же деле Хумайун хорошо понимал, как важно владеть Кандахаром, контролирующим главный путь между Индией и странами Западной Азии. Шаху пришлось уступить потому, что в тот момент он должен был защищать свои владения от турок и узбеков. Хумайун пожаловал Кандахар своему другу Байрам хану, который, в свою очередь, передал управление Кандахаром шаху Мухаммеду Кондахари от своего имени²⁶². И шаху Тахмасибу не оставалось ничего другого, как ратифицировать этот договор²⁶³.

²⁵⁶ Badaoni. Muntakhabu-t-Tavarikh. Vol. I / Transl. by G. Ramking. Calcutta, 1898. P. 478–481.

²⁵⁷ Хасан Румлу. Ахсан ат-таварих. Л. 1826. — Однако автор этого труда указывает, что численность войска, данного шахом Тахмасибом Хумайуну, составляла 6 тыс. человек (см. также: Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 98; Эфендиев. Азербайджанское государство Сефевидов. С. 109).

²⁵⁸ Roy Choudhury. The State and Religion. P. 90.

²⁵⁹ Шараф-наме. II. С. 196–197.

²⁶⁰ История дипломатии. I. С. 227.

²⁶¹ Roy Choudhury. The State and Religion. P. 91.

²⁶² Srivastava. Policies of the Great Mughals. P. 119.

²⁶³ Roy Choudhury. The State and Religion. P. 91.

В дальнейшем взаимоотношения Хумайуна и шаха Тахмасиба, несмотря на захват Кандахара, складывались дружеские и сердечные. После того как Хумайун захватил Кабул и установил там свою власть, двое монархов обменялись несколькими посольствами. Первое посольство во главе с Валад беком Текелю прибыло от шаха в 1546 г. Валад бек со своими курчиями принимал участие в военной экспедиции Хумайуна в Бадахшане на его стороне. Посольство было отпущено в том же году и по дороге в Персию прибыло в Кабул, который снова был захвачен Камран мирзой. Брат Валад бека предлагал ему в доказательство своей верности убить Камрана. Но, будучи искусным дипломатом, Валад бек понял, что это не в их интересах — он вез с собой письмо Хумайуна к шаху Тахмасибу и приглашения к Хаджи Абд ас-Самаду, известному персидскому художнику, и другим на службу к могольскому двору²⁶⁴.

В 1548 г. Хумайун послал Хаджи Джалаладдина Махмуда послом в Персию, но тот по некоторым причинам остановился в Кандахаре и в следующем году был отозван в Кабул²⁶⁵. В 1549–1550 гг. Хумайун послал своего министра финансов кази шейха Али к шаху с письмом с подробным описанием мятежа Камрана мирзы²⁶⁶. Шах Тахмасиб послал сердечный ответ на это письмо с Камаладдином Улут беком Арабгирлу, советуя Хумайуну не проявлять милосердия к Камрану мирзе и предлагая, если потребуется, военную помощь²⁶⁷.

В 1551 г. Хумайун отправил из Кабула в качестве посла к шаху Тахмасибу Хаджи Гази, который вернулся обратно в 1554 г. Во время его пребывания в Иране Тахмасиб отправил краткое собственноручно написанное письмо к Хумайуну, в котором говорилось о подавлении в 1549 г. восстания Алкаса мирзы²⁶⁸ и его связи с возобновившимся мятежом Камрана и поражении последнего²⁶⁹.

Последнее зарегистрированное посольство от шаха Тахмасиба прибыло в Кабул в 1553 г. Во главе его приехал Улуг бек, привезший всевозможные подарки для Хумайуна. Прибытие миссии относится ко времени, когда Хумайун готовился к завоеванию Индии²⁷⁰. С 1553 по 1556 г. шах Тахмасиб был занят делами на западных границах своего государства

²⁶⁴ Тазкира-и Хумайун ва Акбар. С. 64–65; см. также: Акбар-наме. I. С. 249, 252, 259.

²⁶⁵ Акбар-наме. I. С. 284, 292.

²⁶⁶ Текст письма см.: *Sukumar Ray. Humayun in Persia*. P. 79–83.

²⁶⁷ *Ibid.* P. 78–86.

²⁶⁸ Брат шаха Тахмасиба, правитель Ширвана, восставший против Тахмасиба, помилованный им. Затем он вновь поднял мятеж и, спасаясь от гнева шаха, ишел убежище у османского султана (см.: подробнее: *Savory R. Iran under the Safavids*. Cambridge, 1980. P. 62).

²⁶⁹ *Erskine. History of India*. Vol. II. P. 343–344; 357, 397, 405–406.

²⁷⁰ Тазкира-и Хумайун ва Акбар. С. 173–175; см. также: Акбар-наме. I. С. 335.

с Османской империей и пытался заключить договор с султаном Сулейманом Кануни²⁷¹, а в это время Хумайун вел боевые действия с целью восстановления и объединения своих бывших владений. Именно этим, по-видимому, объясняется отсутствие дипломатических обменов между двумя монархами.

В 1554 г. Хумайун вторгся в Индию, в следующем году — захватил Лахор, Пенджаб, Дели и Агру. Он также нанес поражение Мухаммед Суру в Чхарагхате, недалеко от Калпи. В январе 1556 г. Хумайун умер в Дели²⁷².

Трон Могольского государства наследовал 14-летний сын Хумайуна Акбар, царствование которого знаменуется появлением новых аспектов в индо-иранских отношениях. При нем политические связи, представлявшие собой отношения «старший — младший», вошли в новую фазу. Терпимость Акбара в вопросах веры и одинаковое отношение к суннитам и шиитам смягчило религиозную враждебность сефевидских правителей, ревностных сторонников шиизма, и в то же время подняло престиж династии Моголов далеко за пределами Могольского государства. Возможности богатой империи позволяли Акбару оказывать щедрое покровительство искусству и литературе, а его роскошная столица Фатхпур Сикри привлекала талантливых людей не только из разных уголков Хиндустана, но и из-за границы, особенно из Ирана и Средней Азии²⁷³.

Между сефевидским и могольским дворами установились почти регулярные дипломатические обмены. В самом начале царствования Акбара его «хан ханан» Байрам хан отправил Шах Гази султана послом к шаху Тахмасибу. Он считал необходимым установить дружественные отношения между могольской и сефевидской династиями, тем более, что у Акбара в это время были трудности в Индии²⁷⁴ и ему требовалась хотя бы моральная поддержка шаха Тахмасиба. Последний встретил посла с почестями и присвоил ему звания «эмир» и «султан»²⁷⁵.

²⁷¹ Лишь в 1555 г. между этими государствами был заключен так называемый Амассийский мирный договор, завершивший первую полосу османо-сефевидских войн (см. подробнее: *Пигулевская и др.* История Ирана. С. 259).

²⁷² *Синха, Банерджи.* История Индии. С. 200.

²⁷³ *Sukumar Ray.* Indo-Persian Contacts during the Age of Akbar. P. 18.

²⁷⁴ Хотя 14 февраля 1556 г. в Пенджабе и состоялась церемония возведения Акбара на престол, но это означало лишь притязания на верховную власть, так как для того, чтобы добиться действительной власти, Акбар должен был сначала справиться с Хему, который служил Адиль-шаху Суру и с большой армией двинулся в сторону Дели. 5 ноября 1556 г. состоялась вторая Панипатская битва, имеющая решающее значение. Хему был убит, и спор между афганцами и Моголами за владычество в Дели был окончательно решен в пользу последних (см. подробнее: *Синха, Банерджи.* История Индии. С. 221–222).

²⁷⁵ *Sukumar Ray.* Indo-Persian Contacts During the Age of Akbar. P. 18.

В начале правления Акбара вновь всплывает вопрос о Кандахаре, который в свое время Хумайун при поддержке кызылбашских сил должен был отвоевать у Камрана мирзы и передать Персии²⁷⁶.

Владение Кандахаром, важным стратегическим пунктом, было крайне необходимым как для могольской, так и для сефевидской стороны. Это была самая неприступная крепость на Востоке и, как пишет Рийазул Ислам, «местонахождение Кандахара было существенным для безопасности как Кабула, так и Хорасана, и не случайно, что он был яблоком раздора между Моголами и Сефевидами. И в самом деле, он оказался именно тем камнем, о который, в конечном счете, были разбиты их традиционно дружественные отношения»²⁷⁷. По мнению индийских ученых, без Кандахара, который являлся первой линией обороны Индии, Могольская империя не могла быть в полной безопасности. Помимо этого, крепость являлась крупным торговым центром на пересечении караванных путей, по которым путешествовали купцы из разных частей Азии²⁷⁸.

В 1558 г., по свидетельству «Ахсан ат-таварих», шах Тахмасиб, по-видимому, уловив удобный момент, послал в Кандахар большие силы, которые после короткой осады захватили крепость²⁷⁹.

И естественно, что прямым результатом захвата Тахмасибом Кандахара было некоторое охлаждение дружеских отношений Моголов и Сефевидов. В 1562 г. шах Тахмасиб послал посольство к Акбару, с которым отправил письмо с выражением соболезнований по поводу смерти его отца и поздравлением в связи с его вступлением на трон²⁸⁰.

О большом значении, которое Тахмасиб придавал поддержанию дружественных связей с Моголами, говорит то, что главой посольства шах назначил своего двоюродного брата Сейид бека Сефеви, сына Масум бека Сефеви. Родство с шахской фамилией и высокий статус посла были особо подчеркнуты шахом Тахмасибом в письме, которое было написано в теплом и сердечном тоне.

Как было принято, шахское письмо начиналось с длинного перечисления титулов и похвал. В письме Тахмасиб напоминает о своей давней дружбе с Хумайуном и говорит, что давно собирался послать посольство по случаю смерти Хумайуна и поздравления Акбару с наследованием престола, но то одно, то другое событие препятствовало этому. Тахмасиб также упоминает о после Байрам хана шахе Гази султане, который выразил

²⁷⁶ Акбар-наме. II. С. 53, 79; см. также: Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 70.

²⁷⁷ *Riazul Islam. Indo-Persian Relations.* P. 14.

²⁷⁸ *Srivastava A. L. The Mughal Empire (1526–1803 A. D.).* Agra, 1957. P. 511; см. также: *Srivastava. Policies of the Great Mughals.* P. 114.

²⁷⁹ *Ахсан Румлу. Ахсан ат-таварих.* Л. 232а, 232б.

²⁸⁰ Текст письма см.: Акбар-наме. II. С. 263–267.

искреннюю покорность и добрую волю императора. Далее в письме говорится, что Гази султан отпущен с почетом, а на его место посылается Сейид бек Сефеви, чтобы выразить соболезнование и поздравления сефевидской стороны. В письмах шах Тахмасиб просит о добром обхождении с послом и быстром его возвращении из Индии, а также возобновлении дипломатических отношений²⁸¹.

Вероятно, из-за недавнего захвата Кандахара кызылбашами Акбар не послал ответное посольство и письмо Тахмасибу. В 1564 г. шах Тахмасиб вновь посылает посла с письмом и диковинными подарками из Ирана. В этом письме Тахмасиб, напоминая о своей дружбе с Хумайуном, рекомендует султана Махмуда Бхаккара²⁸² на пост «хан ханана» Акбара. В ответ шаху Акбар написал, отмечая, что он уже даровал этот титул Муним хану, а в Могольской империи лишь один человек может носить это звание, и султан Махмуд и в дальнейшем будет пользоваться расположением императора. Сефевидские послы в этом же году были отправлены в Персию²⁸³.

О дальнейших дипломатических обменах между шахом Тахмасибом и Акбаром нигде не упоминается. Ослаблению дипломатических связей между Сефевидами и Моголами могло послужить то, что шах Тахмасиб в конце своего царствования стал активно поддерживать дипломатические отношения с правителями Деккана и обмениваться с ними частыми посольствами²⁸⁴. Моголы никогда не признавали независимость этих правителей, ревниво воспринимали любые контакты Сефевидов с ними и решительно протестовали против включения в «хутбу» имени правящего сефевидского шаха. Но эти разногласия в целом не повлияли на отношения Сефевидского и Могольского государств.

По свидетельству Абуль Фазла, в 1572 г. принц султан Мухаммед Худабенде, старший сын Тахмасиба и правитель Хорасана, отправил своего посла Яр Али бека Туркмена к Акбару, когда последний двигался из Си-

²⁸¹ Акбар-наме. II. С. 170–173; см. также: Мунтахабат-таварих. II. С. 52; Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 290.

²⁸² Султан Махмуд Бхаккара (1493–1574) добился власти в Бхаккаре в 1555 г. и до конца жизни вел активную политическую жизнь в Синде.

²⁸³ Акбар-наме. II. С. 237.

²⁸⁴ Как известно, к концу XV в. в Деккане образовалось 5 независимых мусульманских султанатов: Хандеш, Ахмеднагар, Биджапур, Бидар, Голконда. В Ахмеднагаре, Биджапуре и Голконде исповедовали шнизм. И именно этот фактор был главной причиной хороших отношений и тесных связей с Сефевидами. В рукописи «Муиша'ат-и Салатин» имеются два важных письма, редко встречающихся в списках других библиотек и фондов, касающихся взаимоотношений шаха Тахмасиба с декканскими султанами. Ввиду их исключительной ценности мы включили в Приложения переводы этих писем (см. прил. № 4, 5 данной работы).

рохи в Пата²⁸⁵. По всей вероятности, цель этого посольства состояла в том, чтобы добиться дружеского расположения императора с намерением заручиться поддержкой при спорном наследовании престола.

Несмотря на то, что в отношениях Моголов к Сефевидам наступило некоторое охлаждение, с одной стороны, из-за взятия Кандахара шахом Тахмасибом и, с другой стороны, из-за поддержки Тахмасибом декканских правителей. В дальнейшем, при наследниках Тахмасиба, контакты между этими двумя державами успешно развивались.

После смерти шаха Тахмасиба в 1576 г. трон Сефевидской державы наследовал его второй сын Исмаил II (1576–1577). Во время его короткого правления упоминаний о каких-либо дипломатических обменах с могольским двором нигде не встречается. Но известно, что он вел переписку с братом Акбара Мухаммедом Хаким мирзой, так как во многих списках, в том числе и нашем²⁸⁶, появляется текст одного из писем, написанных шахом Исмаилом II к наместнику Кабула Мухаммеду Хакиму. Из содержания письма явствует, что оно написано Исмаилом II в ответ на письмо Мухаммеда Хакима, в котором тот просит разрешения пройти через территорию Ирана в Мекку для совершения паломничества. Исмаил обращается к правителю Кабула как самостоятельному монарху, называя его «падишах-и маснад нешин», т. е. «законным падишахом»²⁸⁷. Это можно объяснить тем, что противники религиозной реформы Акбара²⁸⁸ поддерживали его брата Мухаммеда Хакима в качестве претендента на индийский престол²⁸⁹. А так как известно, что шах Исмаил II сам тяготел к суннизму²⁹⁰, то он, естественно, также был склонен видеть Мухаммеда Хакима мирзу на престоле Индии.

²⁸⁵ Акбар-наме. II. С. 262–267, 358; III. С. 5; см. также: Табакат-и Акбарн. II. С. 262–263, 373; Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 290.

²⁸⁶ Мунша'ат-и Салатин. С. 170–172; см. также: Нусха-и джамн'а-и Мурасалат-и улул ал-баб. Л. 1326–134а; Шах Тахмасиб Сафави. С. 503–505.

²⁸⁷ Мирза Хаким зачитал в Кабуле хутбу, в которую было включено его собственное имя, что явилось вызовом Акбару. Восстание Мирзы и его сподвижников на северо-западе явилось свидетельством непопулярных мер, принятых Акбаром в отношении непримиримых суннитов и шиитских «улама», недовольных джагирдаров (см.: *Roy Choudhury. The State and Religion. P. 100*).

²⁸⁸ Во время правления Акбара полностью изменился политико-религиозный облик государства Моголов — были реорганизованы службы «кади» и «садр». Акбар также допущал к своему двору духовных наставников — брахманов, индийских феодалов — раджпутов (см.: Антонова. Очерки общественных отношений. С. 245).

²⁸⁹ Там же. С. 14.

²⁹⁰ Почти сразу после коронации Исмаила II его стали подозревать в приверженности к суннизму, о чем свидетельствует «Тарих-и Алам арай-и Аббаси» (с. 214). Исмаил, в частности, запретил обычай публичного проклятия (табарра'и) Абубекра, Омара и Османа на площадях города, что вызвало недовольство шиитского духовенства. Суннитские симпатии шаха Исмаила II ярко проявились в чеканенных в его правление монетах: он убрал традиционную шиитскую формулу, которая стояла на одной из сторон монеты (см.: Эфендиев. Азербайджанское государство Сефевидов. С. 139–142).

Из письма становится ясно, что шах Исмаил II послал это письмо с Феридун Мухаммед ханом, возвращавшимся после совершения паломничества домой, в Кабул. Оно написано в сердечном тоне с изъявлениями дружбы и преданности: «Наше сердце, наполненное чувствами давней дружбы и любезности, постоянно желает усиления могущества [Мухаммед Хакима] и возвращения [его] положения»²⁹¹.

Далее шах Исмаил II отмечает, что он установил в Иране мир и безопасность, а также обеспечил охрану и целостность паломников, проходящих через Иран в Мекку. Вопрос о свободе передвижения паломников был очень важным для суннитских соседей Сефевидов и часто поднимался в их дипломатической корреспонденции. Шах Исмаил II также напоминает о старинных узах дружбы, связывающих обе эти династии: «Когда могучий падишах Захираддин Мухаммед Бабур, твой высокопоставленный дед, обратился за помощью к моему благородному деду шаху Исмаилу [I] — да поместит Аллах его душу в райских садах! — который в своем величии не уступал Феридуну, Джамшиду, Искендеру и Сулейману»²⁹², он проявил огромное великодушие, и в результате оказанной им помощи и поддержки его победоносной армии тот господин [Бабур] осуществил свои намерения и добился своей цели. И после этого твой почтенный отец Муизз ад-дин Хумайун-падишах также обратился к высокому двору моего покойного отца [шаха Тахмасиба I] — да освятит Аллах его могилу! — и, пользуясь его поддержкой и помощью, победил своих врагов и вернул обратно хранимые Богом владения...»

Как видно из письма Исмаила II, Мухаммед Хаким мирза собирался совершить паломничество в Мекку и по пути посетить Иран. «Если будет угодно Аллаху, — писал шах Исмаил II, — то в скором времени [Мухаммед Хаким] своим посещением окажет честь этой [нашей] стране, что будет способствовать усилению взаимной доброжелательности и укреплению дружбы...» Затем он выражает надежду, что Хаким мирза в будущем пошлет своего посла в Иран, чтобы открыть дипломатические отношения.

Шаху Исмаилу II на престоле Сефевидского государства наследовал его слепой брат шах Мухаммед Худабенде в 985/1577 г. Его правление было беспокойным, знать стала более могущественной, правители провинций действовали самостоятельно, усиливалась вражда между вождями кызылбапских племен и, как следствие, шахская власть была фактически парализована²⁹³. Османы, воспользовавшись трудным положением

²⁹¹ См. прил. № 6 данной работы.

²⁹² Героические персонажи поэмы Фирдоуси «Шах-наме».

²⁹³ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 273; см. также: *Фалсафи*. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. I. С. 53.

в стране, неоднократно вторгались в Иран²⁹⁴. Известно, что шах Мухаммед Худабенде послал посольство в Индию во главе с султаном Кули Чандан Оглы с просьбой о военной помощи. Акбар намеревался послать одного из своих сыновей в Персию с целью наказать кызылбашских вождей за их непокорность и даже думал сам приехать в Хорасан на помощь шаху против турок, но в дальнейшем этим планам не дано было осуществиться²⁹⁵.

²⁹⁴ *Фалсафи*. Зеидегани-и Шах Аббас-и Аввал. С. 47.

²⁹⁵ Акбар-наме. III. С. 497–501; см. также: *Фалсафи*. Зеидегани-и Шах Аббас-и Аввал. I. С. 216–217.

Глава IV

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СЕФЕВИДСКИМ ГОСУДАРСТВОМ И ИМПЕРИЕЙ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В. (по материалам «Мунша'ат-и Салатин»)

§ 1. ОТНОШЕНИЯ СЕФЕВИДОВ И ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ШАХА АББАСА I И АКБАРА

Ко времени восшествия на престол Сефевидского государства шаха Аббаса I в 1587 г.²⁹⁶ как внутренняя, так и внешнеполитическая обстановка в стране была исключительно тяжелой: некогда великое государство превратилось в конгломерат мелких владений, правители которых провозглашали себя независимыми шахами и принцами.

Страну раздирали не только внутренние распри, на нее совершали нападения и враги извне. Персия, традиционно исповедовавшая шиизм, была окружена суннитскими государствами, которые в любой момент могли использовать в качестве предлога для агрессии различие в вероисповедании. На северо-востоке узбеки овладели всем Хорасаном, с городами Мервом, Гератом, Мешхедом и Нишапуром (1587–1588)²⁹⁷. По Стам-

²⁹⁶ Шах Аббас I (1587–1629) вошел в историю как шах Аббас Великий, так как его правление знаменует вершину политического могущества Сефевидов, равно как и сефевидской культуры и цивилизации (см.: *Босворт. Мусульманские династии*. С. 226–228).

²⁹⁷ *Лигулевская и др. История Ирана*. С. 271.

бульскому мирному договору 1590 г. вся территория Азербайджана (кроме Ардебилля и Талыша), Курдистан, Восточная Грузия, Восточная Армения и часть Луристана вошли в состав Османской империи²⁹⁸.

В таких сложных условиях шаху Аббасу I хватило мудрости понять необходимость сохранения и укрепления дружественных отношений с Джелал ад-дином Акбаром, правителем суннитского государства, с которым у Сефевидов сложились традиционно дружеские отношения.

Нельзя не сказать несколько слов об узбеках, которые к этому времени представляли собой большую силу, не считаться с которой не могли ни шах Аббас I, ни Акбар, и поэтому мы считаем необходимым рассматривать отношения Сефевидов и Моголов в контексте связей моголов с узбеками. В 1583 г. Абдулла хан II²⁹⁹, провозглашенный ханом Мавераннахра, находился в зените славы. Он завоевал большую часть Хорасана, Хорезм, Балх, Ташкент, Андижан и всю провинцию Бадахшан. В переговорах с Акбаром Абдулла хан все время предлагал военный союз против Сефевидов с целью вторгнуться в Иран и разделить его. План Абдуллы хана облегчался и тем, что после смерти шаха Тахмасиба Сефевидское государство находилось в состоянии анархии, длившейся около 20 лет. Однако для Акбара подъем Абдуллы хана означал крушение его планов, связанных с возвратом наследственных земель в Мавераннахре. Тем не менее между ними неоднократно состоялись обмены дипломатическими посольствами³⁰⁰. Каждый раз Абдулла хан обращался к Акбару как один суннитский монарх к другому, предлагая совершить совместный поход на Иран. При этом он ссылался на религиозные разногласия с Сефевидами, говорил о трудностях, которые встают перед паломниками и торговцами, следующими через земли Персии в Мекку, и настаивал на священной войне с шиитами-еретиками. Но Акбар, понимая, что дальнейший подъем Абдуллы хана нарушит равновесие сил в ущерб империи, всякий раз старался сдерживать узбеков. Он отказывался от вторжения в Иран, ссылаясь на наследственную дружбу Моголов и Сефевидов.

В 1591 г. Абдулла хан направил посольство в Индию с предложением, по которому Хиндикуш признавался бы границей между двумя государствами. Он очень опасался заключения союза между Акбаром и шахом Аббасом I, который в это время на самом деле пытался добиться у Акбара

²⁹⁸ См. подробнее: *Фарзалиев А. М.* Укрепление османов на территории Сефевидского Азербайджана (1579–1583) // В сокровищнице рукописей. Т. VIII. Баку, 1987. С. 119–124.

²⁹⁹ Абдулла хан Шейбанид, правил с 1583 по 1598 г. (см.: *Босворт.* Мусульманские династии. С. 207).

³⁰⁰ В 1572 г. в Индию прибыло первое узбекское посольство, следующие — в 1577, 1586 и 1591 гг., а в 1597 г. было послано могольское посольство ко двору (см.: *Антонова.* Очерки общественных отношений. С. 235–237).

помощи против узбеков³⁰¹. В результате этого пакта Бадахшан и Хорасан переходили к узбекам, а Кабул и Кандахар — к Акбару. Договор предусматривал обязательства невмешательства каждого в сферу влияния другого, что не всегда выполнялось обеими сторонами. Абдулла хан и его сын Абдул Мумин не отказались от своих интересов в Кандахаре, хотя избегали конфликтов вокруг него³⁰².

Желание поддерживать дипломатические отношения с Акбаром имело у шаха Аббаса еще во времена, когда последний был принцем. Аббас мирза, еще будучи правителем Хорасана, как указывает иранский историк Н. Фалсафи, попав в затруднительное положение, пытался получить поддержку у императора Индии. И, как показывают дальнейшие события, Аббас, всякий раз сталкиваясь с трудностями в борьбе с узбеками, обращал свои взор к Индии в надежде получить военную помощь от Акбара, по-видимому, из-за наследственной вражды Моголов с узбеками. В 1583 г. он отправил своего посла Муршида Тебризи ко двору Акбара³⁰³. Но, по свидетельству Искендер бека Мунши, Акбар не оказал должного внимания посольству от принца, по всей вероятности, потому что был сердит на Сефевидов из-за захвата шахом Тахмасибом Кандахара³⁰⁴.

Придя к власти, шах Аббас первым сделал шаг для восстановления дипломатических отношений с Могольской империей, послав в 1591 г. свое первое посольство во главе с Ядгар султаном Румлу. Как указывают нарративные источники, целью посольства было добиться военной помощи у Акбара в борьбе против узбеков, так как шах находился в затруднительном положении из-за давления узбеков в Хорасане³⁰⁵.

Посол вез с собой письмо, текст которого имеется в нашем «Мунша'ат». Но в нем отсутствуют заголовок и начало. Нет сомнения в том, что это были слова, восхваляющие Аллаха. Заголовок был установлен нами по концовке письма, где отчетливо говорится: «Ядгар султан Румлу... отправляется к Вам, чтобы передать Его Величеству наше письмо, свидетельствующее о (нашей) любви и преданности, и довести до его сведения наши искренние намерения...»³⁰⁶ Достоверность письма доказывается при сравнении его с текстом, который дается в сочинении Н. Фалсафи.

³⁰¹ Акбар-наме. III. С. 705.

³⁰² Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 381; см. также: Мунтахаб ат-таварих. II. С. 402.

³⁰³ Фалсафи. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. I. С. 77.

³⁰⁴ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 290–291.

³⁰⁵ Там же. С. 291; см. также: Akbar nama / Transl. by A. Beveridge. P. 893; *Bellan. Shah Abbas I, sa vie, son histoire*. P. 36. Однако Л. Л. Беллан ошибочно указывает, что посольство от шаха Аббаса I во главе с Ядгар Али Султаном Румлу было отправлено в марте 1590 г.

³⁰⁶ Муиша'ат-и Салатин. С. 19–27. См. также: Фалсафи. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. I. С. 218–221. Благодаря тексту данного письма, опубликованного Н. Фалсафи в

Послание является довольно длинным, выдержанным в традиционном восточном стиле. Оно начинается с изысканного и витиевато-цветистого вступления, которое изобилует стихами, восхваляющими Аллаха и его Пророка. Затем идет длинное восхваление в адрес Акбара, «правителя, не имеющего себе равных»³⁰⁷. Далее довольно пространно говорится о тесном и длительном согласии между двумя династиями: «После всех этих приветствий и искренних пожеланий, которые необходимы для проявления благожелательности и преданности, доводится до Вашего сведения, что всем известна причина дружбы и единства, которые имели место в отношениях моего покойного деда — покровителя ислама и обитателя рая — и твоего почтенного и могущественного отца³⁰⁸ — да освятит Аллах их могилы и поместит их души в райских садах! И когда Его Величество [Хумайун] пожаловал к нам, два счастливых правителя заключили прочный союз и договорились, что дружба и единство между сторонами должны сохраняться и впредь. Это со всей ясностью было подтверждено во время восшествия на престол того счастливого правителя³⁰⁹. И пока эти славные повелители находились на престоле правления, так безупречно соблюдали эти договоренности, что лучше трудно себе вообразить. Они постоянно предпринимали шаги в сторону укрепления дружественных отношений, поддерживали непрерывную связь посредством писем и посланий, чему завидовали многие знаменитые правители того времени...»³¹⁰

В письме упоминается о стремлении покойного шаха Тахмасиба к поддержанию сердечных отношений с Акбаром, о его поздравительном посольстве в Индию в связи с восшествием последнего на престол. Далее шах Аббас мягко упрекает Акбара в том, что тот не направил посольство с соболезнованиями по поводу смерти шаха Тахмасиба и султана Хамза мирзы, брата шаха Аббаса³¹¹.

В конце своего послания шах Аббас пишет: «И поскольку мы всегда и при любых условиях готовы соблюдать правила искренних дружеских отношений, и если Его Величество [Акбар] предложит и посоветует что-нибудь важное в решении трудных вопросов государственного управления,

работе «Жизнь шаха Аббаса I», нам удалось полностью восстановить его. Примечательно, что этот документ дается у Фалсафи не полностью, но отсутствующая у нас часть имеется в его книге.

³⁰⁷ См. прил. № 7 данной работы.

³⁰⁸ Имеется в виду шах Тахмасиб I и Хумайун-падишах.

³⁰⁹ Имеется в виду вторичное восшествие на престол Хумайуна, и, по-видимому, намечается на военную помощь, которая была оказана ему шахом Тахмасибом.

³¹⁰ См. прил. № 7 данной работы.

³¹¹ Султан Хамза-мирза — наследный принц и старший брат шаха Аббаса I, был убит в 1586 г. близ Гянджи.

мы с благодарностью будем делать все возможное, чтобы осуществить это, и ожидаем, что такой же путь будет избран им, и до дня Страшного суда ничто не сможет нарушить нашу дружбу, наоборот, она будет развиваться и расширяться...»³¹²

Это письмо было послано с первым посольством шаха Аббаса и имело очень большое значение еще и потому, что он намеревался начать военную кампанию против узбеков в Хорасане, особо нуждаясь в расположении и военной поддержке Акбара. Шах Аббас, намекая на свое трудное положение, по-видимому, ждет совета и помощи от могольского императора.

Как видно из «Акбар-наме», в своем письме к Абдулле хану Акбар сообщает, что шах Аббас прислал Ядгар султана просить помощи у Моголов против узбеков, и он (Акбар) отклонил его просьбу³¹³. По-видимому, Акбар не считал возможным выступать против Абдуллы хана, с которым был в хороших отношениях и не раз обменивался посольствами. По всей вероятности, Акбара вполне устраивала договоренность с Абдуллой ханом по поводу границ и существующий в связи с этим раздел сфер влияния.

Политика Акбара в отношениях с этими двумя странами состояла в том, чтобы иметь дружеские связи с правителями обоих государств, сохранять при этом нейтралитет, не оказывая никому военной помощи, и продолжать укреплять собственную мощь.

Акбар все время помышлял о возвращении Кандахара в состав Могольской империи. Он давно желал завладеть Кандахаром, в тот момент находившимся в руках Сефевидов и являвшимся ключом к северо-западным границам Могольской империи. Он воспользовался удобным моментом, когда шах Аббас был занят борьбой с турками и узбеками и Кандахар нетрудно было захватить. Кампания по захвату крепости была начата в 1590 г. и завершена в 1595 г.

Однако оккупация Кандахара Моголами не испортила отношений между Ираном и Индией, возможно, потому, что в условиях давления узбеков на Кандахар захват его Акбаром для шаха был более предпочтительным, так как в случае, если крепостью овладели бы узбеки, они еще прочнее укрепились бы в Хорасане.

Посол шаха Аббаса I Ядгар султан Румлу был задержан при дворе Акбара более чем на 4 года³¹⁴. Ему не разрешали уехать, пока захват Кан-

³¹² См. прил. № 7 данной работы.

³¹³ Акбар-наме. III. С. 704.

³¹⁴ По свидетельству Абуль Фазла, Ядгар султан Румлу прибыл в Индию в 999 г., а покинул ее в 1003 г. х. (см.: Акбар-наме. III. С. 588). А согласно Искендеру Мунши, он покинул Персию в 999 г. и вернулся в 1005 г. х. (см.: Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 361).

дахара Моголами не был завершен. В 1594 г. вместе с Ядгар султаном Румлу Акбар послал Мирза Зия уд-дина в качестве посла в Персию³¹⁵. Ему было вручено письмо для сефевидского шаха, составленное Абуль Фазлом Аллами³¹⁶.

Письмо начинается с хвалы Аллаха, Святого Пророка, а также выражений удовлетворения по поводу получения письма от шаха Аббаса, которое было послано с Ядгар султаном Румлу. В письме Акбар признает, что ему следовало бы начать переписку с шахом Аббасом раньше, и ссылается на свою занятость в связи с захватом новых владений, в основном Кашмира и Синда, которые к этому времени были уже завоеваны, а также укреплением Индии. Он также отмечает, что маршрут в Ирак стал короче и надежнее, чем раньше. Кроме того, он пишет, что в обстановке волнений и нестабильности, которая царит в Иране, сейчас время требовать отправки не посольства, а существенной военной помощи.

Акбар также пытается объяснить свой захват Кандахара и подробно описывает, почему это произошло. То, что Акбар поднимает этот вопрос, уже свидетельствует о том, что он старается как-то оправдаться, чтобы сохранить хорошее к себе отношение шаха Аббаса, хотя и объясняет свою позицию в вопросе оккупации Кандахара с точки зрения могольской дипломатии. В письме император также ясно дает понять, что вопрос об оказании военной помощи Сефевидам полностью исключается, так как может породить всевозможные недоразумения. Акбар просит шаха извещать его о ситуации в Иране, советует ему проводить политику умеренности и терпимости к людям и трудиться во имя их благополучия. Акбар пишет шаху Аббасу о собственной политике, не делающей различий между своими подданными на основе культа и веры, пишет о своей политике «сулх-и кул»³¹⁷ (т. е. всеобщего согласия или всеобщей терпимости) и доказывает ее преимущества. Далее он говорит о том, что смертная казнь должна назначаться после длительного обдумывания, так как она равносильна «разрушению превосходно построенного здания»³¹⁸. Акбар, объясняя свою политику по отношению к Абдулле хану, говорит о своих принципах никогда не начинать войну против того, кто ищет мира. В конце письма

³¹⁵ Акбар-наме. III. С. 656; см. также: Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 361.

³¹⁶ Текст письма см.: *Фалсафи*. Зедегани-и Шах Аббас-и Аввал. III. С. 226–231; см. также: *Сабатийан*. Аснад ва намеха-и тарихи: доура-и Сафавийа. С. 298–300.

³¹⁷ «Сулх-и кул» — один из основных принципов государственной политики Акбара (см. подробнее: *Rizvi S. A. A. Religious and Intellectual History of Muslims in Akbar Reing*. New Delhi, 1975. P. 351).

³¹⁸ См.: *Мактубат* // Рук. Санкт-Петербургского филиала ИВ РАН. Ш. В-2501. Л. 62а–64б; см. также: *Фалсафи*. Зедегани-и Шах Аббас-и Аввал. I. С. 226–231; *Сабатийан*. Аснад ва намеха-и тарихи: доура-и Сафавийа. С. 298–300.

император указывает, что посылает это письмо через преданного ему Зия аль-Мулька, а некоторые редкие подарки из этой страны (Индии) он вручает Хваджа Асу Насиру.

Это письмо является чрезвычайно важным с точки зрения объяснения внешней политики Акбара и его взглядов на проблему различия религии.

Посольство во главе с Мирза Зия уд-дином было первым полным посольством, посланным Акбаром в Персию. В 1596–1597 гг.³¹⁹ оно прибыло ко двору шаха Аббаса, который, по свидетельству Искендера Мунши, устроил грандиозный прием в Казвине по поводу его приезда³²⁰.

К этому времени шах Аббас I заключил мир с турками³²¹, подавил своих вольных дворян и установил свою власть³²². Но Хорасан пока оставался в руках узбеков, которые все еще были сильны. После получения письма от Акбара, где тот говорит о своей дружбе с Абдуллою ханом, шах Аббас понял, что рассчитывать на военный союз с Моголами не имеет смысла. Но, по-видимому, он также понимал, что лучше иметь с Акбаром дружественные отношения, чем противостоять его союзу с узбеками. Именно поэтому шах, удовлетворенный прибытием посольства от Акбара, быстро отправил индийских послов к могольскому двору (1598 г.). Вместе с ними шах Аббас отправил своего посла Манучехр бека «эшикагасибаша»³²³, вручив ему письмо, адресованное Акбару. Полный текст этого письма имеется в материалах «Мунша'ат»³²⁴. Оно было составлено «и'тимад ад-даула» Хатим беком Ордубади³²⁵. Письмо начинается с пышного вступления, составленного в пространных изысканных выражениях и украшенного многочисленными стихами, восхваляющими Аллаха и Мухаммеда. Шах Аббас восхваляет дипломатический такт и выдающиеся качества могольского посланника Мир Зия аль-Мулька, который «прибыл, подобно птице-фениксу и индийскому павлину... Его слова, которые были подобны блестящим жемчужинам, добавили свет очам надежды, его благоухающие строки освежили разум...»³²⁶ Затем он упоминает о традиционно дружественных отношениях Сефевидов и Моголов: «Слава

³¹⁹ Акбар-наме. III. С. 656; см. также: Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 361.

³²⁰ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 361.

³²¹ Там же. С. 350, 372 (см. также: *Фалсафи*. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. С. 147–150).

³²² *Фалсафи*. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. С. 142–147.

³²³ Эшикагасибаша (глава начальников порога — *азерб.*) — главный церемониймейстер двора (см.: *Эфендиев*. Азербайджанское государство Сефевидов. С. 264).

³²⁴ Мунша'ат-и Салатин. С. 8–19 (см. также: Мактубат // Рук. Санкт-Петербургского филиала ИВ РАН. Л. 646–69а; *Фалсафи*. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. I. С. 232–241).

³²⁵ Главный министр шаха Аббаса I в течение 20 лет (см. подробнее: *Фалсафи*. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. II. С. 400).

³²⁶ См. прил. № 8 данной работы.

Аллаху, что дерево, посаженное нашими предками — да будет мир с ними! — с течением времени растет и приносит плоды. И вот новым проявлением давней дружбы и преданности стало [твое] письмо, содержащее много полезных советов, которые обогащают наш разум в поисках путей решения вопросов государства и правления, способствуют упорядочению дел, связанных с религией и жизнью народа».

Шах Аббас также дает краткое сообщение о своей политике и отношениях с иностранными государствами со времен кончины шаха Тахмасиба. Он упоминает об анархии, царившей во время правления Худабенде, о неверности и раздорах кызылбашской знати, об оккупации Хорасана и о постоянной напряженности на западных границах. Далее он рассказывает о своем успехе в подавлении недовольных вельмож и объединении власти в его руках, и о том, что, заключив мирный договор с османским султаном, он готовится организовать и провести атаку на узбеков, чтобы изгнать их из Хорасана. В письме шах просит благословения Акбара на предстоящее столь важное дело.

Важно отметить, что в письме дается оценка недавних событий и текущей обстановки в Иране и на его западных и восточных границах с точки зрения самого шаха Аббаса. Тон письма почтительный — шах обращается и советуется с Акбаром как сын с отцом. Письмо интересно еще и потому, что в разных списках оно встречается в двух вариантах. Индийскому императору был послан вариант, имеющийся в нашей рукописи, поскольку он является более предпочтительным для поддержания в дальнейшем дружественных отношений с Акбаром, к чему шах Аббас так стремился³²⁷.

Согласно Абуль Фазлу, посольство во главе с Манучехр беком прибыло в Индию в 1598 г. и было хорошо принято Акбаром³²⁸.

В том же году умер Абдулла хан Узбек, вскоре после убийства Абдул Мумин хана, наследника узбекского трона. Шах Аббас незамедлительно двинулся на Хорасан и в скором времени захватил большую его часть. В августе 1598 г. он уже победоносно вступил в Герат³²⁹. По свидетельству Искендера Мунши, отсюда он послал своего посла Мирза Али бека Караманлы с письмом к Акбару с сообщением о своей великой победе

³²⁷ Второй вариант этого письма, имеющего заголовок «Письмо от правителя шаха Аббаса аль-Хусайни к Джалал ад-дину Акбару, императору Индии и послание с Манучехр беком», является черновиком, что доказывается тем, что несколько раз употреблено слово «филай», т. е. «такой-то». Этот вариант отличается тем, что составлен в убедительном и самоуверенном тоне, и в нем шах Аббас обращается к Акбару как равный к равному, в отличие от первого варианта, где признается старшинство императора (см.: подробнее: *Riazul Islam. Calendar of Documents on Indo-Persian Relations. I. P. 128*).

³²⁸ Акбар-наме. III. С. 745.

³²⁹ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 375–395; см. также: Акбар-наме. II. С. 736–727.

над узбеками³³⁰. В письме он извещает императора, что уже вернул все свои утраченные территории, кроме Кандахара, и выражает надежду, что Акбар не возражал бы, если бы он вернул себе и эту крепость³³¹. Из этого сообщения явствует, что шах Аббас никогда не расставался с мыслью вновь овладеть этим стратегическим пунктом.

Акбар, по-видимому, рассчитывая на свою сильную позицию и осмотрительность шаха Аббаса, никак не отреагировал на просьбу последнего о Кандахаре. Но, по всей вероятности, Акбар был недоволен этой просьбой шаха, о чем свидетельствует длительная задержка сефевидского посла при могольском дворе.

Однако кызылбаши, воспользовавшись беспорядками последних лет правления Акбара, в частности мятежом принца Салима, предприняли пробное наступление в пограничном с Индией районе. Несмотря на отчаянное сопротивление моголов, кызылбашской армии удалось захватить крепость Баст³³², что доказало тайные намерения шаха Аббаса когда-нибудь захватить Кандахар. Но, будучи искусным дипломатом, он отлично понимал, что решение вопроса Кандахара путем военного конфликта могло окончательно испортить отношения и привести к войне между двумя государствами.

§ 2. ОТНОШЕНИЯ СЕФЕВИДОВ И ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.

Как Сефевиды, так и Моголы вступили в XVII в. в сложной обстановке. От их доброго отношения зависела безопасность их границ как на западе, так и на севере. Поэтому Акбар, несмотря на некоторые разногласия с шахом Аббасом, в 1602 г. отпустил сефевидского посла Манучехр бека, которого задержал в Индии на 4 года. Вместе с ним он отправил своего посла Мухаммед Масум хана Бхаккари с большим количеством подарков и письмом к шаху Аббасу, текст которого имеется в материалах «Мунша'ат»³³³. Хотя в «Акбар-наме» говорится, что посольство Мир Масума было послано позже Манучехр бека³³⁴, но из письма явствует, что

³³⁰ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 586–587.

³³¹ Там же. С. 405, 685. Однако в «Акбар-наме» (III, с. 749) о просьбе шаха Аббаса вернуть Кандахар ничего не говорится.

³³² Акбар-наме. III. С. 828.

³³³ Муниша'ат-и Салатин. С. 53–60.

³³⁴ Акбар-наме. С. 825. Однако Искандер Муиши говорит в пользу нашей версии, т. е. о том, что Мир Масум прибыл в Персию вместе с Манучехр беком (см.: Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 448).

они были вместе отправлены к сефевидскому двору: «И сейчас стало возможным отправление Манучехр бека и для того, чтобы передать наше письмо, свидетельствующее о нашей преданности и единстве, вместе с ним отправляется Мир Масум Бхаккари, который является одним из почетных сейидов этой страны и самых приближенных людей двора, и ему поручено передать некоторые вопросы устно, своим красноречивым языком...»³³⁵

Письмо начинается с пышного и длинного вступления с восхвалением Аллаха и Мухаммеда. В нем Акбар выражает надежду, что дружественные отношения между ним и шахом Аббасом будут сохраняться и в дальнейшем: «И хотя между нашими династиями — да продлится их правление до вечности! — издавна существовали отношения дружбы и единства, но я уделял не так уж много внимания поддержанию единства, преданности и искренности, и об этом невозможно написать в письме и трудно себе представить. [Моя] убедительная просьба и искреннее желание состоит в том, чтобы до тех пор, пока небосвод вращается и звезды светят, эти добрые отношения находились в центре внимания Его Величества, чтобы до дня Страшного Суда сад дружбы и преданности не подвергался тлению, чтобы, забыв о поре разобщенности, Его Величество способствовал развитию дружеских связей, регулярно присылая письма, и радовал наши преданные и чистые души, превратив их в предмет зависти райских садов...»

Затем Акбар отдает должное дипломатическому таланту Манучехр бека и упоминает о письмах, посланных с Манучехр беком и Али беком Курчи, где говорится о победе шаха над узбеками в Хорасане. Он выражает удовлетворение успехами шаха Аббаса в решении политических проблем как вне, так и внутри государства, а также рассказывает о своем завоевании Хандеша. Заканчивается письмо пожеланием продолжать переписку: «Наше желание состоит в том, чтобы Вы считали эту сторону (нас) своей и как можно чаще радовали нас своими приятными письмами и посланиями. Мы будем рады, если Вы обратитесь к нам по необходимым вопросам, и мы сделаем все, что в наших силах...»

Сравнивая это письмо Акбара с предыдущими, видим, что оно заметно отличается от первых писем, написанных Акбаром шаху Аббасу I, прежде всего — тоном. Если ранее тон императора по отношению к шаху Аббасу был покровительственным и он писал как старший младшему, давая отеческие советы, то здесь настрой совершенно изменился: Акбар часто восхваляет сефевидского шаха, напоминает о дружбе, которая имеет давние традиции.

³³⁵ См. прил. № 9 данной работы.

По всей вероятности, свою роль в этом сыграло изменение обстановки как внутри Сефевидской державы, так и вне ее. Как известно, к этому времени благодаря шаху Аббасу, который справедливо считался одним из мудрых и дальновидных азиатских правителей того времени, путем ряда реформ, в частности военной, удалось укрепить центральную власть и превратить Иран в могущественное государство, не считаться с которым Акбар уже не мог.

По свидетельству источников, Мир Масум прибыл ко двору шаха Аббаса, когда тот осаждал Эриван, находившийся в руках турок. Шах принял посла тепло и говорил об императоре как о своем отце³³⁶. Однако посольство Мир Масума было встречено шахом с меньшим почетом, нежели его предшественника Мирза Зия уд-дина. Шах Аббас не уделил должного внимания подаркам Акбара, мотивируя это занятостью осадой Эривана.

Такой прием могольского посла, по всей вероятности, объясняется тем, что со времени первого посольства от Акбара прошло 7 лет, и позиции шаха заметно усилились за это время. Кроме того, шах еще мог быть недоволен долгой задержкой своих послов при могольском дворе и длительным владением Моголами Кандахаром, и поэтому, видимо, он отпустил Мир Масума в 1604 г. без особых церемоний³³⁷, не послав с ним ответного посольства ко двору Акбара. Шах передал с могольским послом только письмо Акбару. Мир Масум прибыл в Индию в 1605 г.

В различных коллекциях это письмо шаха Аббаса I дается в трех разных вариантах. В материалах «Мунша'ат» имеются все три варианта этого послания³³⁸. Их содержание почти одинаково. Но в заголовках первого и второго писем ошибочно указано, что оно адресовано принцу Салиму³³⁹. На самом же деле они написаны шахом Аббасом императору Акбару и посланы с могольским послом Мир Масумом. Их подлинность доказывается при сравнении с письмами, которые даются пакистанским ученым Рийазулом Исламом³⁴⁰. Первый имеющийся у нас вариант письма чаще двух остальных встречается в различных коллекциях. Как указано в заголовке письма, оно составлено мирзой Абуль-Хусейном Мунши, т. е. Абуль Хусейн ал-Насири ал-Туси³⁴¹, второй вариант — Молла Туфа-

³³⁶ Акбар-наме. III. С. 825.

³³⁷ Там же. С. 836.

³³⁸ Там же; Мунша'ат-и Салати. С. 195–204.

³³⁹ Могольский император Нур ад-дин Джахангир — 1605–1627 (см.: Босворт. Мусульманские династии. С. 268).

³⁴⁰ *Riazul Islam. Calendar of Documents*. P. 135–137.

³⁴¹ Текст письма см.: Сабетийан. Асиад ва намеха-и тарихи: доура-и Сафавийа. С. 302–304; см. также: Фалсафи. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. IV. С. 82–84.

илом Лахиджи, а третий — Молла Халилом Вугари в подражание первому письму. В заголовке лишь первого варианта указывается, что оно посылается с Мир Мухаммедом Масумом Бхаккари. По-видимому, в связи с важностью одержанных побед для шаха было подготовлено три варианта, из которых для отправки он выбрал первый как наиболее понравившийся ему, или, возможно, был составлен только один официальный вариант. Но, поскольку предмет, затрагиваемый в нем, представлял большой интерес и письмо являлось отличным образцом традиционного восточного эпистолярного жанра, другие «мунши» (переписчики) попытались изложить свои версии.

Ниже мы рассмотрим первый вариант письма, составленный мирзой Абуль-Хусейном и отправленный императору Акбару³⁴². Тон послания был уверенней, чем в предыдущих письмах. Письмо, как принято, начинается с восхвалений Аллаха и Мухаммеда. Затем шах Аббас возносит Всевышнего за успех и победы, дарованные ему, и подробно рассказывает о своей великой восточной кампании (1604 г.), завершившейся завоеванием Азербайджана, Ширвана и Нахичевана, а также об осаде Эривана, которая длилась шесть месяцев. Он говорит, что во время осады прибыл Мир Масум с письмом от императора, прочитав которое, он посчитал, что известие о победе императора, имеющееся в письме Акбара, является добрым предзнаменованием для исхода его нынешнего похода, и в конце концов ему силой удалось захватить эту крепость. Шах сообщает Акбару, что Мир Масум лично засвидетельствовал осаду Эривана и был отправлен обратно, чтобы представить императору полный отчет об этом событии. Шах отмечает, что недавние его победы были достигнуты благодаря добрым пожеланиям императора. Письмо заканчивается пожеланиями шаха Аббаса, «чтобы доброжелательные отношения между нами и единство укрепились — да сохранит их Всевышний!»³⁴³

О дальнейших дипломатических обменах между шахом Аббасом I и Джелал ад-дином Акбаром упоминаний ни в сефевидских, ни в могольских хрониках не встречается.

Кроме вышеназванных официальных посланий, в «Мунша'ат-и Салатин» имеются два фермана, изданных императором Акбаром. Но, несмотря на то что они не имеют отношения к дипломатической переписке, которой обменивались Сефевиды и Моголы, они представляют большой исторический интерес. Первый ферман относится к сфере культурных связей между Могольской империей и Ираном. Как известно, покровительство наукам и культуре в Могольской империи имело глубокие корни и традиции.

³⁴² Мунша'ат-и Салатин. С. 196–198.

³⁴³ См. прил. № 10 данной работы.

Еще Бабур, сам писавший стихи на чагатайском и персидском языках, покровительствовал персидским поэтам, которых приглашал к себе на службу. При дворе Хумайуна также служило много художников, основавших могольскую школу миниатюрной живописи, поэтов, ученых и образованных людей из Сефевидского государства. Акбар продолжил практику привлечения одаренных и образованных людей из Ирана и других государств к могольскому двору. В этом ему помогали братья Файзи и Абуль Фазл. Файзи, посланный с дипломатическим назначением в Деккан, узнавал у путешественников и купцов об иностранных ученых и посылал подробные отчеты императору о талантливых людях, которых следовало пригласить на службу. Он особо рекомендовал Челеби бека из Шираза³⁴⁴. Акбар тотчас издал ферман Челеби беку с приглашением на службу, имеющийся в нашем «Мунша'ат»³⁴⁵. В нем Акбар говорит о своем постоянном покровительстве культуре и наукам: «И наше высочайшее внимание постоянно направлено на оказание заботы и улучшение условий всякого рода талантливых людей, которые являются источником мудрости и знаний. И всегда красноречивые ученые всех народов обращаются к нашему высокому двору, где они окружаются нашей заботой и милостью...»³⁴⁶

В фермане особо оговаривается вопрос о дорожных расходах: «Все вопросы, связанные с дорогой, будут решаться согласно нашему приказу, изданному относительно приезда и отъезда талантливых людей».

Второй ферман Акбара, имеющийся в «Мунша'ат-и Салатин»³⁴⁷, также представляет большую историческую ценность, так как не встречается ни в одной из просмотренных нами коллекций писем, хотя в различных списках встречается целая серия писем, написанных Абуль Фазлом и адресованных хан ханану³⁴⁸. Документ хорошо иллюстрирует некоторые стороны внутривосточной жизни Могольской империи, и что самое ценное, — со слов самого Акбара.

Письмо написано в теплом и сердечном тоне, что говорит об особо дружеском отношении императора к своему хан ханану. Акбар подробно рассказывает о гибели своего любимого сына³⁴⁹, последовавшей во время военного похода. Он также упоминает о письме, полученном от хан ханана, в котором тот излагает свои планы «по поводу армии Деккана» и

³⁴⁴ *Riazul Islam. Indo-Persian Relations.* P. 166–167.

³⁴⁵ Мунша'ат-и Салатин. С. 148–149.

³⁴⁶ См. прил. № 11 данной работы.

³⁴⁷ Там же; Мунша'ат-и Салатин. С. 216–221; см. прил. № 12 данной работы.

³⁴⁸ Мирза Абдур Рахим хан ханани (умер в 1627 г.), сын Байрам хана ханана.

³⁴⁹ По-видимому, имеется в виду принц Даниал, старший сын Акбара.

которые он (Акбар) полностью одобряет и надеется, «что в скором времени удастся завоевать ту область³⁵⁰, прославленные слоны той области, которые всегда привлекали мое высокое внимание, попадут в наши руки, что, кстати, было отмечено и в письме». Он призывает хан ханана к осто-рожности в предстоящем походе.

Далее император успокаивает хан ханана, который, как видно, в своем письме к Акбару высказывал обеспокоенность судьбой своей семьи и детей в случае, если он предпримет поход на Деккан: «Связь его [хан-ханана] семьи и детей с нашей высокой династией не такова, чтобы мы забыли о них, когда они находятся вдали от нас. Без преувеличения могу сказать, что моя душа желает того, чтобы они постоянно находились у меня, и за все это время, пока мы разлучены, мало таких дней, когда я не вспоминал бы о них».

И заканчивает: «Итак, ждем вестей о новых победах и удачах. И если в ближайшее время мы не вернемся в столицу, то лучше, как того желаю и я, отправить [членов семьи] ко мне, так как я хочу некоторое время провести в прогулках и на охоте в Пенджабе. Но поскольку между нами имеется большое расстояние, то он (хан ханан) может оставить их в Гуд-жарате или же там, где он захочет».

В нашей коллекции есть интересное письмо, написанное принцем Даниалом, сыном Акбара, шаху Аббасу I³⁵¹. В средние века дипломатические обмены между принцами одной династии с правителями другой были обычным делом. Как отмечалось выше, начало таких обменов между Сефевидами и Моголами было положено принцем Худабенде, когда тот был правителем Хорасана и послал свое посольство к Акбару³⁵². Эта практика была продолжена его сыном Аббасом мирзой, правителем Хорасана. С могольской стороны также многие принцы, начиная с мирзы Салима, сына Акбара и в будущем императора империи Великих Моголов, также поддерживали дипломатические отношения с сефевидскими шахами. Письмо, написанное принцем Даниалом шаху Аббасу I, свидетельствует о подобной практике. Оно датировано 1 фарвардином 1011 г. х. (мартом 1603 г.) и было послано с послом принца Даниала Бахадур беком, что явствует из содержания.

Письмо начинается с пышного вступления с восхвалениями Аллаха и шаха Аббаса I. Даниал упоминает о давних дружеских связях между двумя правящими династиями, что стало традиционным в переписке Сефевидов и Моголов: «История дружеских отношений и единства между

³⁵⁰ Имеется в виду Деккан.

³⁵¹ Мунша'ат-и Салатин. С. 132–139.

³⁵² Акбар-наме. III. С. 5.

двумя нашими династиями не нуждается в подробном и долгом изложении, ибо она известна всем и вызывает восхищение всех прозорливых людей... И надеюсь, что для поддержания плодотворной дружбы и единства между сторонами двери писем и посланий будут всегда распахнуты, что будет способствовать усилению и упрочению традиционных связей»³⁵³.

Далее принц Даниал рассказывает о завоевании Моголами Ахмад-нагара и Асира (в Хандеше) и о том, как он принимал участие в этом походе. В качестве причины своего участия в этой экспедиции он приводит заботу Акбара о благополучии людей и желание положить конец волнениям в Деккане. Он также сообщает, что был вызван из Илхабаса, чтобы возглавить основное войско, и по окончании этого похода он был вознагражден Акбаром губернаторством в Хандеше: «И после празднования побед Его Величество удостоил меня наивысшими милостями и в качестве вознаграждения за оказанную услугу переименовал провинцию Хандис в Дандис³⁵⁴ и вместе с такими областями, как Гуджарат, Мальва, Берар и Деккан, которые раньше имели отдельных правителей, претендовавших на самостоятельность, подарил мне...»

Как видно из письма, Акбар переименовал Хандеш в Дандеш, таким образом демонстрируя отцовскую любовь к Даниалу. Как известно, Акбар оказывал различные милости принцу Даниалу «в противовес растущей власти... принца Салима, впоследствии восставшего против него»³⁵⁵.

Как сообщает принц шаху Аббасу, шахский посол при императорском дворе Манучехр бек часто навещал принца и рассказывал ему о благородных качествах и высоких достоинствах шаха, убеждая его начать переписку с ним. Далее Даниал благодарит Бога, что «порты Деккана и Гуджарата находятся поблизости от [персидских] портов Ормуз и Бахрейн»³⁵⁶, что будет способствовать тесным связям между двумя сторонами. В конце письма Даниал пишет, что вместе с возвращающимся Манучехр беком он посылает своего посла Бахадур бека со скромными подарками для шаха. Из письма видно стремление развивать дружеские отношения с сефевидским шахом. По всей вероятности, одной из основных причин, вызвавших эту переписку, было желание заручиться поддержкой в предстоящей борьбе за престол Могольской империи.

³⁵³ См. прил. № 13 данной работы.

³⁵⁴ Аллахабад.

Имеется в виду Хандеш, которую Акбар так назвал, по-видимому, по первой букве имени принца.

³⁵⁵ Smith V. Akbar the Great Mongul. Oxford, 1966. P. 206–207.

³⁵⁶ См. прил. № 13 данной работы.

После смерти Акбара в 1605 г. престол империи Великих Моголов унаследовал Нур ад-дин Джахангир³⁵⁷, который, еще будучи принцем, поддерживал дружеские отношения и вел активную переписку с шахом Аббасом I, которая завязалась по инициативе шаха Аббаса в 1603 г., когда в Иран прибыл торговый агент принца Салима для покупки необходимых вещей для принца. Все упомянутые в списке заказы Салима были выполнены шахом, который собрал и вручил все товары индийскому торговцу, а вместе с ними и письмо для принца, полный текст которого приводится в труде иранского историка З. Сабетийана³⁵⁸. В нем шах выражает обиду, что Салим не направил к нему лично торговца Хваджа Бурдж Али Нахчивани, прибывшего в Иран по поручению принца, чтобы доставить нужные товары, и говорит, что расценивает это как знак равнодушия со стороны Салима. Далее он выражает надежду, что впоследствии все заказы Салима будут предъявляться ему лично. После этого, ссылаясь на теплые отношения между двумя династиями со времен Тимура, а также во время правления Хумайун-падишаха и шаха Тахмасиба I, он жалуется на холодность со стороны Акбара, напомнив, что последний даже не послал посольства по случаю его (шаха) престолонаследия. Он также отмечает, что с целью установления дружественных отношений между двумя великими державами он (шах Аббас) послал ко двору Акбара посла, которого император задержал на 6–7 лет. Другому послу, которого он отправил позже ко двору Моголов, также до сих пор не позволено вернуться назад³⁵⁹. Далее он пишет, что принц, поручив выполнение своих заказов какому-то торговцу, проявил равнодушие и действовал так по примеру своего отца.

В письме шах Аббас также извещает принца о последней находке, обнаруженной его людьми в деревне Анджуд³⁶⁰ во время, когда он сам находился в Балхе в походе против узбеков. Среди раскопок был найден документ времен Тимура, который подтверждает дружбу последнего с его (шаха) предками, и копия этого документа посылается принцу вместе с вышеупомянутым Хваджа Бурж Али³⁶¹. Тому также вручены из шахских складов вещи, заказанные Салимом в Иране. Поскольку Хваджа имеет приказ от принца («амр-и али»), ему было позволено уехать немедленно.

³⁵⁷ Сын Акбара, могольский император с 1605 по 1627 г., до вступления на престол — принц Салим.

³⁵⁸ Сабетийан. Аснад ва намеа-н тарихи: доура-и Сафавийа. С. 274–278.

³⁵⁹ Речь идет о сефевидских посланцах Ядгаре султан Румлу и Манучехр беке, которых Акбар надолго задержал при своем дворе.

³⁶⁰ Сообщение об анджудском документе, упоминающемся в письме, также встречается в «Тарих-и Алам арай-и Аббаси» (с. 16).

³⁶¹ Однако о получении этого документа в мемуарах Джахангира не упоминается.

но. Хваджа Мухаммед Багиру, который тоже родом из Индии и всегда высоко отзывается о принце, также вручено письмо. Далее шах Аббас просит первого приехавшего из них послать обратно с целью известить автора этого письма о его (принца) благополучии, так как последний до сих пор не послал своего доверенного посланника (к шаху).

Это письмо — яркий пример дипломатической инициативы шаха Аббаса, благодаря которому прослеживаются отношения Сефевидов и Моголов не только со времен шаха Тахмасиба и Хумайуна, но даже в эпоху правления Тимура.

К письмам, относящимся к периоду, когда Джахангир еще не был императором, т. е. при жизни Акбара, относится послание, которое, как указано в заголовке, было написано принцем Салимом шаху Аббасу собственноручно и послано с Мир Зия уд-дином Казвини³⁶². Это очень короткое письмо, написанное в дружеском, можно сказать, интимном тоне, и так как в нем не соблюдены необходимые пункты протокола и оно не отвечает всем требованиям полного шахского письма, его можно классифицировать как шахское письмо в стиле «рук'а»³⁶³.

В своем письме Джахангир пишет, что, поскольку это его послание не может до конца выразить его чувства дружбы и любви на бумаге, он поручает своему посланцу Мир Зия уд-дину передать их лично шаху Аббасу³⁶⁴.

Несмотря на то что это письмо не имеет существенного содержания, оно представляет собой образец, иллюстрирующий чувства любви, нежности и стремления к дружбе между двумя великими правителями, которые можно выразить в столь коротком послании в стиле «рук'а».

Переписка шаха Аббаса I и Джахангира, когда последний еще не был могольским императором, длившаяся в течение 3 лет, свидетельствует о том, что между сефевидским шахом и могольским принцем завязалась сердечная дружба, доказательством чему служат собственноручно написанные принцем короткие дружеские письма. Правда, инициатором этой переписки был сам шах Аббас.

Царствование Джахангира, как и Джалал ад-дина Акбара, вновь началось с конфликта между Сефевидами и Моголами в Кандахаре, важном опорном пункте, владению которым обе стороны придавали огромное значение.

³⁶² Мунша'ат-и Салатин. С. 195; см. также: *Сабетийан*. Аснад ва намеха-и тарих: лоура-и Сафавийа. С. 278–279.

³⁶³ Наиболее популярный жанр в средние века. Этим термином назывались короткие послания, написанные в неофициальном стиле представителем высших классов к низшему, равным — к равному, низшим — к высшему (см. подробнее: Маназир уль-инша // Рук. библиотеки Восточного факультета СПбГУ. № 443. Л. 606).

³⁶⁴ См. прил. № 14 данной работы.

В 1606 г. сефевидские правители Фараха, Систана, Герата и других приграничных областей предприняли попытку захватить Кандахар³⁶⁵. Кызылбаши атаковали, но были отброшены Шах бек ханом³⁶⁶, оказавшим упорное сопротивление нападавшим. Когда до Джахангира дошло это известие, он направил туда подкрепление под командованием мирзы Гази, сына Джани Тархана, талантливого военачальника и дальновидного политика³⁶⁷. После того как в январе 1607 г. прибыло первое могольское войско, кызылбаши сняли осаду и отступили³⁶⁸. Как отмечает в своем дневнике Джахангир, кызылбаши решились на захват крепости, потому что смерть Акбара и беспорядки в стране, вызванные восстанием старшего сына султан Хосрова, приблизили их планы к исполнению³⁶⁹.

Шах Аббас все это время не расставался с мыслью о захвате Кандахара. Но очевидно, что на военное столкновение, которое могло привести к войне между Сефевидским и Могольским государствами, не хотела идти ни одна из сторон. Шах Аббас, видимо, полагал, что правитель Кандахара испугается наступающей армии и сдастся, а Джахангир после потери крепости не станет воевать. При этом отношения останутся прежними, как бывало всякий раз, когда Кандахар в очередной раз переходил из рук в руки.

Но когда предпринятая попытка захвата крепости не удалась, по свидетельству Искандера Мунши, шах Аббас направил своего посланца Хусейн бека с верительной грамотой к Шах беку, могольскому коменданту Кандахара, и объяснительным письмом к Джахангиру³⁷⁰, где он, как и подобает опытному дипломату, выразил неудовольствие действиями своих подданных, которые, как он объяснял, выступили без его приказа³⁷¹.

Джахангир, не желая ввязываться в войну, удовлетворился объяснением шаха, оставив, однако, для охраны Кандахара мощный гарнизон численностью в 15 тыс. всадников под командованием мирзы Гази³⁷², и приказал своим военачальникам воздержаться от дальнейших атак³⁷³. Об этом свидетельствует письмо, написанное императором в ответ шаху Аббасу³⁷⁴, которое проливает свет на дипломатические отношения между двумя правителями в это время.

³⁶⁵ Тузук-и Джахангири. С. 3.

³⁶⁶ Могольский правитель Кандахара.

³⁶⁷ Beni Prasad. History of Jahangir. Allahabad, 1962. P. 160.

³⁶⁸ Тузук-и Джахангири. С. 33, 41, 60.

³⁶⁹ Там же. С. 33.

³⁷⁰ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 683.

³⁷¹ Там же.

³⁷² Тузук-и Джахангири. С. 86.

³⁷³ Там же. С. 85.

³⁷⁴ Riazul Islam. Calendar of Documents. I. P. 154.

В своем письме Джахангир пишет, что с большим удовольствием прочел письмо шаха Аббаса, и сообщает, что до прибытия Хусейн бека с наспех написанным письмом задержка (со стороны шаха) в развитии дипломатических отношений расценивалась поверхностными наблюдателями — хотя они и не знали о событиях, касающихся Кандахара, — как ухудшение традиционных дружеских связей. Далее Джахангир говорит, что, судя по письму (предыдущему), скоро последует высокопоставленный посол. Кроме того, он сообщает, что вследствие визита в Кабул отправка (предыдущих послов) откладывается до возвращения императора в Агру, и потому все послы (и предыдущие, и ожидаемые) должны быть отпущены в соответствии с дипломатической практикой и протоколом, существующими в двух империях. Теперь же, узнав, что шах сильно занят, Джахангир откладывает отправление сефевидского посла на некоторое время и посылает Дарवेशа и Шарифа в соответствии с просьбой шаха³⁷⁵.

Как видно из ответа Джахангира, хотя император и принял объяснение шаха по поводу неудавшейся попытки кызылбашей захватить Кандахар, но задержка посла при могольском дворе говорит о том, что в отношениях между императором и шахом Аббасом все-таки появилось некоторое охлаждение. В свою очередь, шах Аббас в течение нескольких лет воздерживался от отправки послов в Индию, которых, как видно из вышеупомянутого письма, ждал могольский император.

Лишь в 1609–1610 гг. шах Аббас отправляет свое первое полное посольство в Индию во главе с Ядгар султан Али Талышем с большим количеством ценных подарков (50 арабских коней, шубы из русских чернобурых лисиц и др.)³⁷⁶. Это была соболезновательно-поздравительная миссия³⁷⁷.

Посол прибыл к могольскому двору в 1611 г.³⁷⁸ и передал императору два послания от шаха Аббаса. Первое из них содержало выражение соболезнования по поводу кончины императора Акбара. Шах призывает Джахангира стойко принять эту тяжелую утрату³⁷⁹.

Второе послание, в соответствии с требованиями полного шахского поздравительного письма, начинается длинным перечнем титулов и восхвалений императора. Далее автор признает, что длительные сердечные отношения, которые существуют между двумя правящими домами, тре-

³⁷⁵ *Riazul Islam*. Calendar of Documents. I. P. 154.

³⁷⁶ *Bellan*. Shan Abbas I. P. 181.

³⁷⁷ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 552.

³⁷⁸ Тузук-и Джахангири. С. 93.

³⁷⁹ Текст даниго письма см.: *Сабетийан*. Аснад ва намеха-и тарихи: доура-и Сафавийа. С. 304–306.

бовали того, чтобы он, как только услышал о восшествии Джахангира на престол, сразу послал своего подданного с целью выразить поздравления. Однако он был очень занят военным походом в Азербайджан и Ширван. Теперь же, когда эти кампании завершены успешно, он (шах) вернулся в столицу Исфахан и посылает Кямал ад-дин Ядгара Али, чтобы выразить соболезнования и поздравления императору³⁸⁰.

В своем дневнике Джахангир отмечает огромное удовлетворение прибытием посла от шаха Аббаса, которого он наградил многочисленными подарками и выдал «почетный халат и 30 тысяч рупий»³⁸¹. Но, видимо, обиженный за медлительность и задержку посольства от сефевидского шаха, он долго не отправлял посла обратно в Иран. Это предположение подтверждается письмом, написанным в сентябре 1613 г. агентом Ост-Индской компании: «Джахангир держит здесь двух послов императора Персии и не хочет отпускать их, и потому, похоже, между ними трения. Император Персии требует, чтобы ему отдали Синд³⁸², который царь [Индии] не хочет дарить»³⁸³. Сефевидский посол был отпущен в Иран лишь через два с половиной года, в августе 1613 г., вместе с могольским послом хан Аламом³⁸⁴.

В последующие годы шах Аббас почти в одностороннем порядке отправляет посланников и эмиссаров из Ирана в Индию. Заметим, что за весь период своего правления Джахангир лишь раз выслал большое посольство, а шах отправил еще два больших (не считая посольство Ядгара Али Талыша) и множество более незначительных миссий. В ходе этих обменов шах Аббас неустанно заверял Джахангира в искренней дружбе и любви, а император с большим удовлетворением принимал эти знаки внимания со стороны шаха³⁸⁵.

О некотором охлаждении между могольским императором и шахом Аббасом свидетельствуют донесения русского гонца Ивана Брехова, побывавшего с миссией в Иране в 1614–1615 гг. Он, говоря о крымском царевиче Хан Гирее, который в это время находился при шахском дворе и просил у шаха военной помощи для борьбы против турок, так писал об отношениях между шахом Аббасом и Джахангиром: «И шах ему манит [обещает, обнадеживает], а людей дати не смеет... [так как] ему ныне стала

³⁸⁰ Там же. С. 306–308.

³⁸¹ Тузук-и Джахангири. С. 93, 99–100, 116.

³⁸² Автор, очевидно, имеет в виду Кандахар, а не Синд.

³⁸³ Letters Received by East-India Company from Its Servants in the East (1602–1613) / Ed. F. S. Danvers. Vol. I. London, 1896. P. 278.

³⁸⁴ Тузук-и Джахангири. С. 121; см. также: Kühnel E. Han Alam und die diplomatischen Beziehungen zwischen Gahangir und Shah Abbas // ZDMG. Bd. 96. Leipzig, 1942. S. 172.

³⁸⁵ Тузук-и Джахангири. С. 273.

быть теснота от индейского... [правителя Джахангира, который] с шахом в недружбе... [индийские купцы] в Кизилбашскую землю не ездят, и [купцы] из Кизилбаш в Ындею ездить не смеют, потому... ноне в Кызылбашех всякие товары дороги»³⁸⁶.

Однако между правителями Ирана и Индии продолжалась практика, начатая по инициативе шаха Аббаса во времена, когда Джахангир еще не был индийским императором, согласно которой с купцом, выезжающим во главе каравана, направлялись письмо и подарки для главы государства, куда этот торговец следовал³⁸⁷. Купцам также поручалось приобрести различные ценности для своих правителей. И, как правило, и шах Аббас, и император либо предоставляли запасы своих имперских складов, либо оказывали помощь в осуществлении этих заказов³⁸⁸.

В 1613 г. Джахангир послал Мухаммеда Хусейна Челеби в Константинополь через Иран с целью сделать необходимые покупки. Так как его путь пролегал через Сефевидское государство, император передал с ним письмо и некоторые подарки для шаха. Когда торговый агент Джахангира прибыл в Иран, шах Аббас силой добился у Челеби списка царских покупок, сказав, что закажет требуемые вещи, так как они не продаются на базаре. Он приказал Увейси беку Топчи добыть эти предметы и позже послал все покупки с письмом в Индию³⁸⁹.

Одним из шахских послов в Индию был англичанин Роберт Шерли, который 30 лет находился на службе у шаха Аббаса. Он прибыл ко двору Джахангира в 1614 г. по возвращении с раундов дипломатических переговоров с королями европейских стран, был хорошо принят и отправлен в обратный путь с 2 слонами и 8 антилопами в качестве подарков для шаха³⁹⁰. Он вернулся в Иран в июне 1615 г.³⁹¹

Большое сефевидское посольство во главе с Мухаммед Реза беком прибыло к могольскому двору в 1616 г.³⁹² Джахангир, находившийся в то время в Адджмире, оказал послу хороший прием. Тот был принят у престола в день прибытия, что само по себе расценивалось как знак высочайшего благоволения³⁹³. Вероятно, он был единственным сефевидским послом, принимавшим

³⁸⁶ Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. М., 1987. С. 86–87.

³⁸⁷ *Memoirs of Jahangir*. Vol. I. London, 1909–1914. P. 310; Vol II. P. 224.

³⁸⁸ Edwards. *Relations of Shah Abbas*. P. 252.

³⁸⁹ *Riazul Islam*. Indo-Persian Relations. P. 71.

³⁹⁰ *Letters Received by East-India Company from Its Servants in the East (1613–1617)* / Ed. By W. Foster. Vol. II. London, 1897. P. 99.

³⁹¹ Фалсафи Н. Тарих-и равабит-и Иран ва Арупа дар доура-и Сафавийа. I. Тегеран, 1316. С. 42.

³⁹² Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 655.

³⁹³ *Roe Sir Th*. The Embassy of Sir Thomas Roe. Oxford, 1926. P. 260.

приветствие могольского двора, простершись ниц в «синджда»³⁹⁴. Джахангир даровал ему одежды, награды, оказав все возможные знаки расположения³⁹⁵. Посол привез императору письмо от шаха Аббаса, текст которого есть в дневнике Джахангира³⁹⁶. Письмо начинается с пространныго вступления, занимающего более половины текста. Шах благосклонно упоминает Мухаммеда Хусейна Челеби, который с торговой миссией от Джахангира находился в Иране, и просит, чтобы последний или одобрил продление его пребывания в Иране, или назначил кого-то другого на его место. Далее шах сообщает, что заказанные императором рубины, один из которых украшен гравировкой имен предков Джахангира, принадлежат священной святыне Наджафа. После совета с учеными и религиозными деятелями эти рубины освобождены от вакфа и будут посланы в коробке, которая доставлена для шаха из Фаранга³⁹⁷ и сейчас украшается мастером. Мухаммед Реза бек, с которым посылается письмо, передаст также несколько устных сообщений. Мухаммед Казим бек, брат вышеупомянутого Челеби, также посылается для приобретения некоторых товаров. В письме шах настоятельно просит Джахангира сообщить, что последнему хотелось бы приобрести в Иране.

Не совсем ясно, действительно ли посольство Мухаммеда Реза имело какую-либо иную цель, помимо описанной в этом письме шаха Аббаса. Сэр Томас Рой слышал донесения о том, что тогда посольство прибыло под предлогом просить мира для Деккана, но истинной целью его визита было получение денежной помощи в войне Сефевидов против турок³⁹⁸. Однако сам Рой этой информации не очень-то доверяет³⁹⁹.

Мухаммед Реза бек оставался при дворе Джахангира около 6 месяцев, во время которых был удостоен различных милостей и подарков: 20 тыс. рупий во время пира и слона⁴⁰⁰; относились к нему с большим почетом⁴⁰¹. Сефевидский посол был отпущен на родину в марте 1617 г. с щедрыми дарами⁴⁰². Ему было вручено письмо для шаха, составленное в выражениях сердечной привязанности, описывающее посещение императором Мальвы, Манду и Гуджарата и успешную кампанию против декканских царств⁴⁰³. Однако, как указывает очевидец событий Т. Рой, по-видимому,

³⁹⁴ Тузук-и Джахангири. С. 164; см. также: *Roe. The Embassy*. P. 25.

³⁹⁵ Тузук-и Джахангири. С. 165–166.

³⁹⁶ Там же. С. 164–166, 169; см. также: *Roe. The Embassy*. P. 264, 356.

³⁹⁷ По-видимому, имеется в виду Европа.

³⁹⁸ *Roe. The Embassy*. P. 260.

³⁹⁹ *Ibid.* P. 258–259.

⁴⁰⁰ *Ibid.* P. 300–301, 394.

⁴⁰¹ *Edwards. Relations of Shah Abbas*. P. 257.

⁴⁰² Тузук-и Джахангири. С. 185.

⁴⁰³ *Riazul Islam. Calendar of Documents*. Vol. I. P. 187.

дела Мухаммед Реза бека шли не совсем успешно, так как он, поняв, что ему не удастся добиться своей цели, внезапно собрался в обратный путь⁴⁰⁴.

Все это время продолжается обмен письмами между правителями Ирана и Индии через торговцев, следовавших из одной страны в другую. В одном из писем, написанных шахом Джахангиру, говорится, что упрек императора в том, что он (шах) до сих пор не выполнил его заказы, в равной степени может быть выражен и им самим (шахом), так как он также не получил своих заказов, которые делал в Индии. Но по просьбе Джахангира, переданной через Хаджи Рафига, посылает оригинал астробии Улугбека, с которой, поскольку сам интересуется астрономией, заказал себе копию⁴⁰⁵.

Когда каких-либо вещей, заказанных Джахангиром, не было в Персии, шах заказывал их в Венеции и других частях Европы. Об этом свидетельствует письмо, написанное шахом Аббасом, текст которого приводит Н. Фалсафи в книге «Жизнь шаха Аббаса I»⁴⁰⁶. В нем шах Аббас выражает удовлетворение от получения кубка, переданного Джахангиром через Хаджи Рафига. Он пишет, что, узнав от Мухаммеда Хусейн Челеби о том, что Джахангир интересуется фигурами, выполненными из камня, посылает с Хаджи Рафигом несколько таких фигур, имеющих в его распоряжении. Далее шах Аббас сообщает, что послал торгового агента в Европу и Венецию приобрести еще фигуры, которые, как только они будут доставлены в Иран, позже пришлет императору. В письме Аббас просит Джахангира указать другие нужные ему товары, которые он может послать в Индию.

Ниже приведем еще одно письмо, написанное шахом Аббасом Джахангиру в этот период (1616 г.) и отправленное через Мухаммеда реза Челеби Тебризи⁴⁰⁷, в котором сообщается, что Мухаммед Челеби вернулся из Турции с драгоценными камнями и ценными товарами. Многие европейские и связанные с Индией торговцы в Иране хотели купить их, но так как Джахангир интересуется подобными вещами, шах запретил продавать их и посылает ему (Джахангиру) через Мухаммеда Челеби. Далее из письма следует, что посланцу также было вручено 5 рубинов из шкатулки, специально изготовленной для святой мечети в Мешхеде. Продажа рубинов была разрешена «улама»⁴⁰⁸. Цены, установленные «улама», записаны и положены вместе с рубинами. Джахангиру предлагается при-

⁴⁰⁴ Roe. The Embassy. P. 400.

⁴⁰⁵ Текст письма см.: Фалсафи. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. IV. С. 295–296.

⁴⁰⁶ Там же. IV. С. 86.

⁴⁰⁷ Фалсафи. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. IV. С. 293–294.

⁴⁰⁸ Богословы (перс.).

слать, когда бы он ни захотел, доверенного торговца для приобретения товаров в сопровождении достойных и знающих лиц, состоящих из «улама» и «вукала»⁴⁰⁹ этого правительства. То, что Джахангиром было поручено приобрести некоторые товары, изготовленные в этой стране, Мухаммеду Хусейну Челеби, не соответствует общей дружбе и согласию, считает шах, и просит Джахангира сообщать о своих потребностях лично ему, как он делал это ранее.

Согласно дневнику Джахангира, первое большое посольство он послал в Иран в 1613 г. Для возглавления этого посольства он выбрал хана Алама⁴¹⁰. Оно задумывалось как грандиозное мероприятие: сопровождали его не менее 1 тыс. помощников. В свиту входили сотни хранителей, ухаживающих за индийскими животными и экзотическими птицами, которые предназначались для преподнесения в дар шаху Аббасу. Хан Алам вез также огромное количество подарков от императора. Посольство имело целью произвести на шаха Аббаса и его подданных впечатление о значимости Индии и о тех теплых чувствах, которые Джахангир питал к нему⁴¹¹. О поездке, длившейся несколько лет, известно лишь, что Хан Алам вынужден был долго ждать шаха, который был занят войной с турками. Посольство хана Алама отбыло из Герата лишь в 1618 г., имея 10 слонов, повозки, паланкины, лошадей, верблюдов, хищников, попугаев и других редкостных птиц и зверей, и в сопровождении 700 приближенных вступило в Казвин⁴¹². По свидетельству Искендер бека Мунши, очевидца приезда посольства хана Алама, никогда со времен воцарения династии Сефевидов ни один иностранный посол не прибывал с подобной роскошью⁴¹³.

Посольству хана Алама был оказан великолепный прием при сефевидском дворе. Вся знать и придворные вышли встречать его за городские ворота. Шах Аббас оказал ему необычайные почести и милости. Он обнял хана Алама и обращался с ним как с братом⁴¹⁴.

⁴⁰⁹ Агенты.

⁴¹⁰ *Memoirs of Jahangir*. I. P. 248.

⁴¹¹ *Riazul Islam*. Indo-Persian Relations. P. 74.

⁴¹² Kühnel. Han Alam und die diplomatischen Beziehungen. S. 173. Искендер Мунши также указывает, что хан Алам, прервав свое путешествие в Герате, прибыл к сефевидскому двору в 1027/1618 г. (см.: Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 662). О том, что индийский посол в ноябре 1618 г. находился при дворе шаха Аббаса, можно узнать из донесений русских послов Бяргинского и Чичерина, где указывается, что шах собирался принять их вместе с индийским послом, чему русские долго противились (см.: Бушев. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. С. 193).

⁴¹³ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 662.

⁴¹⁴ Там же.

Церемония вручения подарков от императора была впечатляющей. Только что прибыло русское посольство с подарками от царя, и шах углядел превосходную возможность показать каждому из послов его важность на глазах у другого. Для этого действия была подготовлена главная площадь города. Дары были принесены на главную площадь города: подарки индийского императора были выставлены в ряд на одной стороне мейдана, напротив располагались подарки русского царя. Затем последовали русские послы, которые, сойдя с коней, стали ждать шаха Аббаса. На лошадях, двигавшихся бок о бок, прибыли шах с ханом Аламом в сопровождении большой свиты придворных, одетых в шелковые и парчовые одежды с драгоценными украшениями в тюрбанах⁴¹⁵.

Хан Алам привез с собой письмо, написанное Джахангиром шаху Аббасу⁴¹⁶. Письмо не имеет какого-либо существенного политического содержания. Написано оно цветистым слогом, по-видимому, потому, что было составлено для самого большого посольства, когда-либо посланного императором Индии к шахскому двору. В нем упоминается привезенное Ядгаром Али султан Талышем послание шаха Аббаса, который поздравляет его (Джахангира) с восшествием на престол Индии. Император пишет, что посылает своего друга хана Алама, семья которого поколениями находилась на службе у Моголов, и просит шаха обращаться с послом доброжелательно и отпустить его быстро, так как он никогда ранее не находился вдали от его (Джахангира) общества.

Во время своего длительного пребывания при сефевидском дворе хан Алам постоянно держал связь с Джахангиром⁴¹⁷. Хан Алам произвел настолько благоприятное впечатление на шаха Аббаса, что тот после возвращения могольского посла в Индию направил ему лично дружеское письмо⁴¹⁸, озаглавленное как «ракима». Оно представляет огромный интерес, поскольку написано правителем страны иностранному послу. В письме шах дает понять хану Аламу, что его отсутствие сильно отразилось на авторе письма. Шах Аббас хвалит хана за его мастерство в дипломатии и редкий дар общения, а также за то, что хан Алам прекрасно оправдал себя на должности, выполнив свой семейный долг благодарности династии Тимуридов. Далее он отмечает, что если какой-то посол хочет выполнить свою обязанность наилучшим образом, правитель мира порекомендует ему брать пример с хана Алама. В конце письма шах Аббас

⁴¹⁵ Edwards. Relations of Shah Abbas. P. 259.

⁴¹⁶ Полный текст письма см.: *Фалсафи*. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. IV. С. 297–299.

⁴¹⁷ Тузук-и Джахангири. С. 158, 183, 230, 238, 274, 280.

⁴¹⁸ Цит. по: Riazul Islam. Calendar of Documents. I. P. 195.

пишет, что часто вспоминает время, которое проводил с ханом Аламом.

О впечатлении, которое хан Алам произвел на шаха Аббаса, тот говорит также и в другом письме, написанном им Джахангиру⁴¹⁹ в форме «рук'а», т. е. неполное шахское письмо, которое, как следует из содержания, было написано 18 шавваля 1028 г. х. (18 сентября 1619 г.). В нем шах Аббас особо отмечает удовольствие, полученное им от общества преданного, остроумного, многосторонне развитого хана Алама. Но, так как из императорских приказов, полученных ханом Аламом, было ясно, что ему желательно как можно раньше вернуться, то шах, предпочитая удовольствие своего брата (Джахангира) своему собственному, отправил посла 18 шавваля 1028 г. Поскольку хан Алам был послан перед Шах Мухаммедом Мунши, то данное «рук'а» вручено искреннему доброжелателю.

Самым значительным и впечатляющим от шаха Аббаса в Индию было посольство во главе с Зейнал беком⁴²⁰. После посольства хана Алама, произведшего такой фурор при дворе Ирана, эта миссия имела большое значение. Зейнал бек собрал огромную коллекцию драгоценностей и раритетов, его сопровождал целый караван слуг и невольников. Кроме шахских подарков, он вез дары Джахангиру от персидских властителей и знати Хорасана⁴²¹. Первоначально Зейнал бек должен был поехать в Индию с ханом Аламом, но отбыл позже и был с почетом принят императором в 1620 г.⁴²²

Зейнал бек передал императору письмо от шаха Аббаса⁴²³, в котором выражается великое удовольствие по поводу получения письма, привезенного ханом Аламом. Поскольку хан Алам был личным представителем императора, то ему были оказаны почести, соответствующие его положению. Говоря о своих победах, шах приписывает их милости Аллаха, благодеяниям имамов и добрым пожеланиям Джахангира. Затем он пишет, что так как он (шах) не имеет брата или сына, достойного быть посланным к императору, он посылает своего доверенного слугу Зейнал бека Тушмал-баши⁴²⁴, который является подходящим для доверенной ему миссии. Далее он пишет, что ждет скорого возвращения Зейнал бека и просит передать через него список того, что императору хотелось бы приобрести в Иране.

Как пишет пакистанский ученый Р. Ислам, согласно сефевидским хроникам, посланник шаха Аббаса Зейнал бек после своего формального представления ко двору в Лахоре начал по совету хана Алама обсуждение

⁴¹⁹ *Фалсафи*. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. IV. С. 93.

⁴²⁰ *Beni Prasad*. History of Jahangir. P. 344.

⁴²¹ *Тарих-и Алам арай-и Аббаси*. С. 669–670.

⁴²² *Тузук-и Джахангири*. II. С. 178, 186.

⁴²³ *Фалсафи*. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. IV. С. 300–301.

⁴²⁴ Глава королевской кухни.

вопроса о Кандахаре с придворными министрами и, не получив удовлетворительного ответа, намеревался вернуться в Персию⁴²⁵.

По свидетельству Искендер бека Мунши, все сефевидские посланники после посольства Ядгара Али Талыша обсуждали вопрос о Кандахаре с могольскими министрами, но не получили ответа⁴²⁶. Хотя в могольских источниках не встречается упоминаний об этих переговорах, но, согласно «Тарих-и Алам арай-и Аббаси», шах Аббас все же обсуждал этот вопрос еще с ханом Аламом⁴²⁷. Во всяком случае, в своем дневнике Джахангир утверждает, что вопрос о Кандахаре не поднимался ни одним из послов, которые прибывали в Индию до Зейнал бека⁴²⁸. И действительно, ни в посланиях, которыми обменивались оба монарха после неудавшейся попытки шаха Аббаса захватить крепость, ни в письмах, отправленных с посольствами или посланных через купцов и торговых агентов, вопрос о Кандахаре не поднимался вообще. Однако эта проблема могла обсуждаться в соответствии с общепринятой практикой устных посланий по поводу важнейших проблем. Во всяком случае, разные европейские послы при дворе Моголов неоднократно сообщали, что между сефевидским шахом и императором Индии существовали трения из-за какой-то территории⁴²⁹. По всей вероятности, поскольку эта проблема обсуждалась тайно, с глазу на глаз, иностранные послы не могли получить достоверную информацию о переговорах, которые велись посланниками шаха Аббаса с могольскими министрами.

Однако о намерении шаха Аббаса захватить Кандахар при сефевидском дворе было известно, так как он сам часто об этом говорил. По свидетельству испанского посла Делла Валле, однажды шах Аббас, разговаривая с ним, указал на хана Алама и сказал: «Видишь индийского посла, стоящего там? Если его царь, шах Салим, не вернет мне Кандахар, он увидит, что я сделаю!»⁴³⁰ В таком случае не совсем понятно, почему в записях Джахангира не упоминается о подобных планах шаха Аббаса, которые, по всей вероятности, были переданы ему ханом Аламом.

Шаха Аббаса не оставляла мысль вернуть себе Кандахар. Для достижения своей цели он в полной мере использовал дипломатию, отправив несколько больших посольств, не говоря уже о посланниках, которые везли дары и письма могольскому императору. То, что каждое посольство шаха Аббаса поднимало вопрос о Кандахаре, свидетельствует о его стремле-

⁴²⁵ *Riazul Islam. Indo-Persian Relations. P. 79–80.*

⁴²⁶ *Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 683.*

⁴²⁷ Там же. С. 676, 683–684.

⁴²⁸ *Тузук-и Джахангир. С. 351.*

⁴²⁹ *Edwards. Relations of Shah Abbas. P. 259; см. также: Roe. The Embassy. P. 400.*

⁴³⁰ Цит. по: *Edwards. Relations of Shah Abbas. P. 263.*

нии к мирному решению этого вопроса, например, путем переговоров, и избежания открытого военного конфликта, который мог привести к войне Сефевидов с Моголами, имевшими более чем столетние дружественные отношения.

В период после посольства Зейнал бека и до оккупации Кандахара в 1622 г. шах Аббас отправил 5 своих посланников с подарками ко двору Джахангира⁴³¹. Убедившись, что этот путь не приносит результатов, шах Аббас в феврале 1622 г. выступил из Исфахана по направлению к Кандахару⁴³². Из дневника Джахангира можно узнать, что весть об этом император получил, находясь в Кашмире⁴³³. Он рассказывает о своем величайшем удивлении и отдает приказ шаху Джахану⁴³⁴ немедленно отправиться к театру боевых действий⁴³⁵. Однако шах Джахан отказался участвовать в военной экспедиции, так как знал, что его отсутствие в это время может ослабить его положение в Индии и притязания на трон могут быть отвергнуты в пользу младшего брата Шахрияра⁴³⁶. Шах Аббас осадил Кандахар, где находился гарнизон всего лишь из 300 солдат⁴³⁷. Захватить крепость не представляло большого труда, и после недолгой осады она была оккупирована Аббасом в июне 1622 г.⁴³⁸

Мы не можем согласиться с точкой зрения индийских и пакистанских историков, что шах Аббас после своей неудачной попытки захвата Кандахара в 1606 г. потому и проводил политику полного доверия и дружбы к могольскому императору⁴³⁹, т. е. всячески усыплял бдительность последнего, чтобы, улучив момент, отобрать у него Кандахар. Шах Аббас действительно делал все, чтобы Джахангир сам отдал крепость, которая, как он считал, после оказания военной помощи Хумайуну шахом Тахмасибом для восстановления власти последнего в Индии по договоренности⁴⁴⁰ должна была по праву принадлежать Сефевидам. Но Хумайун, как известно, нарушил вышеупомянутый договор, оставив Кандахар себе⁴⁴¹, и поэтому шах Аббас прилагал все усилия для того,

⁴³¹ Тузук-и Джахангири. С. 324–325, 328, 332, 343.

⁴³² Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 679.

⁴³³ Тузук-и Джахангири. С. 343.

⁴³⁴ Сын Джахангира, впоследствии император империи Великих Моголов (1628–1657) (см.: *Босворт*. Мусульманские династии. С. 268).

⁴³⁵ Тузук-и Джахангири. С. 343.

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ *Srivastava. Policies of the Great Mughals*. P. 121–122.

⁴³⁸ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 685.

⁴³⁹ См.: *Srivastava. Policies of the Great Mughals*. P. 121; *Ishwari Prasad. The Mughal Empire*. P. 418; *Riazul Islam. Indo-Persian Relations*. P. 79–80.

⁴⁴⁰ *Roy Choudhury. The State and Religion*. P. 90.

⁴⁴¹ *Ibid*. P. 91.

чтобы вернуть эту важную крепость мирным путем. Об этом свидетельствуют многочисленные посольства и эмиссары, посланные ко двору Джахангира шахом Аббасом с многочисленными дарами из Ирана, о которых упоминалось выше. Эти же историки упрекают шаха Аббаса и в том, что он, якобы воспользовавшись неблагоприятной обстановкой, сложившейся в это время в Индии⁴⁴², захватил Кандахар⁴⁴³. Однако не мешало бы вспомнить, что когда в 1595 г. Акбар отнял Кандахар у Сефевидов, эти же ученые, признавая, что в то время «шах Аббас был страшно занят турками и узбеками», т. е. что император воспользовался явной слабостью шаха, называют проведение этой кампании Акбаром «искусным дипломатическим приемом»⁴⁴⁴. Такими же необоснованными кажутся нам обвинения индийских историков в том, что «льстивые речи и богатые подарки шаха Аббаса пробили брешь в обороне моголов», и потому они якобы перестали обращать внимание на оборону Кандахара⁴⁴⁵. Этим ученые пытаются оправдать Джахангира, считая, что шах Аббас усыпил бдительность императора и застиг последнего врасплох. Но как найти объяснение тому, что император держал в Кандахаре всего лишь 300 солдат⁴⁴⁶, что характеризует его как слабого недальновидного правителя, тем более, что каждое сефевидское посольство ставило его в известность о планах шаха Аббаса насчет Кандахара⁴⁴⁷. Кроме того, индийские ученые, ссылаясь на то, что в дневнике Джахангира нет упоминаний о переговорах с шахом Аббасом по поводу Кандахара, говорят, что могольский император не был в курсе планов сефевидского шаха⁴⁴⁸. Однако в дневнике Джахангира встречается запись, подтверждающая, что сефевидский посол Зейнал бек, прибывший в Индию в 1620 г., в переговорах говорил с императором о Кандахаре⁴⁴⁹, т. е. по меньшей мере за два года до оккупации Кандахара могольскому императору было известно о серьезности планов шаха Аббаса, и он не предпринял ничего, чтобы как-то укрепить оборону крепости.

⁴⁴² При могольском дворе в 1622 г. шла борьба за власть между Нур Джахан, женой императора, и шах Джаханом, сыном Джахангира, который затем восстал против своего отца (см.: *Синха, Банерджи*. История Индии. С. 240).

⁴⁴³ *Riazul Islam*. Indo-Persian Relations. P. 80; см. также: *Ishwari Prasad*. The Mughal Empire. P. 413; *Srivastava*. Policies of the Great Mughals. P. 121.

⁴⁴⁴ *Ishwari Prasad*. The Mughals Empire. P. 270; см. также: *Srivastava*. Policies of the Great Mughals. P. 120.

⁴⁴⁵ *Ishwari Prasad*. The Mughals Empire. P. 418; см. также: *Srivastava*. Policies of the Great Mughals. P. 121.

⁴⁴⁶ Тузук-и Джахангири. С. 343.

⁴⁴⁷ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 683.

⁴⁴⁸ *Riazul Islam*. Indo-Persian Relations. P. 79.

⁴⁴⁹ Тузук-и Джахангир. С. 351.

После захвата Кандахара шах Аббас для того, чтобы смягчить гнев Джахангира, отправил двух послов — Мир Вели бека и Хейдар бека к могольскому двору⁴⁵⁰. Мы располагаем лишь письмом от шаха Аббаса Джахангиру, которое вез Хейдар бек, свидетельствующем о том, что после оккупации крепости шах пытался сохранить традиционно дружеские отношения с могольским императором. В письме шах Аббас говорит о том, что многие земли Ирана были утрачены в результате беспорядков, которые последовали после смерти шаха Тахмасиба. Все они, кроме Кандахара, были возвращены шахом Аббасом. Далее он пишет, что так как Кандахар находился в руках людей Джахангира, то он (шах), считая их своими слугами, не полагал, что это нарушит их позиции. Шах Аббас объясняет, что все время надеялся, что Джахангир, следуя примеру своих предков, сам вернет Кандахар Ирану, но после того как тот не сделал этого, он (шах) в своих письмах и посланиях попросил возвратить ему крепость. Не получив благосклонного ответа, он выступил к Кандахару для совершения путешествия и охоты, не взяв с собой осадного снаряжения, надеясь, что могольские офицеры тепло примут его, чтобы еще раз показать всему миру согласие и союз между двумя правящими династиями. Но командующие крепости игнорировали послания и указания, которые он (шах) им посылал. Тогда он и приказал осадить крепость. Под его сильным натиском могольские командиры стали умолять его о мире. Вместе с подателем сего письма Хейдар беком они посылаются к императорскому двору. Далее из письма следует, что хотя, по его мнению, командиры были виноваты своим противодействием, противоречащим их взаимному согласию, их следует простить, поскольку они выполняли свой долг. Затем шах Аббас выражает надежду, что эти события не смогут омрачить их глубокую и нерушимую дружбу⁴⁵¹. В конце письма он добавляет, что вся территория Ирана фактически принадлежит Джахангиру, который может передать ее тому, кому захочет.

Чрезвычайно интересным является письмо⁴⁵², написанное шахом Аббасом I султану Турции⁴⁵³ вскоре после оккупации Кандахара, которое проливает свет на истинные мотивы захвата крепости. В нем шах приводит

⁴⁵⁰ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 686.

⁴⁵¹ Текст письма см.: *Сабетийан*. Аснад ва намеха-и тарихи: доура-и Сафавийа. С. 312–315; см. также: *Фалсафи*. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. IV. С. 103–105.

⁴⁵² *Riazul Islam*. Calendar of Documents. II. P. 307–308.

⁴⁵³ Заголовок данного письма гласит: «Письмо покойного шаха Аббаса, посланное вскоре после захвата Кандахара через Челеби ага к правителю Турции, являющееся сочинением дяди составителя Искендера бека Мунши». Как видно, имя султана в заголовке не указано. По всей вероятности, письмо было адресовано Осману II (1618–1622), после смерти которого на престол Турции взошел Мустафа I (1617–1618 и 1622–1623).

другие аргументы проведения этой акции, нежели в вышеприведенном письме могольскому императору, и открыто пишет о причине захвата крепости.

В нем, в частности, шах Аббас пишет, что еще со времен шаха Тахмасиба Кандахар и Заминдавар были сефевидскими владениями, но вследствие некоторых превратностей территория перешла в руки тимуридских правителей Индии. Принимая во внимание старинную дружбу между двумя династиями (Сефевидами и Моголами), он (шах) проявил большое терпение и сдержанность в этом вопросе. Стремясь избежать вражды, он поднимал этот вопрос с Джахангиром через послов, приезжающих или отправляющихся в Индию. И так как от той стороны ответа не последовало, то он (шах) решил захватить эту территорию. Далее он, описывая захват крепости, сообщает, что поскольку командующие крепости решили оказать сопротивление, то он осадил и атаковал Кандахар. Через 20 дней осады могольские командующие умоляли о прощении и всем, включая Абд уль-Азиз хана⁴⁵⁴, было позволено уехать в Индию. Так территория Кандахара и Заминдавара перешла во владение Ирана.

Джахангир, получив письмо шаха Аббаса, раскрывающее, как тот решился на захват Кандахара, посылает свой ответ вместе с возвращающимися сефевидскими послами Хайдар беком Юзбаши и Вели беком, которые были отпущены в Иран в том же 1622 г.⁴⁵⁵

Это очень интересное с точки зрения дипломатии письмо. Оно хоть и написано в дружеском тоне, тем не менее в нем можно почувствовать нотки протеста, хотя автор старается не выдать своей слабой позиции, чтобы не потерять остаток старой дружбы и расположения шаха Аббаса.

Письмо начинается с восхваления Аллаха, который сделал твердость договоров и соглашений средством поддержания мирового порядка и всеобщего благополучия. Джахангир также отмечает, что, несмотря на древние узы согласия, шах Аббас поступил не по-дружески, двинувшись на Кандахар. Но затем император благодарит за письмо, которое привезли Хейдар бек и Вели бек, указывая, что ни один сефевидский посол до Зейнал бека не поднимал вопроса о Кандахаре и что он (Джахангир) заверил Зейнал бека, что после того, как будут преодолены неприятности, имеющие место в Деккане, он (Джахангир) решит эту проблему положительно. А тем временем пришли невероятные вести о походе шаха в Кандахар. Вначале он (Джахангир) отказался верить этому, но когда вести подтвердились, послал указания Абд уль-Азиз хану не портить удовольствия своему процветающему брату (шаху). Далее он пишет, что со стороны брата (шаха)

⁴⁵⁴ Могольский командующий Кандахара позже был наказан за то, что не мог удержать Кандахар (см.: Тузук-и Джахангирн. С. 386).

⁴⁵⁵ *Фалсафи*. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. IV. С. 105.

неприлично действовать таким образом, не дождавшись возвращения своего посла и не узнав, успешно ли решен вопрос, который ставило его посольство. В конце автор письма задает вопрос: «Чью сторону [Джахангира или шаха] примут люди мира в этом затруднительном положении?»

Во всяком случае, неприятности в Деккане, о которых говорит Джахангир в письме, пошатнувшееся здоровье императора и самое главное — мятеж шаха Джахана действительно сдерживали действия Джахангира, направленные на возврат Кандахара. По записям, сделанным Джахангиром в дневнике, можно узнать, что в это самое время он планировал большое, масштабное вторжение в Иран⁴⁵⁶.

Новые интересные сведения об изменившемся отношении Джахангира к шаху Аббасу можно почерпнуть из указа («нишан») ⁴⁵⁷, изданного императором Индии на имя Мир Барака⁴⁵⁸. В нем есть отрывок, касающийся шаха Аббаса I, где Джахангир пишет, что тот оказался недоброжелательным и неблагодарным, хотя всегда заявлял о своей искренности к нему (Джахангиру), и что он (Джахангир) такую проявлял доброту и благосклонность, одаривая его (шаха) многочисленными и ценными подарками. И теперь, когда из-за религиозных различий и фанатизма шах Аббас обманул его, ему (Джахангиру) необходимо наказать шаха, и слава Богу, что он (император) и хан⁴⁵⁹ одной веры и, следовательно, из чувства долга должны объединиться. Далее Джахангир отмечает, что он уже приказал султану Шахрияру⁴⁶⁰ с Рустамом мирзой⁴⁶¹ и преданным сыном ханом Джаханом⁴⁶² направиться в Кандахар с огромной армией, чтобы наказать шаха Аббаса.

Как видим, Джахангир серьезно готовился к походу с целью возвращения Кандахара⁴⁶³, и для достижения своей цели пошел на союз с узбеками⁴⁶⁴. Но неприятности в стране, интриги при дворе и слабое здоровье не дали осуществиться его планам.

Тем временем шах, стараясь успокоить императора и уменьшить горечь от потери Кандахара, часто посылает своих послов и послания.

⁴⁵⁶ Тузук-и Джахангири. С. 352.

⁴⁵⁷ Цит. по: *Riazul Islam. Calendar of Documents*. II. P. 234.

⁴⁵⁸ Могольский посол в Мавераннахре.

⁴⁵⁹ Имеется в виду правитель в Бухаре имам Кули хан из династии Джанидов, сменивший правителей из династии Шейбанидов.

⁴⁶⁰ Младший сын Джахангира.

⁴⁶¹ Имеется в виду Рустам Мирза Сефеви.

⁴⁶² Имеется в виду хан Джахан Лоди.

⁴⁶³ Тузук-и Джахангири. С. 354.

⁴⁶⁴ В первые 15 лет своего правления Джахангир имел немного контактов с узбеками. Но после того, как шах Аббас стал требовать себе Кандахар, Джахангир, чтобы заручиться дополнительной поддержкой, открывает дипломатические отношения с узбеками и в феврале 1621 г. посылает Мир Барака в Бухару (см.: Тузук-и Джахангири. С. 325), после чего начинается обмен посольствами.

В 1624–1625 гг. шах Аббас отправил своего посла Ага Мухаммеда к могольскому двору, где было вручено письмо⁴⁶⁵ с известиями о недавней победе шаха над турками — захвате Багдада⁴⁶⁶. В письме, как всегда, упоминается о традиционной дружбе двух династий (Сефевидов и Моголов). И еще шах надеется, что если недавно Джахангиру случайно и была причинена неприятность, то это не испортит их добрые отношения. Далее шах Аббас подробно описывает битву за Багдад. В конце он сообщает императору, что посылает в качестве редкого подарка белого сокола. Неприятностью, о которой неопределенно упоминается в письме, по всей вероятности, была оккупация Кандахара.

Джахангир принял посла в октябре 1625 г. и отпустил его через шесть месяцев с щедрыми дарами и наградами для шаха Аббаса⁴⁶⁷. Возвращающемуся послу было вручено ответное письмо⁴⁶⁸, в котором Джахангир выражает великое удовольствие от получения послания от шаха Аббаса, переданного через Ага Мухаммеда. Далее Джахангир отмечает, что после окончания недавних волнений в Бенгале и Деккане⁴⁶⁹ он приехал в Кашмир, и в это великолепное место прибыл Ага Мухаммед, от которого он с удовольствием узнал о победе шаха Аббаса в Багдаде и его посещении гробниц имамов. В конце Джахангир добавляет, что он желает шаху долгой жизни и процветания. Ссылаясь на давнее согласие между двумя династиями, император выражает надежду, что оно будет продолжаться во все времена и шах продолжит писать ему о своих делах.

Как можно увидеть из письма, Джахангир вообще не упоминает о Кандахаре, и его письмо, как и прежде, изобилует выражениями любви и дружбы. В нем император пишет о шиитских имамах, что является нехарактерным для предыдущих писем Джахангира, и говорит о желании улажить религиозные воззрения шаха Аббаса.

Из письма явствует, что после победы шаха в Багдаде престиж его сильно возрос, и Джахангир, по-видимому, полностью отказался от своего плана похода на Иран и «позабыл» о потере Кандахара, желая восстановить дружеские связи с шахом Аббасом.

В октябре 1626 г. шах Аббас отправил в Индию посольство с соболезнованиями по поводу смерти принца Парвиза⁴⁷⁰ во главе с Тахта беком Юзбаши Устаджлу⁴⁷¹. Однако прежде чем Тахта бек покинул Иран, из Индии пришла весть о смерти Джахангира, и посольство было отменено⁴⁷².

⁴⁶⁵ *Сабетийан*. Аснад ва намеа-и тарихи: доура-и Сафавийа. С. 317–319.

⁴⁶⁶ Багдад был завоеван шахом Аббасом 14 января 1624 г. (см.: *Savory*. Iran under the Safavids. P. 88–89).

⁴⁶⁷ Тузук-и Джахангири. С. 399–401.

⁴⁶⁸ *Riazul Islam*. Calendar of Documents. I. P. 217.

⁴⁶⁹ Имеется в виду бунт шаха Джахана.

⁴⁷⁰ Второй сын Джахангира, умер в 1626 г.

⁴⁷¹ Тарих-и Алам арай-и Аббаси. С. 750.

⁴⁷² Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос изучения истории дипломатических отношений между Сефевидским государством и Могольской империей в XVI–XVII вв. по материалам сборника «Мунша'ат-и Салатин» имеет исключительную важность, так как переписка в средние века была основным средством установления и поддержания межгосударственных и частных контактов. В официальной и частной корреспонденции правителей и высокопоставленных чиновников этих двух стран содержатся ценнейшие сведения, охватывающие почти все стороны политической жизни, необходимые для полного изучения эволюции отношений Сефевидов и Великих Моголов, начиная с первой половины XVI до первой четверти XVII в.

Недавно обнаруженная нами рукопись под названием «Мунша'ат-и Салатин», хранящаяся в Институте рукописей НАН Азербайджана, и многие другие письма из различных коллекций дипломатической переписки дали нам возможность устранить некоторые пробелы в истории дипломатических отношений между Сефевидами и Моголами в рассматриваемый период.

Проводя всестороннее исследование и источниковедческий анализ исторических документов типа «мунша'ат», мы попытались доказать их достоверность и значимость, а также важность их изучения наряду с изучением других первостепенных исторических документальных источников.

Применяя последние достижения источниковедческой науки и используя приемы исторической критики, мы не только провели классификацию «мунша'ат», установили условные формуляры собранных в них писем, но и выделили типические обороты речи и характерные термины, присущие тому периоду.

Классификация источников по формулярным признакам помогает выявить средний (типичный) формуляр эпохи, что является особенно необходимым для нас, поскольку помогает в деле изучения недатированных или анонимных источников, каковым является «Мунша'ат-и Салатин». Кроме того, установление типичного формуляра может также способствовать изучению обычаев той или иной эпохи.

Работа над собранным материалом позволяет сделать вывод, что в терминологии «инша'» того времени наблюдалась сильная неупорядоченность, т. е. создалось положение, когда одним и тем же термином обозначались различные понятия, которые, в свою очередь, определялись неточно, когда одному и тому же понятию присваивались разные названия, а также отсутствовали необходимые термины для самих этих понятий. По этой причине мы попытались систематизировать термины, встречающиеся в «инша'» того времени. Упорядочивание мы начали с анализа состояния понятийного аппарата, выявления однотипных понятий, а также установления причин возникновения хаотичности в научной терминологии.

В данной работе нами не только рассматриваются формы и структурные особенности эпистолярного «инша'», но и определяется стиль сефевидских и могольских дипломатических посланий, прослеживаются процесс и вытекающие из него правила написания официальных писем.

При изучении собранного материала мы, используя приемы исторической критики, сравнивали содержащиеся в этих памятниках сведения со свидетельствами об определенных исторических событиях и фактах из других источников, отрицали или соглашались с информацией, содержащейся в них. И в том и в другом случае мы стремились подкрепить данные, почерпнутые из имеющихся у нас писем, фактами из различных нарративных исторических сочинений.

Приложения

ПЕРЕВОДЫ ПЕРЕПИСКИ СЕФЕВИДОВ И ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ ИЗ СБОРНИКА «МУНША'АТ-И САЛАТИН»

№ 1. Копия письма, написанного Хумайун-падишахом шаху Тахмасибу

Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

После приветствий, молений и изъявлений преданности, которые являются обязательными в отношениях искренних друзей, сообщаю, что я считаю себя пылинкой перед солнцем величия и могущественности Его Величества — тени Бога, который является обладателем совершеннейших качеств.

Мое сердце, наполненное искренностью и любовью [к Вам], постоянно тянулось к доставляющему радость порогу Его Величества, от которого исходят счастье и успехи. Но из-за подлости времени и вероломности коловращения небосвода мне пришлось покинуть обширные владения великого Хиндустана и прибыть в тесный Синд.

Бейт: С нами случилось все, что могло случиться — и в горах, и в степи,
и на море!

Сейчас, в результате больших усилий, на горизонте видны крылья птицы счастья и удачи. Надеюсь, что после возвращения власти, которая является источником многих успехов, я смогу изложить Его Величеству все пережитое мною. Если будет угодно Аллаху!

№ 2. Копия письма, написанного Хумайун-падишахом шаху Тахмасибу

Вечное бытие и постоянное правление принадлежит не нам — лишь Всевышнему принадлежит вечное бытие и непрерывное правление!

Моя чистая душа, которая является зеркалом божественных тайн и несомненных предначертаний, выражая искренние чувства дружбы и преданности, сообщает, что в день сотворения в существо этого любящего [раба Божьего] вложена беспредельная любовь к священному роду Пророка [Мухаммеда] и невинным Имамам. И по велению величественного Господа — Вершителя судеб этот ничтожный [раб Божий] по мере своих сил и возможностей проявлял усилие и усердие по выполнению всех предписаний⁴⁷³ и осуществлению догм шариата главы посланников⁴⁷⁴. И в этом деле не осталось никакой заботы и тревоги в сердце этого от души любящего и вечного друга [Пророка и его рода] — все желания, которые появлялись [у меня], нашли свое осуществление благодаря милости и щедрости того ни в чем не нуждающегося господина⁴⁷⁵, за исключением того, что мне не довелось иметь счастье обойти вокруг могил святых Имамов, особенно Мешхеда⁴⁷⁶ Резы — султана ангелов и людей, то есть покровителя обездоленных Абульхасана Али ибн Муса ар-Реза, — тысячи ему приветствий и восхвалений!

Стих: Тот, пыль с ног которого служит тутней для наших глаз,
Тот, который является нашим Имамом и предводителем в обоих мирах!

Всегда, день и ночь, я беспрерывно молился Повелителю миров, чтобы он способствовал достижению такого счастья. И вот появились плоды этих молений — благоухающий ветерок милосердия донесся до жителей дома скорби и разлуки, и ангел-вестник постучался в дверь с благой вестью и сообщил о возможности посещения гробницы Его Величества Имама [Резы].

Бейт: Твоя [настоящая] обитель — это небеса,
И стыдно тебе прийти и обосноваться в мире праха!

Как только эти слова донеслись до ушей [моего] разума, [я] очистил свое сердце от земных привязанностей, украсил свое внутреннее зеркало предельной искренностью, преданностью и праведностью и отправился (в путь). Но, несмотря на это, я ждал разрешения Его Величества [Тахмасиба] на то, чтобы совершить паломничество в священный город Имама [Резы]. И, наконец, этот находящийся в ожидании преданный любящий удостоился чести получить высокочтимое письмо, что послужило источником бесконечной радости. И высказав эти слова:

⁴⁷³ Имеется в виду ислам.

⁴⁷⁴ Имеется в виду Мухаммед.

⁴⁷⁵ Имеется в виду Аллах.

⁴⁷⁶ Имеется в виду город Мешхед (букв.: «место мученической гибели»), где находится гробница восьмого шиитского имама Резы.

С караваном надежды отправился в сторону Каабы желаний [далее приводится аят из Корана].

№ 3. Ответ шаха Тахмасиба Хумайюн-падишаху

⁴⁸¹ Имеется в виду шиизм.

И вести о [наших] победах и поражениях врагов в результате [Вашей] помощи и содействия дойдут до небес, и сад любви к роду Пророка расцветет еще пышнее. Надеюсь, что после [нашей] полезной встречи будет столько удач и побед, что о них узнают во всех уголках Хиндустана, Туркестана, Ирана и Турана, и их будут вспоминать веками. С помощью Его Величества [Хумайуна] [я] сровню с землей завистников и сеятелей раздора в Индии, огненным мечом разгромлю ту группу негодяев⁴⁸², превращу тьму неверия того края в свет истинной веры⁴⁸³, и все люди земли будут наблюдать за победами и успехами нашего освещающего весь мир меча. Иншааллах!

№ 4. Копия письма Его Величества шаха Тахмасиба, обитателя рая, Адиль шаху

Наилучшие приветствия и моления, с которыми соловьи любви и дружбы приступают к песнопению, приносятся в дар величественному и могущественному двору главы великих султанов и счастливых правителей, приводящему дела мира в порядок и обеспечивающему людям спокойствие и безопасность, удачливому, справедливому и щедрому повелителю, устраняющему признаки неверия и насаждающему правила правозверности, подтверждающему тем самым смысл изречения: «Справедливый правитель — тень Аллаха»! — Адиль шаху — да продлится до вечности его величие и правление! Мы постоянно следим за тем, как этот высокопоставленный султан с каждым днем поднимает еще выше знамя истинной веры⁴⁸⁴ и с помощью своего закаленного меча стирает с лица земли пыль неверия, добиваясь при этом успехов и побед, блестящих, как солнце, и сияние их доходит до каждого уголка земли [приводится аят из Корана].

Далее доводится до сведения Его Величества, что высоконравственный господин, глава великих сейидов, избранник стран ислама, указывающий правильный путь людям и пользующийся доверием султанов, благородный и счастливый Мустафа хан постоянно питал благосклонность и проявлял преданность нашему высокому роду, да и его предки находились в числе приближенных нашей династии. И за все это время, пока он находится в тех краях⁴⁸⁵, он постоянно выражает свою привязанность,

⁴⁸² Имеется в виду Шер шах и его сторонники, вынудившие Хумайуна покинуть свои владения в Индии.

⁴⁸³ Имеется в виду шиизм.

⁴⁸⁴ Имеется в виду шиизм.

⁴⁸⁵ Т. е. в Биджапуре, владениях Адиль шаха.

преданность и веру [нам] посредством писем и посланий. И мы неоднократно [в своих письмах] выражали свое уважение, любезность и милость к нему и поощряли его к тому, чтобы он пожаловал к нам. И вышеупомянутый хан решил направиться к нам и испытать счастье от этой встречи. Но поскольку он знает о моей дружбе и единстве с Его Величеством, ему пришлось добиться разрешения Его Величества и осуществить эту поездку под его покровительством, чтобы это способствовало усилению дружбы и укреплению наших связей.

И после того, как это обстоятельство стало известно моей чистой душе, я неоднократно в своих письмах просил [Вас] позволить вышеупомянутому хану отправиться в путь. И Его Величество обещал, что отправит вышеупомянутого почтенного сейида, но уже прошло немало времени и нет известий об отправлении вышеупомянутого хана.

Мы, поскольку полностью верим в искренность Его Величества, считаем, что причиной этой задержки не может быть препятствие [со стороны] Его Величества. Наверное, препятствием послужило то, что высокопоставленный султан [Адиль шах] в течение этих двух лет был занят в сражениях с неверными европейцами — да проклянет их Аллах! — и поэтому корабль желания не достиг берегов цели.

Слава Аллаху, что уже подул ветер победы и раскрылся бутон удачи, и не осталось никаких препятствий. Надеюсь, что, выполнив свое обещание, он [Адиль шах] отправит к нам вышеупомянутого хана со всеми почестями и уважением и не будет более задерживать его. Во всяком случае, это будет способствовать усилению нашей дружбы и укреплению единства. И мы, безусловно, отблагодарим за отправку вышеупомянутого хана, выполнив требование всеблагого [Аллаха]: «На добро отвечайте добром!»

Изложение остальных вопросов поручается Ага Мелику Мухаммеду — посланнику вышеупомянутого хана. Поэтому нет необходимости растягивать письмо.

Да защитит Всевышний Его Величество от превратностей судьбы и подстрекательств времени! Да расцветет сад его счастья и удачливости еще пышнее милостью Всемилоственного!

№ 5. Копия письма шаха Тахмасиба, обитателя рая, написанного Адиль шаху

Многочисленные моления, свидетельствующие о [нашей] искренней любви и выраженные в самых красноречивых словах, и бесчисленные приветствия, проявляющие [нашу] преданность и облаченные в самые благозвучные обороты [*приводится аят из Корана*], приносятся в дар

высочайшему собранию и славному двору Его Величества, обладающего величием, могуществом и храбростью, величайшего из султанов эпохи, возвышающего знамя праведности и правосудия, покровительствующего подданным и оказывающего им милость своей щедростью, защитника основ ислама и вырывающего корни неверия и язычества, основателя мощного государства, прославленного своей справедливостью и подтверждающего тем самым изречение — «Справедливый султан — тень Бога» — Адиль шаха — да продлится до вечности его правление милостью Всевышнего!

Мы всегда стремимся к укреплению искренних связей и дружеских отношений с Его Величеством и уделяем этому огромное внимание с тем, чтобы до конца жизни поддерживать дух доверия и взаимопонимания в наших отношениях, чтобы вести о нашем единстве дошли до ушей разума всех людей. И все наши сердечные пожелания сосредоточены на том, чтобы корабль желаний того высокопоставленного султана [Адиль шаха] плавал в океане устремлений так, чтобы ему не угрожали встречные ветры, и куда бы он ни направлялся, достиг берегов цели, без испытания приливами и отливами. И [моя] душа, постоянно питающая искренние чувства [к Вам], хочет того, чтобы всегда возвышалось его высокое положение и достигло пределов совершенства, чтобы неудачи и трудности обошли его стороной, чтобы нашли свое осуществление все высокие помыслы того справедливого султана [*приводится аят из Корана*].

Далее разум, украшающий мир, и душа, освещающая землю, свидетельствуют, что искренние отношения того величественного султана [Адиль шаха] с этим доброжелателем [Тахмасибом] известны всем и не нуждаются в изъяснении, и они построены на таком прочном фундаменте, что буря превратностей судьбы и происки времени не способны ослабить их.

Мисра: Это не тот фундамент, в котором можно пробить брешь.

И посредником этого великого дела⁴⁸⁶ является глава великих сейидов, высоконравственный господин, пользующийся доверием великих султанов, многоуважаемый, благочестивый, благородный и счастливый Мустафа хан. И вышеупомянутый [Мустафа хан] прежде, чем покинуть пределы нашего государства и отправиться туда, два-три раза был принят нами, и ему были оказаны наивысшие шахские милости и почести благодаря [его] традиционной благосклонности и преданности нашему вечному государству. И вышеупомянутый направился к покровительствующему миру двору [Адиль шаха] с полной надеждой на то, что как

⁴⁸⁶ Имеется в виду дружба между шахом Тахмасибом I и Адиль шахом.

только он удостоится чести целовать его порог, он будет возвеличен беспредельными милостями и почестями так, что это станет объектом зависти всех людей, ибо он полностью находится в курсе дружеских связей этого благожелателя [Тахмасиба] с Его Величеством. И поэтому он рассчитывал на благожелательность Его Величества и надеялся, что, получив некоторые необходимые [предметы] для дороги, снова отправится к нам, чтобы способствовать еще большему усилению единства двух сторон.

И я отправил письмо и довел до сведения Его Величества, чтобы он отпустил вышеупомянутого [Мустафу хана]. И Его Величество в своем славном ответном письме писал, что поскольку завоевание области Биханегар стало возможным благодаря усилиям того праведного и мудрого хана [Мустафы хана], отправка вышеупомянутого откладывается еще на один год, чтобы с помощью закаленного меча полностью уничтожить несчастных неверных в этой стране. И после этого вышеупомянутый получит разрешение и обретет возможность свидания с тем двором, покровительствующим миру.

Однако прошло немало времени с того обещания, и до сих пор нет известий об отправке вышеупомянутого хана к нам. Надеемся, что Его величество, согласно аяту [*цитируется Коран*], выполнит свое обещание и немедленно отправит вышеупомянутого хана к нам. И это станет еще одним подтверждением наших добрых отношений перед миром и мирянами. Если Его Величество отправит вышеупомянутого хана со всеми почестями, то это [*цитируется Коран*] поможет установлению таких прочных и добрых отношений дружбы и единства, о которых предшествующие и последующие султаны не могли бы даже мечтать.

№ 6. Копия письма, написанного покойным правителем шахом Исмаилом II Мухаммеду Хакиму мирзе, брату шаха Индии Джалал ад-дина Акбар шаха

Высокопоставленный и высокочтимый, обладатель величия и благородства, украшение престола и государства Мухаммед Хаким Мирза, чье изложение и изъявление приносит безмерную радость сердцам преданных друзей и облагораживает душу искренних доброжелателей, прислал [нам] послание, подобное благоухающему ветерку. Наше сердце, наполненное чувствами давней дружбы и любезности, постоянно желает усиления [его] могущества и возвышения [его] положения.

Далее разум, украшающий мир, отмечает, что в эти счастливые времена, когда благодаря божественной милости и чистоте помыслов наш

высокий престол добился значительного превосходства и безграничных возможностей, все наши мысли и поступки направлены на наведение порядка и достижение благородных целей. Мы возвысили знамя справедливости, дабы дела всех людей — и простых и знатных — находились в порядке, чтобы все люди жили в спокойствии и благоденствии, памятуя изречение «Справедливый правитель — тень Бога», и чтобы все желающие могли беспрепятственно совершать паломничество в Каабу и достичь этой высокой цели.

Когда могучий падишах Захирад-дин Мухаммед Бабур, твой высокопоставленный дед, обратился за помощью к моему благородному деду шаху Исмаилу [I] — да поместит Аллах его душу в райских садах! — который в своем величии не уступал Феридуну, Джамшиду, Искендеру и Сулейману⁴⁸⁷, он проявил огромное великодушие, и в результате оказанной им помощи и поддержки его победоносной армии тот господин [Бабур] осуществил свои намерения и добился своих целей. И после этого твой почтенный отец Муизз ад-дин Хумайун-падишах также обратился к высокому двору моего покойного отца [шаха Тахмасиба I] — да освятит Аллах его могилу! — и, пользуясь его поддержкой и помощью, победил своих врагов и вернул обратно хранимые Богом владения.

И сейчас, как будто в подтверждение известного всем хадиса [*приводится текст хадиса на арабском языке*], одна из счастливых звезд того созвездия, то есть высокого рода⁴⁸⁸, пожелует к нам. Первым, кто удостоился чести находиться на собраниях нашего дворца — покровителя всех людей, стал Феридун Мухаммед хан, который после паломничества в Хиджаз пожаловал к нам и был встречен со всеми почестями. Он же сообщил, что третьим [членом династии Великих Моголов, посетившим Иран] будет украшение шахского престола [Мухаммед Хаким мирза]. Если будет угодно Аллаху, то в скором времени [Мухаммед Хаким] своим посещением окажет честь этой [нашей] стране, что будет способствовать усилению взаимной доброжелательности и укреплению дружбы, и, побывав в святых местах, добьется своей высокой цели⁴⁸⁹.

Желательно, чтобы до достижения той высокой цели [он] поддерживал постоянную связь через письма и послания, сообщал об общем и личном положении.

Поскольку наши искренность и единство совершенно явны, то нет нужды растягивать изложение. Да продлится Ваше правление и счастье!

⁴⁸⁷ Героические персонажи поэмы Фирдоуси «Шах-наме».

⁴⁸⁸ Имеется в виду династия Моголов.

⁴⁸⁹ Мухаммед Хаким мирза собирался посетить Мекку, а по пути побывать в Иране.

Его миссией страна веры получила особый наряд,
Его поддержкой шариат обрел прочность.
Он — наследник завещаний [Пророка] и Имам,
наставляющий людей на путь истинный.

Стх: Его миссией была защита веры,
И продолжение дела Пророка.
Он — покровитель земли, а его двор — в небесах,
Он — проявление истины и божественной милости.
Наилучшие приветствия ему и его святому роду!

Правителям страны красноречия и взыскующим сокровенные истины известно, что, согласно [*цитата из Корана*], священные души человеческие до того, как встретиться и общаться в материальном мире, имели связь и близкие отношения в духовном мире, и это [*цитируется Коран*] не что иное, как отражение божественной любви, поэтому корыстные отношения сего бренного мира не могут сравниться с ними. И такая [духовная] близость и дружба бывает прочной, не подвергается превратностям, не испытывает нарушений и ослаблений. Особенно тогда, когда основы таких отношений заложены предками и переданы по наследству из поколения в поколение.

Хотя дальность расстояния и препятствует нашей реальной [личной] встрече и общению, однако оно [расстояние] не может преградить путь духовной и душевной близости.

Стих: На дороге дружбы не может быть и речи
о близости и дальности [расстояния],
Если между друзьями будет даже сто тысяч привалов!

Тем не менее искренний характер часто не удовлетворяется этим и хочет, чтобы эта внутренняя связь проявлялась во внешних доказательствах, [и] поэтому, прибегая к помощи писем и посланий, посредством их подтверждает свое единство и преданность и старается искренними и дружелюбными словами, вышедшими из-под искусного пера, порадовать душу и освежить разум друзей. Исходя из этого, шлю самые искренние приветствия и пожелания, свидетельствующие о нашей преданности, в адрес Его Величества, могущественного правителя, обладающего умом Феридуна, храбростью Рустама, щедростью Джамшида, справедливостью Нуширавана, богатством Сулеймана и величием Искандера.

Стих: Справедливый и благородный шахиншах,
который с ног до головы одарен божественной милостью.
Возвышающийся над покровительством Аллаха,
Освещающий пиршество правления.

От него исходят благодеяния, он благоустранивает мир, в результате чего с каждым днем возвышается его слава, ему сопутствуют удачи и победы.

Стих: Он — сияющая Луна из неба бытия,
Он — драгоценный жемчуг из океана щедрости.
Он — украшает корону правления,
Он — владеет тронем Искандера.
Птица-Феникс под этим голубым небосводом
Бросает свою тень лишь на его голову!

В его подчинении находятся огромные территории на суше и море, он обладает мощной и непобедимой армией.

Стих: Шах, которому подчинены небеса,
Перед ним изъявляют свою покорность
Плеяды и Близнецы.
В бою он подобен Хайдару [Али],
От страха перед ним вздрагивает даже гора Каф.

Он — распространяющий мир и безопасность и удостоившийся божественной щедрости и милости, великодушный и величественный хаган Джалал ад-дин Акбар-шах — да продлит Аллах его правление! Со всей сердечностью пожеланий и искренностью намерений, что в правилах преданных друзей, мы молимся Всевышнему, чтобы тот еще больше возносил его положение и увеличил его могущество и богатство, расширил его владения, что в интересах всех людей. Надеемся, что эти мольбы будут услышаны и наши сердечные пожелания найдут свое осуществление.

Стих: Пусть его дворец возвышается так,
чтобы небеса стали подстилкой его порога.

Хотя и не удостоился чести созерцать [Ваше] счастливое лицо, но в пиршествах дружеского общения мой внутренний взор постоянно устремляется в лицо не имеющего себе равных правителя.

Стих: Хотя мои глаза лишены возможности видеть тебя,
Но глазами сердца я всегда созерцаю твое лицо.

После всех этих приветствий и искренних пожеланий, что необходимо для проявления благожелательности и преданности, доводится до Вашего сведения, что всем известна прочная дружба и единство, которые имели место в отношениях моего покойного деда — покровителя ислама и обитателя рая — и твоего почтенного и могущественного отца⁴⁹¹ — да освятит Аллах их могилы и поместит их души в райских садах! И когда Его Величество [Хумайун] пожаловал к нам, два счастливых правителя заключили

⁴⁹¹ Имеются в виду соответственно шах Тахмасиб I и Хумайун падишах.

прочный союз и договорились, что и впредь должны сохраняться дружба и единство между сторонами. Это со всей ясностью было подтверждено во время восшествия на престол того счастливого правителя⁴⁹². И пока эти славные повелители находились на престоле правления, [они] так безупречно соблюдали эти договоренности, что лучше трудно себе вообразить. Они постоянно предпринимали шаги в сторону укрепления дружественных отношений, поддерживали непрерывную связь посредством писем и посланий, чему завидовали многие знаменитые правители того времени.

Когда Его Величество [Хумайун], оставив этот бренный мир, переселился в мир вечного блаженства и шахский престол был украшен [Твоим] восшествием, ожидалось, что Ты, исходя из указания о том, что *[цитируется Коран]*, будешь следовать по пути, намеченному тем правителем — обитателем рая [Хумайуном], и бутоны дружбы и преданности превратятся благодаря этому в благоухающие розы. [Однако] Его Величество не проявил [должного] внимания к этому вопросу. Несмотря на это, могущественный хаган [Тахмасиб], соблюдая правила дружбы и единства, направил к справедливому правителю [Акбару] делегацию, чтобы передать поздравления по случаю его коронации и справиться о положении его дел. Но когда Его Величество покровитель ислама и обитатель рая [Тахмасиб] переселился из бреинного мира в мир вечный и обосновался в райских садах, тот величественный падишах [Акбар], вопреки ожиданию, проявил равнодушие к правилам дружбы и преданности [и] не справился о положении дел в этой стране. Тем не менее, когда я находился в Герате и обучался делу управления государством, у меня часто возникала мысль о том, чтобы послать к Вам кого-нибудь для возобновления и укрепления давней дружбы и подтвердить тем самым смысл *[приводится аят из Корана]*. Но пока я вынашивал эту идею, жестокая судьба ниспослала нам большое горе — ушел из жизни мой славный и отважный брат Абулгалиб султан Хамза мирза — да освятит Аллах его могилу!⁴⁹³

И на этот раз мы ожидали, что со стороны могущественного покровителя [Акбара] придет кто-нибудь, чтобы выразить соболезнование, однако и это ожидание не осуществилось, так как никто не пожаловал к нам с Вашей стороны. Наконец в эти дни по велению судьбы мне пришлось покинуть Хорасан и прибыть в столицу, чтобы взять в свои руки бразды правления и вступить на наследственный престол. И после того как я навел порядок в стране и упорядочил государственные дела, у меня вновь воскресла мысль о том, чтобы восстановить дружественные отношения между сторонами, укрепить основы доверия и преданности во взаимоотношениях.

⁴⁹² Имеется в виду восшествие (вторичное) на престол Хумайуна и делается намек на военную помощь, которая была оказана со стороны Тахмасиба.

⁴⁹³ Хамза мирза был убит в 1586 г. близ Гянджи.

Стих: До тех пор, пока из-за вращения голубого небосвода
Сияющая Луна будет то полнолунием, то полумесяцем,
Ты будь полнолунием из-за удач, а твои враги — полумесяцем
из-за неудач.
Пусть дела твои совершенствуются, а дела завистников твоих
приходят в упадок!

Бесконечных и беспредельных восхвалений заслуживает тот величественный и Всевышний [Аллах], ибо все частицы Вселенной и живые существа являются проявлениями тайн Его величия и лучами Его красоты и совершенства.

Даже в глазах праведных подвижников и суфиев единственным [истинно] существующим является Он [Аллах].

Стих: В глазах тех, кто способен видеть
Бесконечные проявления [Бога],
Все другие существа являются несуществующими!
Ибо все они являются проявлениями Его субстанции,
Во всех существах нет ничего, кроме Него!

Воистину самым сердечным поклонениям достоин тот Повелитель [миров], поскольку все творения мира гласно и негласно свидетельствуют и напоминают о существовании того Единственного [Аллаха], как бы подтверждая смысл этих слов:

Руба'и: Я посетил храмы христиан и иудеев,
Взоры всех христиан и иудеев были устремлены к Тебе!
Чтобы достичь слияния с Тобой,
Я пошел в храм идолопоклонников —
Все идолы напевали о любви к Тебе!

Занимаясь непрерывными молитвами и постоянным упоминанием Всевышнего, язык тем не менее признает свою беспомощность, ибо он не способен описывать Его совершеннейшие качества и выразить словами Его величественную и вечную сущность. Поэтому лучше повернуться в сторону [восхвалений] в честь печати Пророков и посланников [Аллаха], господина всех людей, обладателя сокровищницы божественных тайн и совершеннейших знаний [Мухаммеда].

Стих: Словословием его [Мухаммеда] души является Коран,
Разве могут люди восхвалять его?!
Поэтому признавая свою беспомощность и бессилие,
Щлю лишь приветствие издалека!

Наилучших приветствий заслуживает также святой род того господина [Мухаммеда], особенно невинные Имамы — да помилует их всех Аллах! — которые являются предводителями дороги единобожия. Упоминание их славных имен и описание их деяний являются украшением начала любого письма и убранством конца любой речи.

Стих: Начало любого письма украшается
Их именами, идущими после имени Бога.
Поистине, конец любого сочинения,
Поэтического или прозаического,
Получает особый наряд от их имен!

Письмо, которое является отражением счастливой судьбы и проявлением величия и достоинства, составленное и украшенное мудрыми и обладающими обширными знаниями секретарями и писцами, адресованное этому преданному доброжелателю, было получено во время встречи с почтенным и благородным господином, доверенным лицом султана Мир Зия аль-Мульком, который не нуждается в похвале. В то время, когда руками судьбы происходили события, сжимающие сердце, он прибыл подобно птице-Фениксу и индийскому павлину, и как сладкоречивый попугай приятными словами снял покрывало с лица красавицы цели и наполнил радостью сердца преданных друзей и искренних доброжелателей.

Его слова, которые были подобны блестящим жемчужинам, добавили свет очам надежды, его благоухающие строки освежили разум. Слава Аллаху, что дерево, посаженное нашими предками — да будет мир с ними! — с течением времени растет и приносит плоды. И вот новым проявлением давней дружбы и преданности стало [твое] письмо, содержащее много полезных советов, которые обогащают наш разум в поисках путей решения вопросов государства и правления, способствуют упорядочению дел, связанных с религией и жизнью народа. И мы восприняли их с огромной признательностью и уважением, так как они были украшены мудростью теоретического и практического опыта. Мы еще раз поблагодарили Аллаха за то, что он наградил нас такой крепкой дружбой и привязанностью. И те устные рекомендации и секретные послания, которые были переданы многоуважаемым доверенным лицом повелителя [Акбара], были заслушаны с превеликим вниманием, и вышеупомянутому [посланнику] были оказаны наивысшие почести в знак благодарности за выполнение такой важной и благородной миссии. Поскольку в чистоте [Ваших] намерений и искренности [Ваших] поучений нет ни малейшего сомнения, мы полны решимости безотлагательно выполнять те наставления, которые заключались в славном письме и драгоценном послании величайшего из величайших времени [эпохи]⁴⁹⁴. И невозможно найти слова благодарности за проявленную любезность и заботу.

Стих: Лучше воздерживаться от благодарности,
 Твоя любезность сама поблагодарит тебя!

Хотя мне не посчастливилось иметь личную встречу и беседу с благословенным повелителем, многое мы услышали о его похвальных качествах и благородных деяниях.

И поскольку падишаха, покровительствующего миру, интересует положение дел в Иране, состояние нашей династии и лично этого преданного [шаха Аббаса], поэтому, исходя из давней дружбы и наследственного единства, [здесь] дается изложение событий [происходящих в Иране] и положение этого преданного [шаха Аббаса] и высокопоставленных сановников.

Вашей безупречной душе и ясному разуму известно, что с момента появления духовного и реального правления священного рода Сефевидов до сих пор чистосердечные суфии и кызылбашские племена в силу своей привязанности и веры считают своим долгом служить этой высокой династии. Однако после кончины Его Величества, обитателя рая⁴⁹⁵ —

⁴⁹⁴ Здесь обыгрывается имя Акбара, которое в буквальном смысле означает «Величайший».

⁴⁹⁵ Имеется в виду шах Тахмасиб I, дед шаха Аббаса.

да освятит Аллах его могилу! — знать каждого племени начала претендовать на самостоятельность, и дело дошло до раскола и враждебных действий. И постепенно эти междоусобицы усилились. Это привело к анархии в стране и активизации вражеских племен. Правители Турана и Рума, которые всегда преследовали цель захватить обширные земли нашей страны, пользуясь удобным моментом, перешли к открытому наступлению. Но пока мой удачливый брат⁴⁹⁶ и почтенный отец⁴⁹⁷ находились в Ираке⁴⁹⁸ и Азербайджане, они сдерживали натиск мощной армии Рума. И я находился в славном городе Герате вместе со своим отважным Лала Аликули ханом [Шамлу], и все эмиры того края подчинялись вышеупомянутому Лала. Поэтому Абдулла хан скрывал свои враждебные намерения. Но между Аликули ханом и Муршидкули ханом Устаджлу, правителем Мешхеда и некоторых других городов Хорасана, произошла ссора из-за поста векила, и от сквернословия дело дошло до побоища. Большинство эмиров Хорасана держали сторону Муршидкули хана, и он вышел победителем, а Аликули хан ушел в Герат. В то время я из-за малолетства не был в курсе государственных дел. Меня привезли в Мешхед, и вышеупомянутый Муршидкули хан стал моим Лала и векилом.

Тогда же правитель Рума приступил к захвату областей Азербайджана и Ширвана. И кызылбашские эмиры, враждующие между собой, не принимали меры, чтобы отразить наступление [османов]. По велению судьбы мой славный брат [Хамза мирза] покинул этот бреинный мир и переселился в рай. И мой почтенный отец, закрыв глаза на все мирские дела, страдал из-за потери света очей⁴⁹⁹ и полностью отрешился от государственных дел. Поэтому некоторые из областей Азербайджана и Ширвана перешли в руки румийцев. И когда захват Азербайджана войсками Рума и занятость иракской армии⁵⁰⁰ этим, вражда и сражение Аликули хана с Муршидкули ханом и эмирами Хорасана, а также мое отсутствие в Герате стали известны Абдулла хану, он с целью захвата Герата пришел в Хорасан и окружил вышеупомянутый город.

Муршидкули хан, который был векилом, сказал, что из-за междоусобиц в Иране и Азербайджане царит беспорядок и в Хорасане произошло это событие⁵⁰¹. Сейчас, когда противники подняли головы со всех сторон, если оставаться в Хорасане, то это приведет к тому, что они перейдут к более активным действиям, и мы утратим наследственные

⁴⁹⁶ Хамза мирза.

⁴⁹⁷ Мухаммед Худабенде.

⁴⁹⁸ Имеется в виду Персидский Ирак.

⁴⁹⁹ Имеется в виду слепота Мухаммеда Худабенде.

⁵⁰⁰ Т. е. главных сил.

⁵⁰¹ Имеется в виду наступление Абдулла хана.

земли. Поэтому целесообразно направиться в сторону Ирака, вернуть те края и затем возвратиться сюда со всей армией Ирака и Азербайджана и вместе с силами, имеющимися в Хорасане, приступить к отражению Абдулла хана.

Поскольку дальновидный разум счел это предложение приемлемым, то мы, уповая на милость Всевышнего, отправились в сторону Ирака и за короткий срок покорили все эти земли и освободили опечаленных и ограбленных мусульман от гнета, обрадовали их своей любезностью и щедростью. Некоторые кызылбашские племена, которые не хотели покинуть путь раздоров и вражды и не прислушивались к мудрым советам и полезным призывам, подверглись заслуженным наказаниям. Остальные племена кызылбашей смыли со своих сердец пыль раскола и восстановили былое единство. Во всех землях Ирака, Фарса и Азербайджана были восстановлены правосудие и справедливость. Кызылбашские племена стали более сплоченными и преданными друг другу, чем раньше, и встали на путь повиновения и покорности.

После налаживания дел в Ираке мы с многочисленной армией, которая была собрана в столице, вернулись в сторону Хорасана, чтобы с помощью Аллаха освободить осажденных в Герате и поступать так же, как действовали мои предки, неоднократно сражавшиеся с узбеками в Хорасане.

Однако Муршидкули хан, который был векилом, из-за былой вражды с упомянутым Лала [Аликули ханом Шамлу] избрал путь предательства и под разными предлогами откладывал помощь [осажденным в Герате]. Поэтому нехватка продуктов среди осажденных довела до того, что многие из них умерли с голода, а остальные решили выйти из крепости и вступить в бой [с узбеками], и в ходе этих сражений большинство пали мученической смертью и стали обитателями рая. Тот город [Герат] был захвачен противником. Услышав об этом и узнав о предательстве Муршидкули хана, мы наказали его⁵⁰² и решили перейти в наступление и мстить злодеям. Но в это время стало известно, что армия противника, ограбив те края и предав все остальное огню, ушла обратно.

Поскольку тогда еще не был заключен мирный договор с Его Величеством падишахом Рума и у нас не было уверенности насчет [безопасности] границ Ирака и Азербайджана, мы вернулись в столицу. Тогда же прибыли красноречивые посланники могущественного, как Искендер, Феридун и Джамшид, правителя Рума. И мы, восстановив дружбу и единство, заключили мир, целесообразный для обеих сторон. Мирные отношения и дружба между нами стали более прочными, чем во времена покойного шаха [Тахмасиб].

⁵⁰² Муршидкули хан был убит ночью под Бастионом.

Абдулла хан и Абдул Мумин хан⁵⁰³, услышав о том, что мы заняты границами с Румом, воспользовались удобным случаем, пришли в Хорасан и осадили Мешхед. Узнав об этом, [я] не стал ждать сбора войск и без промедления отправился в сторону Хорасана. Но в Рее вспыхнула эпидемия, и большинство воинов начало страдать от лихорадки. Болезнь не обошла и меня, и из-за ее продолжительности пришлось отложить поход в Хорасан. И группа осажденных [в Мешхеде] поступила вероломно, и тот священный город перешел в руки противника.

Другим событием, заслуживающим упоминания, является то, что когда царили беспорядки среди кызылбашских племен, правители Гиляна, Мазендарана и Рустамдара, которые всегда хвастаются укрепленностью своего края из-за наличия в них недоступных гор, непроходимых рек и густых лесов, избрали путь неповиновения. Мы отправили против них многочисленное войско, и за короткое время те области, которые напоминают рай, были подчинены нам. Затем я тоже отправился в вышеупомянутые области и в тех прекрасных краях совершал молитвы, благодарил милостивого Всевышнего за эти успехи. В тот счастливый момент дошло известие, что Абдул Мумин хан [снова] перешел в наступление. Я без промедления покинул тот край и отправился в Хорасан, чтобы встретиться и расправиться с ним окончательно. Однако вышеупомянутый, услышав о моем прибытии, обратился в бегство в направлении Балха и Бухары, предав по своему злополучному обычаю все поля и пастбища огню. Поэтому мы не задержались в том крае и вернулись в Ирак, и затем отправились в Арабистан и Луристан, чтобы налаживать дела в этих краях. Абдул Мумин хан, услышав о нашем возвращении, снова напал на Хорасан, начал грабить, разрушать и жечь города и села этой области. И на этот раз мы с большой скоростью, уповав на Аллаха, без сбора всей армии с имеющимися в распоряжении войсками отправились туда. Произошло ожесточенное сражение, в ходе которого много узбеков было убито, и немалое количество их эмиров, такие как правители Нисы, Абиварда, Бадахшана, которые были основной опорой того злодея [Абдул Мумин хана], попали в плен. Вышеупомянутый хан, увидев наше явное превосходство, обратился в бегство и поскакал в направлении Мавераннахра.

Теперь, когда у нас нет беспокойства со стороны Его Величества правителя Рума, а также обеспечены мир и безопасность во всех областях [страны] и все жители Ирана находятся в полном подчинении, мы займемся об их благоденствии и принимаем меры по установлению справедливости.

⁵⁰³ Сын Абдулла хана.

И выполняя указание Всевышнего [*цитируется Коран*], я решил отправить в Хорасан продовольствие на несколько лет и другие необходимые припасы. Затем я поеду туда и с помощью Аллаха, Пророка и невинных Имамов сделаю так, чтобы жители того края больше не испытывали притеснений того племени⁵⁰⁴. Границу этой области будем укреплять так, чтобы противники в будущем не могли переходить ее. И пока я не осуществляю это, не вернусь в столицу. Все зависит от усилия и стремления.

Для того, чтобы выразить нашу преданность и передать наши искренние чувства и пожелания, я отправляю к Вам Манучехр бека эшикагасибаша⁵⁰⁵, который является одним из доверенных и самых близких людей вместе с группой вышеупомянутого почтенного господина [Мир Зия аль-Мулька]. Прошу Его Величество после выполнения обязанности не задерживать его и позволить ему возвратиться.

Желаю, чтобы великолепное дерево наследственной привязанности и дружбы [между нами] росло еще больше за счет поливки его водою искренней благосклонности.

№ 9. Копия письма Джалал ад-дина Акбар шаха Его Величеству шаху Аббасу [I]

Начало движения пера, слагающего песни, и начало любого письма, содержащего тонкие смыслы, должны связываться с именем того не имеющего начала [Аллаха], благотворящее и щедрое бытие которого не имеет конца и начала. Он своим всемогуществом превратил жалкое небытие в совершенное бытие и двумя буквами «каф» и «нун» сотворил беспредельный и безграничный мир, снабдив его всем необходимым — абстрактной и материальной субстанцией, разумом и душой, светом и тьмой, созвездиями и небесами, цветом и запахом. И из числа всех сотворенных проявил особое милосердие к роду человеческому, который представляет собой квинтэссенцию материального и божественного миров, что нашло свое подтверждение в аяте [из Корана]: «Мы сотворили человека наилучшим образом». И отметил высокое положение и достоинство человека в [следующем аяте]: «И Мы оказали щедрость роду человеческому». И после этого из числа людей избрал пророков и посланников, имеющих связь с божественным миром, которые призваны в свете его откровений посредством дозволений и запретов наставлять сбившихся с пути на путь истины, знания и мистического познания. И в конце этого

⁵⁰⁴ Имеются в виду узбеки.

⁵⁰⁵ Главный церемониймейстер двора.

рядя поставил драгоценнейшую печать⁵⁰⁶ — самые лучшие приветствия Ему! А завершение этого дела возложил на потомков и родственников того славного предводителя [Мухаммеда] — да благословит их Аллах и приветствует! И после этих рангов поручил управление странами мира и осуществление необходимых дел в интересах людей султанам и падишам, которые то силой мстят врагам государства и религии, то милосердием и щедростью проливают бальзам на раны сердец угнетенных.

Далее обращаюсь с наилучшими приветствиями и бесконечными восхищениями к могущественному владыке, отличающемуся от всех правителей времени своей справедливостью, всаднику коня мудрости и смелости.

Стих: Он обладает благородным нравом и приятной речью,
Глубоким разумом и бесконечным умением.
Он — щедрее всех на свете, он озаряет мир своим
Совершенным талантом и всесторонними знаниями.

[Это] счастливый и удачливый покоритель стран, обладающий богатством Сулеймана, наследник могущественных правителей мира, потомок главы Пророков и его священного рода — невинных Имамов, возбуждающий зависть в сердцах падишахов времени, освещающий тьму гнета и несправедливости, то есть падишах, покровительствующий всему миру, величественный шах Аббас! Пусть продлится его жизнь и правление до дня Страшного Суда, пусть крепнут основы его государства, пусть улучшатся дела страны и народа под покровительством его силы и разума! Аминь!

После этих приветствий и восхвалений, во-первых, пусть будет известна светлой душе Его Величества, которая является вместилищем тайн материального и божественного миров, что хотя моим видящим истину глазам не довелось созерцать озаряющее мир лицо падишаха [шаха Аббаса], но я много слышал о его благородных и совершенных качествах. И хотя между нашими династиями — да продлится их правление до вечности! — издавна существовали отношения дружбы и единства, но я не уделял достаточного внимания поддержанию этого единства, преданности и искренности, и об этом невозможно писать в письме и трудно представить. [Моя] убедительная просьба и искреннее желание состоят в том, чтобы до тех пор, пока небосвод вращается и звезды светят, эти добрые отношения находились в центре внимания Его Величества, чтобы до дня Страшного Суда сад дружбы и преданности не подвергался глению, [и] чтобы, забыв о поре разобщенности, Его Величество способствовал развитию дружеских связей, регулярно присылал письма и радовал наши преданные и чистые души, превратив их в предмет зависти райских садов.

⁵⁰⁶ Имеется в виду Мухаммед, который считается «печатью Пророка».

Во-вторых, Ваше высокочтимое письмо, отправленное через украшающего и пользующегося большим и заслуженным доверием Манучехр бека эшикагасибаши, который обладает тонким умом и проницательностью, величием и благосклонностью превосходит других с точки зрения знания условий исполнения обязанностей посланника, было получено нами в благоприятный и счастливый час и стало толчком к обновлению и усилению давней дружбы и единства, которые всегда были присущи отношениям двух могущественных династий.

И поскольку в нем было написано о том, что тот величественный правитель [шах Аббас] силою огненного меча, подобного молнии, завоевал земли Хорасана и вернул обратно свои наследственные владения, попавшие в руки врагов государства и религии, это послужило источником беспредельной радости и восхищения для нашей чистой души, что особенно проявилось во время беседы с достойным приближенным Мирза Али беком Курчи, и это не поддается выражению с помощью слов. Теперь надеемся, что с помощью Всевышнего тот праведный и справедливый падишах [шах Аббас] силой своего не щадящего врагов меча вернет обратно все те земли, которые принадлежали его славным предшественникам, и даже за счет героических усилий сумеет приобрести новые владения. Тем самым наилучшим образом подтвердится смысл этих слов:

Бейт: Скажи врагу, устроившему пир и пьющему вино:
«Ищи спасения, ибо ушедшая вода вернулась в ручей».

Воистину самых высоких похвал достойны победы и деяния Его Величества [шаха Аббаса], который положил конец произволу и притеснениям врагов государства и религии, с двух сторон ворвавшихся в земли Азербайджана и Хорасана. Первый из них — это правитель Рума, численность, боевые возможности, вооружение и армии которого не нуждаются в описании. А второй — это хаган Туркестана, и также хорошо известно, какой большой армией и сильными союзниками он обладает. И теперь Иран избавился от грабежа и притеснений таких врагов.

Кроме этого, он [шах Аббас] положил конец внутренним беспорядкам, имевшим место среди полководцев Ирана и суфиев [и] охватившим все кызылбашские и туркменские племена в Ираке [Персидском] и Хорасане, хотя, по мнению осведомленных в вопросах управления государством, усмирение этих внутренних врагов и устранение этого вредного вещества из больного тела Ирана, который в результате действия этих раскольников и врагов находился на пороге гибели, казалось задачей более сложной и трудноразрешимой.

Но превыше всего — это его политическое мастерство и справедливость, и благодаря своей справедливости он завоевал уважение и любовь

[у народа]. Я неоднократно слышал, что сейчас восстанавливается справедливость в отношении тех, кто ранее испытывал горе притеснений в областях Ирана.

Стих: Справедливость — веское доказательство продолжительности
(твоей власти),
Ибо справедливость и продолжительность (власти) —
неразделимы вечно.
Совершай справедливость, ибо в стране сердца⁵⁰⁷
Справедливый приравняется к Пророку.
Твоя справедливость — это лампа, светящаяся ночью.
Близкий друг твоего завтрашнего дня — это твой сегодняшний день.

Некоторое время я собирался подготовить это письмо и отправить в путь почтенных Манучехр бека и Мирза Али бека, однако некоторые заминдары⁵⁰⁸ Хандиса и Деккана в последнее время проявляют непокорность и идут по пути неповиновения, поэтому могучей армии пришлось отправиться туда, чтобы наказать их. Правитель Хандиса, как и его отцы и деды, всегда подчинялся нашей воле, однако под влиянием некоторых подстрекателей покинул ясную и прямую дорогу повиновения и начал скитаться в пустыне заблуждения, опираясь на недоступность и укрепленность своей крепости. Наконец, чтобы защитить честь государства и отстоять законы правления, мы решили уничтожить врагов и взять ту крепость, возвышающуюся до небосводов. И хотя скрывшиеся в крепости оказывали сопротивление, но под ударами победоносных воинов эта неподобная крепость была взята. И когда я увидел беспомощность и жалкость этого вероломного [правителя Хандиса], я помиловал его, а также его семью и родственников. Поскольку он желал служить в крепости, я назначил его на крепость Куаляр, которая выделяется своей укрепленностью и надежностью из всех крепостей Индии, да и других стран. После этого я возвратился в столицу Агру.

И сейчас стало возможным отправление Манучехр бека и для того, чтобы передать наше письмо, свидетельствующее о нашей преданности и единстве, вместе с ним отправляется Мир Масум Бхаккари, который является одним из почтенных сейидов этой страны и самых приближенных людей двора, и ему поручено передать некоторые вопросы устно своим красноречивым языком.

Наше желание состоит в том, чтобы Вы считали эту сторону [нас] своей, и как можно чаще радовали нас своими приятными письмами и по-

⁵⁰⁷ Имеется в виду потусторонний мир.

⁵⁰⁸ Крупные землевладельцы-помещики, обычно правители областей и провинций в Могольской Индии.

сланиями. Мы будем рады, если Вы обратитесь к нам по необходимым вопросам, и мы сделаем все, что в наших силах.

Пусть дела Его Величества, подобно созвездиям, всегда будут в порядке, горе и неудачи обойдут стороной его чистую душу!

Стих: Пусть твое величие всегда служит спасению других —
уничтожению жестоких, содействию беспомощным.
Пусть небосвод будет подвластен тебе,
Пусть Бог поможет тебе в завоеваниях!
Аминь, о Повелитель двух миров!

**№ 10. Копия письма счастливого правителя,
написанного Мирза Абульхусейном Мунши
в ответ на письмо царевича Салима
и доставленного Мир Мухаммед Масумом Бхаккари⁵⁰⁹**

Лучшими [вступительными] словами, с которыми попугай речи украшает свое изложение в цветнике чудесных творений и на собраниях знающих и прозорливых людей, являются слова восхваления и благодарности Единственному [Аллаху], упоминание заслуг и деяний Его Величества Пророка [Мухаммеда] — самые лучшие приветствия ему! — при выражении которых, однако, слова оказываются беспомощными, обороты — недостаточными, тропы и метафоры — бесполезными. Поэтому претендовать на подобное выражение — значит поставить себя на арену упреков и порицаний. Поэтому, признавая свою беспомощность и ограниченность в познании, лучше оставить эту долину изумления и направить свои мысли в сторону молений, что является лучшим подарком искренних друзей, и приступить к поздравлениям по случаю побед и завоеваний, которые явились результатом преданности и любви людей к тому высокому престолу, [а также] изложить [собственные] победы, достигнутые в силу чистоты характера и благородности духа. И поэтому приступаю к описанию [этих побед], что послужит источником радости для великодушных.

Хвала Аллаху, что древо желаний сановников несокрушимого государства принесло плоды побед и успехов, от которых и в душах друзей становится сладостно. Выражаю искренние чувства благодарности, [и] надеюсь, что каждый день способствует упрочению Вашей власти и усилению могущества! По милости Всевышнего и из-за искренности отношений

⁵⁰⁹ В «Мунша'ат-и Салатин» (с. 195) в заголовке письма адресат указан неправильно. В действительности это письмо является ответом шаха Аббаса I, написанным Акбару и посланным с Мир Мухаммедом Бхаккари.

то намерение, которое появляется в Твоем благожелательном сердце, наилучшим образом находит свое осуществление. Подтверждением тому служит завоевание Азербайджана и его крепостей. Пусть станут известными [Твоей] светлой душе подробности этого события.

Между султанами Рума и моим покойным отцом⁵¹⁰ — да освятит Аллах его могилу! — был заключен мирный договор⁵¹¹, согласно которому обе стороны впредь должны были отказаться от враждебных действий. И когда султан Баязид со своими сыновьями восстал против своего отца султана Сулеймана и попросил убежища у нас, [мой отец], чтобы не нарушить взятые на себя обязательства, передал его [Баязида] их посланникам⁵¹².

Несмотря на это, [османы], пользуясь удобной возможностью, решили захватить Азербайджан и Ширван. И те области, которые [по мирному договору] были переданы высокому престолу [Сефевидам], были захвачены ими вместе с некоторыми другими областями.

Несмотря на то, что угроза государству была известна Его Величеству [Мухаммеду Худабенде], он воздерживался от военных действий, учитывая интересы народа и соблюдая принятые обязательства. И крепость Нехавенд, которая находится в богохранимых владениях, была захвачена румийцами, но [мы], не нарушая основы мира, воздерживались от наступления на эту крепость и несколько раз предупреждали их [османов] о том, что мы можем разрушить эту крепость, но [османы] не проявили никакой реакции, кроме игнорирования, что вообще характерно для этого племени.

И поскольку честь и достоинство государства не могло терпеть этого, правителю Хамадана Хасанхан беку было приказано захватить эту крепость, что и было сделано за короткий срок.

Стих: Если дело обходится разумом,
То надо в нем проявить безумие!

И после этого начался победоносный поход из Исфахана в целях завоевания Азербайджана и других наследственных земель. Сорокадневное расстояние было пройдено за девять дней, и войска приблизились к Тебризу. Тамошний паша в тот момент с огромной армией боролся с курдами тех окраин. Услышав об этом, он сразу вернулся назад, чтобы успеть занять оборону в крепости упомянутого города [Тебриза]. Но он столк-

⁵¹⁰ Имеется в виду шах Тахмасиб I.

⁵¹¹ Этот договор был заключен в 1555 г. в Амасье.

⁵¹² С 1558 г. Баязид пробыл у Тахмасиба около трех лет. Затем он с четырьмя сыновьями был выдан в руки посланников султана Сулеймана, и они были тут же казнены.

нулся с нашими победоносными солдатами и попал в плен, а около 10 тысяч из его всадников были убиты. После этого наши солдаты приступили к осаде вышеупомянутой крепости и за двадцать дней взяли эту крепость, которая имела в своем распоряжении 2 тысячи пушек, 5 тысяч винтовок, 100 тысяч ман⁵¹³ пороха, на 10 лет продовольствия и других необходимых припасов. Оттуда они направились в сторону Нахичевани, Эривана и других крепостей Азербайджана, которые были хорошо укреплены. Но защитники крепостей, почувствовав [нашу] мощь и не выдержав натиска, бросили все крепости и скрылись в крепости Эриван, которая известна всем своей недоступностью, так как имеет четыре стены. И они, полагаясь на хорошую защищенность этой крепости, начали оказывать сопротивление. Поскольку это место с давних времен считалось границей Богом хранимых владений и после его взятия завоевание Гянджи и Ширвана было простым делом, славные войска остановились там и начали штурм этой крепости. В течение семи месяцев непрерывно шли бои с применением пушек и винтовок.

И в это время прибыл счастливый эмир и доверенное лицо повелителя Мир Мухаммед Масум хан Бхаккари и преподнес драгоценное письмо, которое рассказывало о различных победах, что послужило источником радости для Твоего искреннего друга. И мы восприняли это письмо как предвестника новых побед.

Стих: Поскольку у меня вера сильная и помыслы чистые,
 Не ишу ничью поддержку, кроме покровительства Бога!

И наконец, уповая на Аллаха и предприняв [решительный] штурм, [мы] силой взяли крепость Эриван. Большое количество противников погибло, а остальные нашли убежище во внутренней крепости. За десять дней башни и стены этой крепости также были разрушены огнем пушек, и у них не осталось другого выхода, кроме как просить о помиловании. И мы, следуя правилам милосердия, дали гарантию их жизни и имуществу. Большинство их были приняты в число специальных гуламов. И все это несмотря на то, что их было в крепости около 30 тысяч человек, они имели в своем распоряжении 12 тысяч лошадей, 7 тысяч верблюдов, продовольствия на несколько лет.

Вышеупомянутый эмир, достойные качества которого не нуждаются в восхвалении, своими глазами наблюдал все это и во время встречи [с Тойбой] донесет об этом подробно.

Такую победу не довелось одержать ни одному из правителей Ирана ни в каком веке.

⁵¹³ Мера веса: тебризский ман равен 3 кг.

И мы отпустили вышеупомянутого почтенного господина, чтобы он донес радостные вести об этой победе высокому престолу.

Желаю, чтобы укрепились наши доброжелательные отношения и единство — да хранит их Всевышний!

№ 11. Копия письма, написанного Джалал ад-дином Акбаром Челеби беку

Слава Богу, что с наступлением рассвета удачи, который является началом моего восшествия на престол⁵¹⁴, до сегодняшнего дня все люди обрели счастье и живут беззаботно в процветающем и благоухающем весеннем саду нашего государства. И наше высочайшее внимание постоянно направлено на оказание заботы об улучшении условий жизни людей, которые являются источником мудрости и знаний.

И всегда красноречивые ученые всех народов обращаются к нашему высокому двору, где они окружаются нашей милостью и заботой. И уделяю высочайшее внимание этой группе людей, и поэтому эта группа также выражает желание посетить наш двор и удостоиться высоких почестей.

Поскольку мне неоднократно доводилось слышать о приобретенных и врожденных благородных качествах и знаниях Челеби бека, а также всем известно о его благосклонном отношении к нашему двору, то лучше ему отправиться к нам и удостоиться шахской милости и доброты. Все вопросы, связанные с дорогой, будут решаться согласно нашему указу, изданному относительно прихода и ухода талантливых людей.

№ 12. Копия фермана Джалал ад-дина Акбар шаха, адресованного хан ханану⁵¹⁵

Доводится до сведения опоры государства и защитника власти, обладателя перстня храбрости и удачливости, благородного и самоотверженного, жемчужины ларца счастья, сокровищницы тайн наместника Божьего, блюстителя законов преданности и доброжелательности, доверенного и приближенного престола, обладающего мудростью знаний, наследника величайших и высочайших, продолжателя высокого рода преданного друга, сына Мубариз ад-дина хан ханана, удостоенного беспредельных шахских милостей и глубокого уважения, что в эти радостные и счастливые

⁵¹⁴ Выражение «наступление рассвета удачи» по абджаду указывает на 963/1556 г., т. е. год вступления Акбара на престол.

⁵¹⁵ Титул «хан ханан» («хан ханов») при Акбаре носил сын Байрам хана Абд ур-Рахим, полководец и поэт.

дни, когда имеются все средства для веселья и для того, чтобы распахнуть двери беспечности, [так как] со всех концов идут благие вести об успехах и победах, по велению судьбы победоносное войско, отправленное на завоевание области мрака⁵¹⁶, подверглось сглазу.

Случилось так, что вышеупомянутая область была завоевана, и остатки тех проклятых мракобесов скрылись в горных ущельях, и наши полководцы, забыв о предусмотрительности и осторожности, начали преследовать их, и большинство их были убиты, и после этого они двинулись в сторону высокого порога [столицы]. Но то, что предначертано судьбой, должно сбыться.

Войска упустили из рук узду осторожности и вечером со всеми грузами и припасами шли по труднопроходимым горным дорогам. Нарушился их строй, и те презренные вышли из засады и начали наносить удары. Все впали в панику и потеряли дорогу. И в этой растерянности многие упали с гор [и погибли]. И в этот момент глава поверенных тайн и интимных друзей, обладатель высокой натуры и пример бесподобности, предводитель приближенных и приверженных падишаха, украшение собраний преданности, неустанный искатель истины, любящий справедливость и правдивость, понимающий тонкие смыслы и глава собраний красноречивых отдал свою жизнь на пути любви и преданности нам, покинул этот бренный мир и край мрака и отправился в путь, по которому всем идти неизбежно, и скрылся в небытии⁵¹⁷. От этого душераздирающего и прискорбного события [мое] общество, подобно раю, углубилось в печаль, и [мое] сердце, широкое как океан, стало унылым. Хотя высшим проявлением преданности царевича является самопожертвование ради своего отца, но хотелось бы, чтобы это произошло в высоких деяниях и заслугах. [Поэтому] это случайное событие стало причиной глубокой печали и бесконечной скорби. Увы, вино этого питейного дома имеет осадок, и сахар этого тростника имеет яд. Мир — это мираж, который обманывает жаждущих, жизнь — это дорога, полная спусков и подъемов. В этом пире за опьянением следует похмелье. Чье сердце здесь не обливается кровью, чьи глаза не льют кровавые слезы?!

Словом, эта куча праха заслуживает того, чтобы оставить ее. Но, несмотря на это, от разлуки с тем бесподобным мое сердце так наполнилось печалью, что язык беспомощен выразить это. В таком случае мне следовало бы присутствовать на похоронах, увидеть своими глазами его превратившееся в прах тело, проявить всю ту особую милость, которую я питал к нему, чтобы все были свидетелями того, как мы милостивы в

⁵¹⁶ Имеется в виду Пуштунистан.

⁵¹⁷ По-видимому, речь идет о смерти принца Мурада, сына Акбара.

отношении тех, кто жертвует собой ради нас. Но поскольку в тот момент в столице было много иностранцев и посланников, пришлось отложить это. И поскольку всем пронизательно ясно, что то, что приходит из небытия, снова уходит в небытие, и это происходит по воле Всевышнего, то в этом случае лучше молчать, чем вопить, и лучше успокоиться, чем бешевать. В подобном случае нет более правильной и надежной дороги, чем повиновение предопределению и подчинение воле Всевышнего.

Несомненно, та опора государства [хан ханан] также будет огорчен от случившегося несчастья, но ему надо избрать путь терпеливости и подчиниться воле Аллаха и велению небес и заниматься выполнением своих обязанностей в армии, с которыми он полностью справляется, и быть осторожным и иметь в виду, что, когда тот предводитель каравана, идущего в небытие, был еще жив, этот преданный друг [хан ханан] был главой поверенных тайн, и его присутствие доставляло нам одно удовольствие. Теперь ему надо понять, как мы будем дорожить его мнением. Дай Бог, чтобы возвышалось его положение под сенью нашего вечного государства.

Одним словом, после того грустного события осуществление той задачи мы поручили радже Тудармалю, и он, поскольку обладает глубоким умом и храбростью, вступил на территорию вышеупомянутой области и полностью разгромил тех негодяев-афганцев. Тем самым та область была завоевана, и у нас нет беспокойства по поводу дел этой области. Если будет угодно Аллаху, то в скором времени мы возвратимся в столицу.

В эти дни, когда из-за вышеупомянутого события я находился в огорчении, пришло письмо того преданного друга [хан ханана], и его содержание стало причиной облегчения и удовольствия. Его планы по поводу армии Деккана и его первоначальные меры в этом направлении стали известны нам во всех деталях, и мы встретили их с полным одобрением. Его храбрость и смелость дают основание надеяться, что в скором времени удастся завоевать ту область [Деккан], и прославленные слоны той области, которые всегда привлекали мое высокое внимание, попадут в наши руки, что, кстати, было отмечено в письме. Поскольку у него нет полной уверенности по поводу дел в Гуджарате, наверно, он [хан ханан] не будет спешить в достижении этой цели, [и] изберет путь осторожности и осмотрительности, как подобает благоразумным мужам.

Далее он ходатайствовал о Кике и просил простить его грехи иверить ему провинцию Деласагру. Приказ о нем уже издан нами совместно с приказами о Джукшате, Шахимхане и других во всех подробностях, [которые] уважаемые писцы скоро напишут и отправят. Что касается того, какую провинцию предоставить Кике, то пусть он [хан ханан] поступает так, как считает нужным, исходя из интересов государства и учитывая его заслуги.

И еще [он] писал о том, что Амин хан, Джам и Кика собираются отправить своих сыновей, чтобы они находились у опоры государства [хан ханана]. Во всяком случае, это хорошо, чтобы быть спокойным за всех них. И пусть он поступает так, как считает нужным.

И еще пишет о своей семье и детях. Если опора государства [хан ханан] отправится на завоевание Деккана, то пусть оставит их в Ахмедабаде или в любом другом месте, где он хочет. Связь его семьи и детей с нашей высокой династией не такова, чтобы мы забыли о них, когда они находятся вдали от нас. Без преувеличения могу сказать, что моя душа желает того, чтобы они постоянно находились у меня, и за все это время, пока мы разлучены, мало таких дней, когда я не вспоминал бы их.

Итак, ждем вестей о новых победах и удачах. И если в ближайшее время мы не вернемся в столицу, то лучше, как того желаю и я, отправить их [членов семьи] ко мне, так как я хочу некоторое время провести в прогулках и на охоте в Пенджабе. Но поскольку между нами имеется большое расстояние, то он может оставить их в Гуджарате или там, где он хочет.

№ 13. Копия письма, написанного царевичем Даниалом, сыном Джалал ад-дина Акбар шаха Его Величеству [шаху Аббасу I]

Аллах велик! До тех пор, пока благодатный дождь, присущий тучам беспредельной милости и щедрости [Аллаха], орошает лужайки почтенного государства и вечного правления, пусть украшающему мир флагу и возвышающемуся до небес знамени [шаха Аббаса I] всегда сопутствует ветер божественного покровительства и бесчисленных побед.

Благоухающие приветствия, которые радуют душу сидящих на престоле и украшают уши предводителей пути истины серьгами цели, и букет восхвалений, которые служат нарядом для разума верующего в единство [Аллаха] и освещают сердца путников истины, что является знаком давней любви, доброжелательности и дружбы, исходя из душевной близости, существующей между нами, которая является большим и ценным даром сведущего во всем Творца мира, шлю в адрес счастливого правителя — властелина мира, обладающего величием Искендера и стягом Дария, покровителя государства и религии, защитника драгоценного престола, обладателя обширных знаний и неисчерпаемой справедливости, продолжателя священного рода [Имама Али] и светоча династии Сефевидов, обеспечивающего мир и спокойствие на земле и приводящего в порядок дела мира (шаха Аббаса I). История дружеских отношений и единства между двумя нашими династиями не нуждается в подробном и долгом

изложении, ибо она известна всем и вызывает восхищение всех прозорливых людей. Не прибегая к этому, обращаюсь к Всевышнему с просьбой о том, чтобы Он ежедневно возвышал Ваше положение, одаривал Ваше государство счастьем и удачей, продлевал Ваше нахождение на троне и увеличивал блеск Вашей короны. И надеюсь, что для поддержания плодотворной дружбы и единства между сторонами двери писем и посланий будут всегда распахнуты, что будет способствовать усилению и упорядочению традиционных связей.

После этих приветствий и пожеланий доводится до Вашего сведения, что все внимание и высокие усилия Его Величества — тени Аллаха⁵¹⁸ — направлены на поддержание мира в областях и обеспечение безопасности подданных, что является предписанием Всевышнего. И когда он услышал о раздорах и беспорядках в Деккане, имевших место в результате действий неблагородных и непорядочных, которые начали притеснять и обижать людей, он [Акбар] для того, чтобы положить конец произволу этих невежд, покинул столицу Лахор и прибыл в Агру. После построения войск и необходимых приготовлений вызвал меня из Алхабаса и вместе со столпом государства, главнокомандующим хан хананом во главе победоносной армии, отправил [в Деккан], чтобы завоевать крепости того края, особенно крепость Ахмеднагар, которая является самой укрепленной и недоступной среди крепостей Деккана, и очистить их от тех несчастных раздирателей. В то же время он сам [Акбар] направился в район Бурханпура и покорил эти земли. И крепость Асир, которая возвышается до небес и, по мнению много повидавших путешественников, не имеет себе равных по укреплённости и которую никому из повелителей не удавалось захватить, была завоевана Его Величеством [Акбаром] благодаря милости Всевышнего, и он тем самым обрадовал покорных и наказал неповиновавшихся.

И этот покорный слуга [хан ханан]⁵¹⁹, осуществив все меры по наведению порядка в тех крепостях и областях, что было в правилах моих благородных и справедливых предков, из Ахмеднагара вернулся к отцу, которого я считаю своей великой Киблой. И после празднования побед Его Величество удостоил меня наивысших милостей и в качестве вознаграждения за оказанную услугу переименовал провинцию Хандис в Дандис⁵²⁰ и вместе с такими областями, как Гуджарат, Мальва, Берар и Деккан, которые раньше имели отдельных правителей, претендовавших на самостоятельность, подарил мне.

⁵¹⁸ Имеется в виду Акбар.

⁵¹⁹ Имеется в виду Абд ур-Рахим — государственный деятель и поэт, сын знаменитого Байрам хана.

⁵²⁰ В соответствии с начальной буквой имени Даниала.

В это время знатный и порядочный Манучехр бек⁵²¹ находился в столице и часто посещал мои собрания и красноречивым языком рассказывал о благородных качествах и высоких достоинствах Его Величества [шаха Аббаса], усилив тем самым нашу благосклонность. Хотя я постоянно вынашивал мысль о том, чтобы посредством писем и посланий обновить дружбу и единство и способствовать развитию старых и новых связей, но происходившие события препятствовали осуществлению этого желания. И после бесед того преданного [Манучехр бека] эта мысль вновь воскресла и океан желания начал бушевать.

Надо изъявить признательность всемогущему Богу, потому что как бы в знак нашей взаимной доброжелательности и дружбы порты Деккана и Гуджарата находятся вблизи от портов Ормуз и Бахрейн, что как бы дополняет нашу душевную близость.

Надеюсь, что, постоянно поддерживая связь, будете радовать нашу душу отправлением славных писем и попросите все, что захочется Вашей душе из этого края. Во всяком случае, это будет способствовать развитию нашего единства и укреплению основ дружбы и сотрудничества.

И поскольку вышеупомянутый преданный [Манучехр бек] направляется в ту сторону [в Иран], вместе с ним отправляю своего доверенного приближенного Бахадур бека, чтобы отдельно передать вам некоторые скромные подарки. Надеюсь, что по правилам искренней дружбы они будут приняты.

Желаю, чтобы было долговечным сияние звезды счастливой судьбы величественного повелителя, завоевавшего мир!

№ 14. Письмо Салим-шаха, собственноручно написанное шаху Аббасу I и доставленное Мир Зия ад-дином Казвини

Наши искренние чувства дружбы и сердечные пожелания не поддаются выражению посредством пера и бумаги.

Бейт: Невозможно написать о страстях сердца,
 Как же можно приблизить огонь к бумаге?

Поэтому [их] изложение поручено искреннему и преданному доброжелателю обеих сторон, честному и благородному Мир Зия ад-дину, который все это время находился в числе высокопоставленных и самых приближенных людей. Да будет он здоровым и красноречивым!

⁵²¹ Посланник шаха Аббаса I.

جہانمطاع جہانبان و قل جہان مغرور و ارحم و انت خير الراحمين دست استغفار و استرحام بردامن رجا ستوار
 کرميده تبصرع و زاری و تشفع و خاکساری از درگاه مرحمت پروردکاری طلب مغفرت نموده شد چنانکه آن
 غفران نباء و زقائب ترابست انظار الطاف الہی شامل حال کافل آمال حضرت اقلیم نباهی بایو که اگر چنان شامی
 از سر بریز جاست بجمہ الامم کہ بدیشان آفابی بجایش طالعست بر روز صبح صادق شد بسکپای
 برآمد آفتاب عالم آرای زماہ بدر کشد نور ستور بدید بید ملای زاید النور کرا و صبح پیش آمد دین دہر
 جہان افروز نیم غمہ بدر مغیر آفتاب ارنگر اندخت بجایش آفتاب نور افراخت اگر تبری انجبان
 کاست مراد ملک اند خویش شد راست بقایا و آفتاب کرم روزا کہ خواہد ساخت روشن روز نور
 طلوع دولت سلطانغزادی منور ساخت ملک عرش نشادی فانظر الی آثار رحمۃ اللہ بعد موتہا آن
 ملک الحامی المودی و هو علی کل شیء قذیر اگر چه خبر فرضی آن غفران و سکاہ مستلزم الم و غزن شد اما فرمودہ ممکن
 برسد خلافت و سلطنت آن عظیم الشان و آن خاقان فریح القدر منیع المکان خلد اللہ ملکہ و اخر النصار
 و ناعف اقتدارہ مہم بر برجست دل و دوسنان حیاتی نهادہ صبر بران واقعہ و شکر بران موبہ لازم
 و وجہ نیست این صحیفہ بر رسم تفادی از زبان حامیہ مشکین عامہ مرقوم گشت و شکر عطیہ جلوس سیمون با
 سلوب نہانی مودی و مہدی سیکر و دانشا اللہ سبح لہ و بہ ترانہ شامی از افریق عدلت جہان را طالع و نور
 ان چون نور دیدہ بنفیدای سیاسی لامع و سلطع با و غنہ وجودہ سو لو کنہا کی نواب سہو کا شاد بجلال
 البرنوشہ سپاس معرا از ظاہر حد و قیاس کہ بدایت جذبات ثنواف و عطر سوز طالبان جلوگاہ
 انس نہایت سرباطن افروز معنکفان و حدہ سرای افس تو اند بود سرا و غنمت و جلال کبرایت کہ
 ذرات کانیات و اعیان موجودہ محالی بانوار جمال مظاہر اسرار جلال است بہت برک درخشان

نظم و شیار هر رونی و فرست موقت که کار بکند در دیده حق بین ارباب شهود و بصیرت احجاب
 فنا در فضا جبهه و همه اوست بنش چشم شهود دیده دران محو باشد عیون که دران نیست شهود
 عیون او لا موزع لوجود الامور سستایش مبر از الیش نشیند اساس لایق خداوند است که جمیع کائنات
 و عامه مخلوقات و کافه کمالات و قاطبه مبدعات بزبان نیربانی در شکار و نهانی بر درگاه احدیت
 این مغال که برای رفعم کلیسیای ترسا و پیونده ترسا و یهود را سمر و توبه بود برآید وصال تو بخانه شدیم
 تسبیح بیان ز زنده عشق تو بود و مشغول مناجات سجانی و شیفه ذکر ربانی لسان بیان از اوصاف
 کمال او قاهر تبیان از نعوت عظمت ذات پیر و ال فضل و افضال و مکر پس اولی نسبت که برایم
 توسن نیز کام ادا کام از نکا پوی در اسفراع البقاع بار کشیده بحجاب مقدس مرتبه و جامه مظهر کل خام
 الانبیا و الرسل و سید الکمل و الکل کنجه را عجب الغیب خزن اسرار لاری باعث ایجا و کونین کاشف
 سر عالمین صاحب فضل عظیم مهد و فکر مبداء الکل لعلی خلق عظیم میب وصف خلق کسی که فرست
 خلق را و صف او چه امکانست لاجرم معرفت بجز و قصور و میفرستم بختی از دور رسیده
 و علم و بال طین و عزت طاهرین آنحضرت که مرایای تخلیات رحمت و شئونات جمال مطلق اندر خصوصاً
 ائمه معصومین صلوات الله علیهم جمیعین که هر یک از ایشان مقتدای ارباب توحید و مشوای اصحاب
 تفرید و توسل نو و در میان مناسبتی سامیه و ادکار مناسبتی نامیه ایشان که ذیل بیاچه هر کس ب
 ذریت خاتمه هر خطاب است بر سر نهاده را و رولع فرای نام نشانست بعد نام خدای
 حتم هر نظم و شعر را الحق باشد از بمن نامشان رونق استعدا و سینه بدایح جمیله و فاطمه و حبیله
 و حسن و حبیله رسول لازم التکریم برآورد بر حبا طایر ملکون بقل که یسباز سهر غر و حلال

کارهای که مخانی کرده اند بر لوح دل حبه غربت بنویسند و لعل جدید لذه چای سحرهای که در اندک زمان
ازین حضرت افع شده است در پی نایب نیست چه تخت ندارد زبان در مصاف کنز رنج تیغ
زبنا لطاف چه تیغ تو نیکوتر است ای پسر چه تیغ دیگر مطلق از پاره اگر کوته پای بر چوب بند
که در چشم مردم نای بلند بعون الله و توفیق بر یکسان روشت که ناخفت و جانبانی بوجود آنحضرت
شرفست مسیح پادشاه ارباب مغایر و متعاند با فواج قاهره بود و میرشته ایشان با دلی اغاف مقابل
مغایر که در چهار دهن خود میدهند چه جهانی خوابانی نبوت باش ازندان منکه در هر کسی جاناکت
منی خمار و دنیا بد که نبرد سن که در ایام معدود آنچه خواست حتی سجان و قتل خواهد بود و ظهور خود
زاهد شراب کوثر و حافظ پالنه خواست تا در میان خواسته که در کاس حبیب بود و مشربی که نبرد شایخ
بلکه نام الدین و کم محمد در باب جماعت بود و حاجیان که زیارت که مخطوطه و غنیمات حالیه رفته بودند
دفعه الطربین است از غارت نموده بود
شایخ مبارک سینر ملک معظم زبده الملوك ملک نام الدین بنو فخر عاقلیت پادشاهان و صنوف نوشین
خسروانه شرف امتیاز و اختصاص یافته جوامع غیر انوار و التفات خاطر از با محال و مال خود بدرجه اعلی
نصیر کند و بداند که روزی کار از این غایت آید آج و لقد کرمانی آدم بر تارک مبارک شایسته
و خلق ثمانشامی و دیبای پادشاهی بر قدر قد و خسته و صیت جلالت و معذرت و کامکاری ما در اول
بر وجه صورت آتشار و شستمار یافته الی یومنا و احوار و طبع فطر کیمیا اثر بر صلاح و رواج حال و رواج
بال رعایا و وزیر پستان بر معکون بوده و عماره صد ارند ازین دیو کوشش میسر شده که سر بران پستان
کر چه نیت کنی و منظر صلاح رعیت کنی خدا و احمد مد رب العالمین که مکی تمت بلند و جلالت از محمد زکی

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абд уль-Хусейн Наваи*. Шах Исмаил Сафави. Аснад ва мукатибат-и тарихи хамрах ба йаддаштха-и тафсили). Тегеран, 1347.
2. *Абд уль-Хусейн Наваи*. Шах Тахмасиб Сефеви. Аснад ва мукатибат-и тарихи хамрах ба йаддаштха-и тафсили. Тегеран, 1350.
3. *Абуль Касим Хайдар бек Эвоглу*. Нусха-и джами'а-и мурасалат-и улул-албаб // Рук. ИР им. К. С. Кекелидзе АН Грузии. Ш. РК 21/55.
4. *Абуль Фазл Мубарак Аллами*. Акбар-наме // Рук. ИР НАН Азербайджана. Т. I. Ч. 1, 2. Ш. С-638, Д-120.
5. *Абуль Фазл Мубарак Аллами*. Акбар-наме. Калькутта, 1877–1878.
6. *Абуль Фазл Мубарак Аллами*. Мукатабат-и Аллами // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. С. 64.
7. *Ага Бозорг Тегерани Зари'а*. Аз зари'а ила тасаниф аш-ши'а. XXII. Тегеран, 1392.
8. *Азимджанова С. А.* Государство Бабура в Кабуле и Индии. М., 1977.
9. *Акимущкин О. Ф.* Искендер Мунши. О каллиграфиях времени шаха Тахмасиба I / Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. 39. Иранский сборник. М., 1963.
10. *Аласания Г. Г.* Классификация грузинских письменных исторических источников. Тбилиси, 1986.
11. *Али-заде А. А.* Общность взглядов ученых Ирана и Азербайджана XI–XVI вв. по вопросам социально-экономического характера (Низам аль-Мульк, Рашид ад-Дин и Мухаммед Нахчивани) // Изв. НАН Азерб. ССР. Сер. ИФП. № 1. 1968. Ст. 1–2. С. 47–55; № 1, 1969. С. 31–50.
12. *Антонова К. А.* Дипломатическая Индия в средние века. История дипломатии. М., 1959.
13. *Антонова К. А.* Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556–1605). М., 1952.
14. *Бабур-наме*. Записки Бабура / Пер. М. Салье. Ташкент, 1958.
15. *Большой англо-русский словарь* / Под рук. И. Р. Гальперина. Т. I–II. М., 1977.
16. *Босворт К. Я.* Мусульманские династии. М., 1971.
17. *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. М., 1976.
18. *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. М., 1987.

19. Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2 // Тр. Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Ч. 10. СПб., 1864. С. 65–102.
20. Всемирная история. Т. IV. М., 1958.
21. Гияс ад-дин бен Гуман Хондемир. Наме-и Нами // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. М-209.
22. Гияс ад-дин бен Гуман Хондемир. Хабиб ас-сийар // Рук. ИР НАН Азербайджана. Т. I. Ш. М-344; Т. III. Ш. Б-2564; Т. I. Ш. С-901; Т. III. Ш. С-219; Т. III. Ш. Д-226; Т. III. Ш. Д-136; Т. III. Ш. Д-68; Т. II. Ш. Д-76; Т. III. Ш. М-139; Т. III. Ш. Д-319.
23. Джахангир. Тузук-и Джахангири. Алигарх, 1864.
24. Захираддин Бабур. Бабур-наме // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. С-391.
25. Искендер бек Туркман. Тарих-и Алам арай-и Аббаси // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. С-129; Ш. С-297; Ш. Д-386; Ш. С-633; Ш. Д-120.
26. Искендер бек Туркман. Тарих-и Алам арай-и Аббаси. Т. I–IV. Тегеран, 1314/1896–1314/1897. 2-е изд. с предисл., доп. в 3-х т. издал Ирадж Афшар. Исфахан, 1334/1906.
27. Ислам // Энциклопедический словарь. М., 1991.
28. История дипломатии. Т. I. М., 1958.
29. Касем Туйсеркани. Наме-и Рашид ад-дин Ватват ба муга, ддаме-и дар баре-и шарх-и хал ва нагд-и асар-и Рашид ад-дин ва хатиме-и дар та'арофе риджали ке иам-и ишан дар асар Рашид амаде аст. Тегеран, 1338.
30. Каталог арабских, тюркских и персидских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе (коллекция К) / Сост. Ц. А. Абуладзе, Р. В. Гварамия, М. Г. Мамацшвили; предисл. Г. В. Церетели. Тбилиси, 1969.
31. Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР / Под ред. А. М. Мирзоева, А. Н. Болдырева. Сталинабад, 1960.
32. Кашистанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.
33. Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963.
34. Котовский Г. Г. История Индии. М., 1973.
35. Крымский А. Е. История Персии, ее литературы и дервишской теософии. I–III. М., 1917.
36. Мактубат // Рук. СПб. филиала ИВ РАН. Ш. В-2501.
37. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. М., 1964–1965.
38. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II: XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромасквича, П. П. Иванова // Тр. Института востоковедения. VIII. Источники по истории народов СССР. М.; Л., 1938. С. 52–64, 65–102.
39. Медушевская О. М. О классификации исторических источников // Проблемы научного управления социалистического общества. IV. Рига, 1977.
40. Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. Исторические сочинения. М., 1971.
41. Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабад ал-катаба) / Пер. с перс., введ. и коммент. Г. М. Курпалидиса. М., 1985.

42. Мунша'ат-и Салатин // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. Б-2103.
43. Мухаммед Али Джамалзаде. Бахар-и Иран ва бахарийа дар ше'р-и фарси. Тегеран, 1346.
44. Мухаммед бен Исра'ил. Маджма' уль-инша' // Навал Кишор Пресс, 1887.
45. Мухаммед ибн Хиндушах Нахчвани. Дастур аль-катиб фита'йин аль-маратиб // Критический текст, предисл. и указ. А. А. Али-заде. Т. II. Ч. 1, 2. М., 1964–1971; Т. II. М., 1976.
46. Мухаммед Хасан хан. Тарих-и Мунтазими Насири. Тегеран, 1298–1300.
47. Онуллаhi С. М. «Наме-и Нами» эсэринин Баки нүсхəsi. Əлјазмалар хəзинəsiндə // Азəрб. ССР ЕА РƏФ Нəшри. IV Чилд. Баки, 1976. С. 61–69.
48. Онуллаhi С. М. XIII–XVII əsrлəрдə Тəбриз шəһəriнин тарихи. Баки, 1982.
49. Персидско-русский словарь / Под ред. Ю. А. Рубинчика. Т. I–II. М., 1970.
50. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949. С. 27–30, 32–36.
51. Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беле-ницкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.
52. Рахмани А. А. Азербайджан в конце XVI и XVII вв. Баку, 1981.
53. Рахмани А. А. «Тарих-и Алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960.
54. Розен В. Р. Образчик персидского канцелярского слога 6-го века хиджры // ЗВОРАО. Т. VIII. СПб., 1894.
55. Сабатийан З. Аснад ва намеха-и тарихи: доура-и Сафавийа. Тегеран, 1343.
56. Салах ад-дин ас-Сафадии. Ар-рисалат // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. М-119.
57. Сведения Хасана Румлу о Грузии / Пер. текст с груз. перс., введ. В. С. Путуридзе, примеч. Р. К. Кикнадзе. Тбилиси, 1966.
58. Синха Н. К., Банерджи Ч. А. История Индии. М., 1954.
59. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР / Под ред. А. А. Семенова. Ташкент, 1952.
60. Стори Ч. А. Персидская литература. Биобиблиографический обзор / Перераб. и доп. Ю. Э. Брегель. Т. I–III. М., 1972.
61. Фалсафи Н. Зендегани-и Шах Аббас-и Аввал. Т. I–IV. Тегеран, 1334–1341.
62. Фалсафи Н. Чанд макала-и тарихи ва адаби. Тегеран, 1342.
63. Фалсафи Н. Тарих-и равабит-и Иран ва Арупа дар доура-и Сафавийа. I. Тегеран, 1316.
64. Фарзалиев А., Мамедова Р. Сефевидское государство и империя Великих Моголов: их взаимоотношения в XVI — первой половине XVII в. по материалам «Мунша'ат-и Салатин» // Материалы международной конференции 300 лет иранистике в Санкт-Петербурге». СПб., 2000. С. 74–76.
65. Фарзалиев А. М. Укрепление османов на территории Сефевидского Азербайджана (1579–1583) // В сокровищнице рукописей. Т. VIII. Баку, 1987. С. 119–124.
66. Фарзалиев А. М. Южный Кавказ в конце XVI в. Осман-Сефевидское соперничество. СПб., 2002.
67. Фарзалиев Ш. Ф. Относительно томов «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу // Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. востоковедения. 1972. № I.

68. Фарсоби́н В. В. Источниковедение и его метод. М., 1983.
69. Фарзали́ев А. М. «Муншэ» атлар ги́мэтли тарихи мәнбэ кими // Орта эср элјазмалары вэ Азэрбајчан мәдэнијјэти тарихи проблемлэри. Елми-нэзэри конфрансын материаллары. Бақы, 1989. С. 86.
70. Фарзали́ев Ш. Ф. Азэрбајэан XV–XVI эслэрдэ (һасэн бэј Румлуиун «Өһсэи эт-таварих» эсэри үзрэ). Бақы, 1983.
71. Хасан Румлу. Ахсан ат-таварих // Рук. ИР НАН Азербайджана. Ш. Б-1696.
72. Хваджэ Джахан Имам ад-дин Махмуд Гаван Гульпайгани. Маназир уль-инша / / Рук. Библиотеки восточного факультета СПбГУ. Ш. 443.
73. Хондемир. Хабиб ас-сийар. I–II. Тегеран, 1854.
74. Хондемир. Хабиб ас-сийар. Бомбей, 1856–1857.
75. Чичеров А. И. и др. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием (ремесло и торговля в XVI–XVII вв.). М., 1965.
76. Шариф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме / Пер., предисл., примеч., прил. Е. И. Васильевой. М., 1976.
77. Штенгесс Ф. Полный персидско-русский словарь / Пер. и доп. И. Д. Ягелло. Ташкент, 1910.
78. Элјазмалары каталогу. I–II чилд. Тарих, чоғрафија, эдэбијјат нэзэријјэси, тэзкирэлэр, бэдии эдэбијјат вэ муншэ’ат / Өн сөз, тэсвирлэр вэ көстэриөилэр. М. Султановундур. Бақы, 1963.
79. Эфендиев О. А. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Баку, 1981.
80. A Cronicle of the Early Safavids Being the Ahsan at-Tawarikh of Hasan-i Rumlu. Vol. I / Pers. text, ed. by S. N. Seddon. Baroda, 1931; Vol. II / Engl. transl. by S. N. Seddon. Baroda, 1934.
81. Abdul Bagi Nihawandi. Ma’athir-i Rahimi. Calcutta, 1924–1931.
82. Abdul Qadir Muluk Shah Badagni. Muntakhabat Tawarikh // Bib. Indika. I–III. Calcutta, 1865–1868.
83. Abul Fadl Allami ben Shaikh Mubarak. Akbar-nama / Transl. by H. Beveridge. Calcutta, 1897–1921.
84. Ahmad Nasir. Adilshahi Diplomatic Missions to the Court of Shah Abbas // Islamic Culture. Vol. 43. 1969. № 2. P. 143–161.
85. Amir Khusrau. Ijaz-i Khusrawi. Lucknow, 1876.
86. Badaoni. Muntakhaba-t-Tawarikh. Vol. I / Transl. by G. Ranking. Calcutta, 1898; Vol. II / Transl. by W. H. Lowe. Calcutta, 1884; Vol. III / Transl. by T. W. Haig. Calcutta, 1927.
87. Barthold W. Duglat // Islam Ansiklopedisi. C. III. Istanbul, 1945. S. 652–654.
88. Bayazid Bayat. Tadhkira-i Humaun wa Akbar. Calcutta, 1941.
89. Bellan L. L. Shah Abbas I, sa vie, son histoire. Paris, 1932.
90. Beni Prasad. History of Jahangir. Allahabad, 1962.
91. Beveridge H. Cihangir // Islam Ansiklopedisi. C. III. Istanbul, 1945. S. 172–173.
92. Beveridge H. Gülbaden Begum // Islam Ansiklopedisi. C. IV. Istanbul, 1948. S. 834.
93. Cambridge History of Iran. Vol. VI. Cambridge, 1986.
94. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library. Pt. III. Additional Persian Manuscripts / Ed. by A. F. L. Beeston. Oxford, 1954.

95. Diplomatic Correspondence between Mir Nizam Ali Khan and the East India Company (1780–1789) / Ed. by Y. Husein. Hyderabad; Dekkan, 1958.
96. Dorn B. Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küsten Länder des Kaspischen Meeres. Teil. IV. St. Petersburg, 1858. S. 238–431, 510–514.
97. Edwards K. K. Relations of Shah Abbas the Great of Persia with Moghul Emperors Akbar and Jahangir // Journal of the American Oriental Society. 1958. P. 247–268.
98. Erskine W. History of India under the Two First Sovereigns of the House of Taimur, Baber and Humayun. Vol. I–II. London, 1854.
99. Ethe H. Catalogue of the Persian Manuscripts in the Library of the India Office. Oxford, 1903.
100. Fuad Körpülü M. Babur // Islam Ansiklopedisi. C. II. Istanbul, 1970. S. 181–187.
101. Gülbadan Begum. Humayn-nama / Pers. text with transl. by A. S. Beveridge. London, 1902.
102. Hasan Rumlu. Ahsan at-tawarikh. Baroda, 1931.
103. Hikmet Bayur Y. Osmanlı Padişahı II Süleyman Gürkanlı Padişahı I Alamgir (Evrengeze)–e Mektubu // Türk Tarih Kurumu. Belleten. Cild. XI. Ankara, 1950. S. 269–287.
104. Hodivala S. H. Studies in Indo-Muslim History. Bombay, 1939.
105. Ishwari Prasad M. A. The Mughal Empire. Allahabad, 1974.
106. Jauhar Aftabchi. Tadhkiratul wagi'at / Engl. transl. by Ch. Stewart. London, 1832.
107. Jauhar Aftabchi. Tadhkiratul wafiat / Urdu transl. by Dr. Moinul Hag. Karachi, 1955.
108. Karatay F. E. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi // Türkçe yazmalar katalogu. I. Din, tarih bilimler. Istanbul, 1961.
109. Katib Çelebi. Keşf el-Zunun. C. II. Istanbul, 1943.
110. Kazimi M. R. Humayn in Iran // Islamic Culture. 1969. Vol. XLIII. № 1. P. 5–11.
111. Kühnel E. Han Alam und die diplomatischen Beziehungen zwischen Gahangir und Shah Abbas // ZDMG. Bd. 96. Leipzig, 1942. S. 171–186.
112. Lane-Poole S. Catalogue of the Coins of the Shahs of Persia in the British Museum. London, 1887.
113. Lane-Poole S. Catalogue of the Coins of the Mughal Emperors in the British Museum. London, 1892.
114. Letters Received by the East India Company from Its Servants in the East (1602–1613) / Ed. by F. S. Danvers. Vol. I. London, 1896.
115. Letters Received by the East India Company from Its Servants in the East (1613–1617). Vol. II–VI / Ed. by W. Foster. London, 1897–1902.
116. Manucci N. Storia do Mogor / Transl. by W. Irvine. London, 1907.
117. Memoirs of Jahangir / Transl. by A. Rogers and H. Beveridge. Vol. I–II. London, 1909–1914.
118. Mirza Bala. «Humayün». Islam Ansiklopedisi. C. V. Istanbul, 1964. S. 628–631.
119. Momin M. The Chancellery and Persian Epistolography under the Mughals from Babur to Shah Jahan (1526–1658). Calcutta, 1971.
120. Mucatabat-i Allami. Lucknon, 1863.
121. Muhammad Haidar Dughlat. Tarikh-I Rashidi. A History of the Moghuls of central Asia / An engl. version ed. by N. Elias. Ttransl. by E. Denisson Ross. London, 1895.

122. *Muhammad Qasim Hindu Shah Firishta*. Gulshan-i Ibrahimi or Tarikh-i Firishta. Bombay, 1832.
123. *Nizamuddin Ahmad Bakshi*. Tabakat-i Akbari. Calcutta, 1931.
124. *Qureshi I. H.* Administration of the Sultanat of Dheli. Karachi, 1958.
125. *Qureshi I. H.* The Administration of the Mughal Empire. Karachi, 1966.
126. *Riazul Islam*. Calendar of Documents on Indo-Persian Relations. Vol. I–II. Karachi, 1971.
127. *Riazul Islam*. Indo-Persian Relations. Tehran, 1970.
128. *Riazul Islam*. The Shamlu Letters. A New Source of Iranian Diplomatic Correspondence. Karachi, 1971.
129. *Rieu C.* Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. Vol. I. London, 1879.
130. *Rieu C.* Supplement to the Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. London, 1888.
131. *Rizvi S. A. A.* Religious and Intellectual History of Muslims in Akbar Reing. New Delhi, 1975.
132. *Roe Sir Th.* The Embassy of Sir Thomas Roe. Oxford, 1926.
133. *Roy Choudhury M. L.* The State and Religion in the Mughal India. Calcutta, 1951.
134. *Salemann C., Rosen V.* Indices alphabetici codicum manuscriptorum persicorum, turcicorum, arabicorum, qui in bibliotheca Imperialis literarum universitatis Petropolitanae. Adservantur. Petropoli, 1888.
135. *Savory R.* Iran under the Safavids. Cambridge, 1980.
136. *Smith V.* Akbar the Great Moghul. Oxford, 1966.
137. *Srivastava A. L.* The Mughal Empire (1526–1803 A. D.). Agra, 1957.
138. *Srivastava M. P.* Policies of the Great Mughals. Allahabad, 1978.
139. *Sukumar Ray M. A.* Humayun in Persia. Calcutta, 1948.
140. *Sukumar Ray M. A.* Indo-Persian Contacts during the Age of Akbar // Indo-Islamica. 1951. Vol. IV. N 4. P. 17–22.
141. The Cambridge History of India. Vol. IV. Cambridge, 1937.
142. *Validi A.-Z.* Ein türkisches Werk von Haidar Mirza Dughlat // BSOS. VIII. 84. 1937. S. 985–989.
143. *Zahiruddin Babur*. Babur-nama / Transl. by A. S. Beveridge. London, 1912–1921.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	6
Глава II. «МУНША'АТ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	20
§ 1. «Инша'» и его формы	22
§ 2. Классификация «тарассула»	24
§ 3. Структурные особенности шахских писем	27
§ 4. Стиль сефевидских и могольских официальных документов	40
§ 5. Правила и процесс составления официальных документов	42
§ 6. Достоверность писем, собранных в «Мунша'ат-и Салатин»	45
§ 7. Палеографические данные списка «Мунша'ат-и Салатин»	47
Глава III. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЕФЕВИДОВ И ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ В СЕРЕДИНЕ XVII в. (по материалам «Мунша'ат-и Салатин»)	50
Глава IV. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СЕФЕВИДСКИМ ГОСУДАРСТВОМ И ИМПЕРИЕЙ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI вв. (по материалам «Мунша'ат-и Салатин»)	76
§ 1. Отношения Сефевидов и Великих Моголов в период правления шаха Аббаса I и Акбара	76
§ 2. Отношения Сефевидов и Великих Моголов в первой четверти XVII в.	84
Заключение	108
Приложения. ПЕРЕВОДЫ ПЕРЕПИСКИ СЕФЕВИДОВ И ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ ИЗ СБОРНИКА «МУНША'АТ-И САЛАТИН»	110
Список использованных источников и литературы	221